

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СТАВРОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

на правах рукописи

КОРОСТЫЛЁВ ОЛЕГ ИВАНОВИЧ

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УГРОЗЫ

Специальность 12.00.08
Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание учёной степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель –
доктор юридических наук,
профессор ПИНКЕВИЧ Т.В.

Ставрополь – 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Угроза как уголовно-правовая категория	9
§1. Понятие и признаки угрозы в уголовном праве России	-
§2. Виды угрозы	39
§3. Угроза в уголовном праве зарубежных стран	50
Глава 2. Значение угрозы в российском уголовном праве	74
§1. Угроза в Общей части уголовного права	-
§2. Угроза-деяние	93
§3. Угроза как способ совершения преступления	119
§4. Угроза в составах поставления в опасность	132
Заключение	142
Список использованных правовых источников и литературы	153

Введение

Актуальность темы исследования. Характерной особенностью действующего уголовного законодательства является наличие значительного количества оценочных признаков. Несмотря на различное понимание их юридического значения, практически всеми авторами признается, что именно оценочные признаки Уголовного закона являются одними из главных обстоятельств, препятствующих единообразному применению самого уголовного законодательства.

Одним из наиболее распространенных оценочных понятий в УК РФ является «угроза», упоминаемая более чем в 40 статьях.

«Угроза» - одно из самых неоднозначных понятий действующего уголовного законодательства. Учитывая, что ст. 71 Конституции РФ говорит о необходимости единообразного понимания и применения УК РФ, возникает необходимость теоретического определения угрозы как единой уголовно-правовой категории, а также правильного применения норм уголовного законодательства, содержащих данный признак.

Неоднозначное законодательное конструирование угрозы как уголовно значимого признака осложняет теоретическое понимание и практическое применение этих норм, порождая противоречивую судебную практику.

В теории уголовного права в настоящее время отсутствует единый подход к пониманию угрозы, что особенно проявилось после вступления в силу УК РФ 1996 г. В доктрине «угрозе» как уголовно-правовой категории уделяется явно недостаточное внимание. Полный и всесторонний ее анализ проведен не был, изучению подвергались лишь отдельные стороны угрозы. Исключение составляет работа А.А. Крашенинникова, хотя и в ней целый ряд вопросов остались нерешенными.¹

¹ Крашенинников А.А. Угроза в уголовном праве России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2002.

Наиболее сложные в теоретическом понимании и практическом применении вопросы связаны с пониманием угрозы как деяния, а также в случаях, когда термин «угроза» используется в Уголовном законе при конструировании составов посядения в опасность. Разноречивые рекомендации имеются по вопросам об обязательных юридических признаках угрозы, а также о соотношении угрозы и психического насилия.

Вот далеко не полный перечень проблем, возникающих в связи с применением уголовно-правовых норм, предусматривающих уголовную ответственность за различного рода угрозы. Поэтому данная тема представляется весьма актуальной и необходимой для диссертационного исследования.

Цель и задачи исследования. Основной целью данной работы является комплексное исследование угрозы как деяния и как последствия в уголовном праве. Кроме того, в качестве целей выступают разработка видовой классификации и юридических характеристик угрозы.

Достижение указанной цели возможно путем решения следующих задач:

- 1) определение понятий угрозы-деяния и угрозы-последствия в уголовном праве;
- 2) исследование признаков угрозы в уголовном праве;
- 3) изучение видов угрозы;
- 4) сравнительный анализ зарубежного уголовного законодательства по вопросам исследования;
- 5) рассмотрение значения угрозы в Общей части уголовного права;
- 6) исследование угрозы как деяния в уголовном праве;
- 7) уголовно-правовой анализ угрозы как способа совершения преступления;
- 8) определение значения угрозы в составах посядения в опасность.
- 9) изучение судебной практики и теоретических позиций по теме исследования.

Объектом исследования явился комплекс общественных отношений и интересов, возникающих в связи с совершением либо созданием угроз, имеющих уголовно-правовой характер.

Предметом диссертационного исследования выступили объективные и субъективные признаки угрозы, сформулированные в нормах уголовного законодательства.

Методологическая основа исследования. Методологической основой диссертационного исследования является диалектико-материалистический метод научного познания. В работе автором использованы исторический, формально-логический, сравнительно-правовой, системно-структурный, социологический (в том числе анкетирования) и некоторые другие методы.

Нормативная база исследования представлена Конституцией РФ, Уголовным кодексом РФ, федеральными законами (например, «О безопасности»). Проведён сравнительный анализ действующего уголовного законодательства зарубежных стран, касающегося изучаемой проблемы.

Теоретическая основа исследования. В диссертации, наряду с достижениями науки уголовного права, применялись положения наук общей теории права, истории государства и права, философии права, психологии и других наук.

В работе использовались труды таких авторов, как Х.Х. Абсатаров, Е.Г. Веселов, Л.Д. Гаухман, И.И. Горелик, А.И. Друзин, Р.В. Дягилев, В.П. Емельянов, В.В. Иванова, А.Н. Игнатов, В.В. Калугин, Г.К. Костров, А.А. Крашенинников, Р.А. Левертова, В.В. Лукьянов, С.Х. Мазуков, А.В. Наумов, Т.Ю. Орешкина, В.П. Петрунев, А.А. Пионтковский, Л.В. Сердюк, Н.В. Стерехов, А.А. Тер-Акопов, А.Н. Трайнин, А.Д. Чернявский, Р.Д. Шарапов, М.Д. Шаргородский, Я.М. Яковлев.

Эмпирической базой исследования являются опубликованная судебная практика Верховных судов СССР и РСФСР (РФ), судов г. Ставрополя, касающаяся темы исследования, результаты опроса 100 сотрудников право-

охранительных органов Ставропольского края и республик Северного Кавказа по специально разработанной анкете.

Научная новизна работы заключается в том, что осуществлено одно из первых комплексных монографических исследований, посвященных угрозе как деянию и как последствию в уголовном праве. Разработаны видовые авторские понятия угрозы-деяния (включающую угрозу как способ совершения преступления) и угрозы-последствия. Исследованы признаки названных видов угрозы как категории действующего уголовного законодательства. В работе предложена классификация угрозы в уголовном праве.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Обоснование необходимости категориального понимания угрозы как разновидности преступного деяния и преступных последствий. Соответственно предложена классификация угроз в уголовном праве.

2. Под угрозой-деянием в уголовном праве необходимо понимать воздействие на психику отдельной личности, группы лиц, общество в целом, заключающееся в обнаружении субъективной решимости причинения вреда и реальной возможности его наступления. Обязательными признаками данной угрозы являются реальная возможность наступления вреда и психическое насилие.

3. Состав посязания в опасность – это разновидность материальных составов преступлений, где специфичным последствием выступает угроза наступления определённого в законе вреда.

Угроза в составе посязания в опасность представляет собой конструктивный признак состава преступления - последствие, характеризующееся реальной возможностью наступления вреда, сопровождаемое психическим воздействием на лицо (лиц), выступающего (выступающих) объектом угрозы, в случае его (их) осведомленности. Обязательным признаком такой угрозы является реальная возможность наступления вреда, факультативным – психическое насилие.

4. Угрозы-деяния предлагается классифицировать:

- 1) по содержанию на конкретизированные и неконкретизированные;
- 2) по способу их выражения на устные, письменные, конклюдентные;
- 3) по моменту предполагаемого исполнения на угрозы немедленной реализации (например, при грабеже, разбое) и угрозы реализации в будущем (например, при вымогательстве);
- 4) по сопряжённости с принуждением на угрозы, связанные с принуждением к чему-либо, и угрозы, не обусловленные принуждением.

Угрозы в составах поставления в опасность классифицируются по степени их определённости на конкретизированные и неконкретизированные. К числу конкретизированных угроз следует относить те угрозы, содержание которых определено законодателем (например, угроза существенного вреда окружающей среде в ч. 1 ст. 247 УК РФ), к неконкретизированным – угрозы, содержание которых в Уголовном законе не определено (например, угроза тяжких последствий в ч. 2 ст. 225 УК РФ).

5. Предлагается законодательный признак «могло повлечь» в составах поставления в опасность заменить признаком «угроза». Такая позиция основывается на нецелесообразности использования в Уголовном законе различной терминологии в отношении одних и тех же по содержанию понятий. Кроме того, признак «угроза» означает актуализированную, надвигающуюся опасность, что более точно характеризует состав поставления в опасность.

6. Существует необходимость изменения ст. 119 УК РФ посредством усиления ответственности за сопряжённость угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью с принуждением, с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия и угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью из хулиганских побуждений. Данное предложение основывается на более высокой степени общественной опасности угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью при наличии указанных обстоятельств.

7. Ответственность за угрозу совершения акта терроризма должна быть самостоятельно регламентирована в ч. 1 ст. 205 УК РФ, действующие ч.ч. 1,

2 ст. 205 УК РФ надлежит считать ч.ч. 2, 3, соответственно. Такой вывод следует из различного характера и степени общественной опасности реального совершения акта терроризма и угрозы его совершения.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что его положения и выводы могут быть использованы для совершенствования уголовного законодательства РФ и правоприменительной деятельности. Результаты настоящего исследования могут быть использованы также в учебном процессе и в научных исследованиях, сопряженных с проблемами угрозы в уголовном праве.

Апробация и практическая реализация результатов исследования.

Результаты диссертационного исследования обсуждались на заседании кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Ставропольского филиала Краснодарской академии МВД России. Также результаты работы внедрены в учебный процесс Ставропольского филиала Краснодарской академии МВД России и Ставропольского государственного университета по дисциплине «Уголовное право» (темы: «Объективная сторона преступления», «Соучастие в преступлении», «Обстоятельства, исключющие преступность деяния», «Преступления против жизни и здоровья», «Преступления против общественной безопасности»).

Основные выводы исследования нашли отражение в научных публикациях и представлены на научных конференциях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав (семи параграфов), заключения.

Глава 1. Угроза как уголовно-правовая категория

§1. Понятие и признаки угрозы в уголовном праве России

Итак, российское уголовное законодательство не содержит определения угрозы, в то же время, необходимость его очевидна. И, несмотря на то, что в теории уголовного права неоднократно поднимался вопрос о понятии «угроза» и рассматривались самые разнообразные подходы к её определению, до настоящего времени единого понимания термина «угроза» не выработано.

Вместе с тем, ответственность за угрозу в России предусматривается с XI-XII вв. Впервые о ней упоминается в Русской правде, и с этого момента в истории уголовного законодательства России угроза признаётся наказуемым деянием; круг таких деяний в разные периоды то расширялся, то сужался.²

Обратимся к анализу работ, посвящённых угрозе в уголовном праве России. Представляется целесообразным условно разделить имеющуюся теоретическую базу по данной проблеме на три исторических периода: дореволюционный, советский, современный. И наше исследование будет соответствовать обозначенной хронологии.

Особый интерес вызывают взгляды на угрозу, представленные в работах дореволюционных криминалистов. Уголовное законодательство рассматриваемого периода расценивало угрозу, главным образом, как один из вариантов обнаружения умысла на совершение преступления.

Вместе с тем, по мнению Н.С. Таганцева, угрозу, например, убийством нельзя расценивать как обнаружение умысла, поскольку она рассматривается как отдельное преступление. Он считает, что наказуемость угрозы убийством по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.) и Уставу о

² Подробнее об эволюции уголовно-правового регулирования ответственности за угрозу в дореволюционной и советской России см.: Крашенинников А.А. Угроза в уголовном праве России (проблемы теории и практики правового регулирования) / Отв. ред. А.И. Чучаев. – Ульяновск, 2002. – С. 46-80.

наказаниях, налагаемых мировыми судьями (1864 г.), определяется «беспокойством», поселяемым лицом, совершающим угрозу, в потерпевшем. В подтверждение своему доводу автор обращает внимание на тот факт, что законодатель не требует от виновного действительного умысла на совершение преступления, которым он угрожал. Н.С. Таганцев полагает, что уголовная ответственность за угрозу убийством наступает и в том случае, когда угрожающий не мог фактически совершить убийство.³

Угроза рассматривается Н.С. Таганцевым и в рамках учения о необходимой обороне. Он указывает, что угроза является одним из моментов, с которого возникает право на необходимую оборону. Признавая возможность обороны от угрозы, автор различает две категории угроз: 1) угрозу будущим злом – условную и безусловную и 2) угрозу как заявление нападающего о начале действий. Причём правомерной признавалась оборона исключительно от угрозы второй категории.⁴

Схожую позицию занимает А. Лохвицкий, который понимает под угрозой выражение устно или письменно одним лицом другому намерения совершить преступление. Автор считает, что угрозу не следует ставить в зависимость от её содержания, поскольку угроза не выражает действительного намерения совершить преступление. Угроза, по его мнению, – это «пустые» слова, высказываемые для устрашения потерпевшего в определённых целях. И лицо, реально решившееся совершить преступление, вряд ли будет раскрывать свой замысел перед будущей жертвой.

А. Лохвицкий выделяет следующие элементы угрозы:

- 1) личная обида, поскольку субъект прямо объявляет лицу о предстоящем преступлении, чем показывает своё неуважение к потерпевшему;
- 2) «обеспокоение», душевное расстройство потерпевшего.⁵

³ Таганцев Н.С. О преступлениях против жизни по русскому праву. – СПб., 1870. – С. 293-295.

⁴ Таганцев Н.С. Курс русского уголовного права. Часть Общая. Книга первая. Учение о преступлении. – СПб., 1874. – С. 220-221.

⁵ Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. – СПб., 1871. – С. 613-614.

Отличается понимание угрозы, данное И.Я. Фойницким. Под угрозой он понимает умышленное «стращание» человека причинением ему какого-либо противозаконного зла. В то же время автор утверждает, что угрозу не следует расценивать как обнаружение умысла на совершение преступления, так как виновный мог и не иметь желания причинить такое зло. Нельзя, по его представлению, относить угрозу и к оскорблению, потому что умысел при угрозе может и не быть направлен на честь и достоинство.

По мнению автора, угроза является одним из видов посягательства на свободу, сущность её заключается в воздействии на психику потерпевшего, возбуждении в нём страха и хотя бы косвенном принуждении к определенным действиям или бездействию.

Он предлагает отличать преступную угрозу, с одной стороны, от предупреждения об опасности, а с другой – от неопределённой угрозы (такие выражения, как «доберусь до тебя», «тебе достанется» и пр.) и рекомендует признавать такие высказывания не составляющими угрозы с точки зрения уголовного права.

И.Я. Фойницкий считает, что субъектом угрозы не может быть лицо, имеющее право угрожать. Например, отец, угрожающий высесть сына, безусловно, не может быть привлечён к уголовной ответственности.⁶

Далее, рассуждая о насильственных хищениях, автор выделяет следующие признаки угрозы:

- 1) действительность, то есть возможность её осуществления, по мнению потерпевшего;
- 2) наличность, то есть угроза непосредственно предстоящим злом;
- 3) противозаконность.⁷

Схожую позицию занимает Л.С. Белогриц-Котляревский, который рассматривает угрозу как средство принуждения. Причём, по его мнению, под

⁶ Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. – СПб., 1900. – С. 84-86.

⁷ Там же. – С. 220.

угрозой в данном случае необходимо понимать угрозу действительным злом. Действительность зла определяется субъективным восприятием его потерпевшим, сюда могут быть отнесены и случаи угроз «фиктивным» злом, если виновный осознаёт, что такая угроза расценивается потерпевшим как реальная.⁸

Л.С. Белогриц-Котляревский изучает угрозу и в качестве самостоятельного преступления. Автор отвергает утверждение о том, что угроза выступает одним из моментов предварительной преступной деятельности, а равно о том, что угрозу следует принимать за оскорбление или преступление против общественного порядка. Объектом угрозы необходимо признавать личную свободу, поскольку угроза некоторым образом стесняет возможность лица свободно распоряжаться самим собой – потерпевший от угрозы вынужден для охраны своих благ предпринимать определённые меры предосторожности. И, во всяком случае, по мнению Л.С. Белогриц-Котляревского, предмет наказуемой угрозы должны составлять неправомерные деяния. Способ действий при угрозе, по мнению автора, может быть различен, включая различные конклюдентные действия.⁹

С.В. Познышев, в отличие от И.Я. Фойницкого и Л.С. Белогриц-Котляревского, отвергает мнение об отнесении угрозы к числу посягательств против свободы, так как считает, что угроза безусловная (не связанная с принуждением) не стесняет свободы лица. Кроме того, он не признаёт угрозу обнаружением умысла, преступлением против общественного порядка. Однако в ходе дальнейшего анализа угрозы автор приходит к выводу, что она из всех существующих вариантов определения сущности угрозы наиболее примыкает к разряду посягательств против свободы.¹⁰

⁸ Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. – Киев – Петербург – Харьков, 1903. – С. 377.

⁹ Белогриц-Котляревский Л.С. Указ. соч. – С. 379-381.

¹⁰ Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. – М., 1909. – С. 135-136.

Далее С.В. Познышев выделяет следующие существенные признаки угрозы:

а) умышленность, под которой автор понимает умысел виновного, направленный на то, чтобы вызвать у потерпевшего опасение в осуществимости угрозы;

б) противозаконность, то есть предмет наказуемой угрозы должны составлять действия противозаконные;

в) определённая – угроза должна содержать указание на конкретно определённое зло, неопределённое зло при угрозе, в свою очередь, не будет считаться преступной угрозой;

г) серьёзность угрозы, то есть её способность вызвать опасение реализации у потерпевшего.¹¹

Автор признаёт, что в случаях, когда угроза выступает способом совершения преступления, предмет угрозы могут составлять и не преступные деяния, например, при шантаже – угроза оглашением позорящих сведений, в том числе и истинных.¹²

Перейдём к анализу взглядов на угрозу теоретиков уголовного права советского периода.

М.Д. Шаргородский рассматривает угрозу как проявление умысла. В то же время для обоснования криминализации угрозы (в частности, при угрозе убийством) он ссылается не на то, что она является стадией преступления, а на то, что угроза, например, убийством, носит особо серьёзный характер и сама по себе представляет значительную общественную опасность.¹³

Позиция данного автора представляется несколько противоречивой. С одной стороны, он видит в угрозе проявление умысла (то есть именно стадию предварительной преступной деятельности), с другой стороны, - осторожно уклоняется от признания общественной опасности угрозы исключительно из

¹¹ Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. – М., 1909. – С. 139.

¹² Там же. – С. 258.

¹³ Шаргородский М. Преступления против жизни и здоровья. – М., 1947. – С. 250, 252.

этих соображений, не аргументируя, однако, что он понимает под «особо серьёзным характером», и почему, все-таки, угроза убийством является значительно общественно опасной.

Другое понимание угрозы у В.Н. Кудрявцева. В отличие от М.Д. Шаргородского, он относит угрозу убийством к числу преступлений, создающих реальную возможность наступления вреда.¹⁴

Применительно к изучению угрозы в составах поставления в опасность следует отметить, что в связи с научно-техническим прогрессом внимание юристов в середине XX века привлекает угроза и в качестве конструктивного элемента составов поставления в опасность. Однако угроза рассматривается исключительно как синоним опасности, её категориальное определение изучается недостаточно.¹⁵

Далее остановимся на работах Л.Д. Гаухмана, достаточно подробно проанализировавшего угрозу. Названный автор считает, что «угроза применения насилия – это запугивание другого человека применением к нему физического насилия».¹⁶ Он выделяет общие и особенные признаки угрозы.

Первые присущи всем угрозам, вторые – характеризуют конкретную угрозу и позволяют отграничивать смежные преступления. К числу общих автор относит факт запугивания потерпевшего применением физического насилия и действительность угрозы. Причём под действительностью угрозы он понимает её субъективную оценку, как со стороны потерпевшего, так и со стороны виновного, что означает восприятие потерпевшим угрозы в качестве реально осуществимой (её равнозначность физическому насилию) и осознание такого восприятия виновным.¹⁷

Выделение такого признака угрозы физическим насилием как факт запугивания *физическим насилием* потерпевшего представляется излишним,

¹⁴ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. – М., 1960. – С. 151.

¹⁵ См. например: Горелик И.И. Ответственность за поставление в опасность по советскому уголовному праву. – Минск, 1964.

¹⁶ Гаухман Л.Д. Борьба с насильственными посягательствами. – М., 1969. – С. 31.

¹⁷ Там же. – С. 32.

поскольку это вытекает собственно из названия разновидности угрозы. Помимо этого вызывает возражение приравнивание угрозы физическим насиле- ем к самому физическому насилию, что демонстрирует преувеличенное зна- чение субъективности угрозы и умаляет её объективность.

Л.Д. Гаухман утверждает, что такой признак угрозы, как наличие осно- ваний опасаться её осуществления, является обязательным только для ст. 207 УК РСФСР («Угроза убийством, нанесением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества»), так как законодатель включает данный при- знак в качестве обязательного исключительно в указанной норме.¹⁸

В таком ракурсе сложно различить действительность угрозы и её ре- альную осуществимость. Вероятно, следует предположить, что автор подра- зумевает под действительностью угрозы её субъективную оценку потерпев- шим и осознание этого факта виновным, а под наличием оснований опасаться осуществления угрозы – обстоятельства объективного плана. В подтвержде- ние такого довода автор утверждает, что при определении действительности угрозы необходимо руководствоваться субъективным критерием, и «это обу- словлено самой природой угрозы как психического насилия».¹⁹

Кроме того, Л.Д. Гаухман выделяет ещё два признака угрозы: налич- ность и интенсивность. Под наличностью он понимает момент предполагае- мой реализации угрозы, который позволяет отличить вымогательство от раз- боя и насильственного грабежа. Определённость угрозы, как считает автор, определяет её интенсивность, что способствует различию угроз по содержа- нию, например, угрозы применения насилия, опасного для жизни или здоро- вья, от угрозы применения насилия, не опасного для жизни или здоровья.

Так, угрозу оружием или предметами, используемыми в качестве ору- жия (в том числе макетами, имитацией оружия, если потерпевший воспри- нимает их за настоящее оружие), следует отнести к числу угроз, опасных для жизни или здоровья. Однако, по мнению автора, угроза имитацией оружия,

¹⁸ Гаухман Л.Д. Борьба с насильственными посягательствами. – М., 1969. – С. 32.

¹⁹ Там же. – С. 32.

даже в случае восприятия потерпевшим его за настоящее, не может образовывать состава преступления, предусмотренного ст. 207 УК РСФСР, так как отсутствуют основания опасаться осуществления такой угрозы.²⁰ В данном случае Л.Д. Гаухман подчёркивает приоритет объективных, а не субъективных свойств угрозы.

Сложно согласиться с Л.Д. Гаухманом в том, что угроза жестами и угроза словесная не вызывают затруднений в установлении степени их интенсивности. Наоборот, подобные угрозы, в большинстве случаев, носят неопределённый характер.

В случае неопределённости угрозы жестами или словесной угрозы (угрозы насиллием) автор предлагает расценивать её как угрозу насиллием, не опасным для жизни или здоровья. В то же время угроза насиллием, выражаемая самой обстановкой совершения преступления (без слов и жестов), по его мнению, требует для отнесения её к угрозе того или иного вида анализа всех материалов конкретного уголовного дела (восприятие угрозы потерпевшим, расчёт на такое восприятие виновного).²¹

Таким образом, получается, что почему-то угрозы жестами или словесные не требуют, с точки зрения Л.Д. Гаухмана, такого же тщательного анализа. На наш взгляд, такие рекомендации несколько не последовательны, так как выражение угрозы насиллием словами, а, тем более, жестами зачастую неопределённые. И вывод об отнесении такой угрозы к угрозе насиллием, не опасным для жизни или здоровья, будет поспешным. В данном случае также необходимо тщательно изучить материалы уголовного дела, отражающие, в частности, характер восприятия угрозы потерпевшим, субъективное отношение виновного к своему деянию и другие обстоятельства совершённого преступления.

²⁰ Гаухман Л.Д. Борьба с насильственными посягательствами. – М., 1969. – С. 32-35.

²¹ Там же. – С. 34-37.

В целом, Л.Д. Гаухман делает вывод, что для оценки степени интенсивности угрозы надо руководствоваться только субъективным критерием, под которым он понимает восприятие угрозы потерпевшим и осознание факта такого восприятия виновным. Исключение составляет преступление, предусмотренное ст. 207 УК РСФСР, где требуется наличие основания опасаться осуществления угрозы.²²

Вероятно, автор упускает из виду те случаи, когда угроза может представлять реальную возможность наступления вреда, но потерпевший не будет этого осознавать. Например, виновный осуществляет нападение с настоящим огнестрельным оружием, а потерпевший полагает, что это всего лишь макет. В такой ситуации, согласно разъяснениям Л.Д. Гаухмана, угрозу следует отнести по интенсивности к угрозе насилем, не опасным для жизни или здоровья. Это вряд ли обоснованно, поскольку объективно угроза настоящим оружием представляет опасность для жизни или здоровья, даже если потерпевший этого и не осознаёт, заблуждаясь относительно истинных свойств орудия преступления.

Интересно выделение автором анализируемой работы угрозы действием (подталкивание потерпевшего к выходу в движущемся поезде). Такие действия, безусловно, следует относить к угрозам, опасным для жизни или здоровья.²³

В отличие от многих юристов, В.Д. Меньшагин рассматривает угрозу как признак состава посягательства в опасность. Причём обозначается данная угроза им в качестве последствия преступления. Такой вывод прямо не следует из названной работы, но к нему можно прийти на основании того, что В.Д. Меньшагин говорит о необходимости установления причинной связи между деянием и созданием возможности наступления тяжких последст-

²² Гаухман Л.Д. Борьба с насильственными посягательствами. – М., 1969. – С. 46.

²³ Там же. – С. 37.

вий.²⁴ Указание на необходимость установления причинной связи с угрозой, по нашему мнению, свидетельствует о том, что угроза рассматривается автором именно как последствие. Однако на характеристике угрозы он не останавливается, нередко подменяя её словом «возможность».

А.А. Пионтковский, анализируя насильственные хищения, утверждает, что хотя в ч. 2 ст. 90 УК РСФСР 1961 года (регламентировавшей ответственность за грабёж, соединённый с насилием) и не указывается на возможность его совершения с угрозой применения насилия, не опасного для жизни или здоровья, но насилие в данном случае следует понимать и как психическое в том числе (то есть угрозу). Комментируя угрозу при грабеже, он поясняет, что она должна быть способной принудить потерпевшего к передаче имущества и могла непосредственно осуществиться. Последний признак угрозы А.А. Пионтковский называет её наличием, который отличает угрозу в хищении от угрозы в вымогательстве.

Для отграничения угрозы применения насилия, опасного для жизни или здоровья, от угрозы применения насилия, не опасного для жизни или здоровья, автор предлагает обратиться к её содержанию, однако как это содержание уяснить – он не раскрывает. С субъективной стороны характер насилия, которым угрожают, должен охватываться умыслом виновного, но решающее значение, по мнению А.А. Пионтковского, должно иметь восприятие насилия потерпевшим.

Помимо сказанного, автор называет угрозу в насильственных хищениях и вымогательстве средством совершения преступления.²⁵ Он не останавливается подробно на характеристике угрозы, не приводит её определения, и, даже комментируя ст. 207 УК РСФСР, им описываются лишь некоторые её признаки.²⁶

²⁴ Курс советского уголовного права / Под ред. А.А. Пионтковского, П.С. Ромашкина, В.М. Чхиквадзе. – М., 1970. – Т. 4. – С. 202.

²⁵ Там же. – С. 355-361, 405.

²⁶ Курс советского уголовного права / Под ред. А.А. Пионтковского, П.С. Ромашкина, В.М. Чхиквадзе. – М., 1971. – Т. 5. – С. 186-189.

Особо следует отметить исследования угрозы, проведенные в 70-х годах 20 столетия.²⁷ Причем, несмотря на незначительные разрывы во времени между опубликованием своих работ, авторы подходят к исследованию угрозы с различных позиций, их выводы отличаются оригинальностью, некоторые из которых заслуживают особого внимания.

Так, Г.К. Костров и Л.В. Сердюк относят угрозу к форме психического насилия. По их мнению, угроза состоит в утрашении потерпевшего причинением ему вреда²⁸ и, кроме того, она оказывает на него принуждающее воздействие.²⁹ При этом Г.К. Костров полагает, что в случае, если возникают затруднения при квалификации деяния как угрозы применения насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угрозы применения насилия, не опасного для жизни или здоровья, следует исходить из характера восприятия угрозы потерпевшим.³⁰

Заслуживает внимания предложение Г.К. Кострова о необходимости закрепления уголовной ответственности за принуждение к совершению или к отказу от совершения каких-либо действий, существенно нарушающих правоохраняемые интересы потерпевшего. Такое положение, на наш взгляд, не утратило актуальность и в наши дни, поскольку, как справедливо отмечает Г.К. Костров, общественная опасность угрозы, сопряженной с принуждением к чему-либо, значительно выше, чем угрозы, не обусловленной какими-

²⁷ Три диссертации в этот период посвящены уголовно-правовым проблемам собственно угрозы. См.: Костров Г.К. Уголовно-правовое значение угрозы: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1970; Петрунев В.П. Ответственность за угрозу убийством, нанесением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества по советскому уголовному законодательству: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1970; Стерехов Н.В. Ответственность за угрозу по советскому уголовному праву (вопросы теории и практики): Дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1972. Две диссертации в этот же период посвящены изучению психического насилия. См.: Левертова Р.А. Ответственность за психическое насилие по советскому уголовному праву: Дис. ... канд. юрид. наук. – Хабаровск, 1972; Сердюк Л.В. Психическое насилие как предмет уголовно-правовой оценки: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1979.

²⁸ Р.А. Левертова считает, что утрашение является обязательным элементом любой угрозы. – См. Левертова Р.А. Указ. соч. – С. 12.

²⁹ Костров Г.К. Указ. соч. – С. 12; Сердюк Л.В. Психическое насилие как предмет уголовно-правовой оценки: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1979. – С. 11.

³⁰ Костров Г.К. Психическое насилие при разбое и грабеже // Советская юстиция. – 1970. – №11. – С. 9.

нибудь требованиями. В то же время предусмотреть в Уголовном законе все виды общественно опасных принуждений также практически невозможно.³¹

Н.В. Стерехов, определяя угрозу, акцентирует внимание на том, что угроза характеризуется принуждением, и содержит в себе информацию о решимости причинить вред интересам потерпевшего, а также ограничивает внутреннюю свободу потерпевшего.³²

При определении реальности угрозы, Н.В. Стерехов указывает на необходимость:

- 1) выяснения внешних условий, при которых совершается угроза;
- 2) изучения личности виновного;
- 3) анализа предшествующих взаимоотношений между потерпевшим и виновным;
- 4) установления характера восприятия угрозы потерпевшим.³³

Такие рекомендации представляются нам одними из наиболее полных.

В.П. Петрунев придерживается вышеобозначенной позиции Л.Д. Гаухмана о том, что такой признак угрозы, как наличие оснований опасаться её осуществления, обязателен только для наличия состава преступления, предусмотренного ст. 207 УК РСФСР.³⁴ Не совсем ясно характеризует автор реальную опасность угрозы, как признак её объективной стороны. Он утверждает, что реальная опасность отличается от абстрактной и конкретной опасности, описываемых в теории уголовного права, тем, что она несовместима с предварительной преступной деятельностью.³⁵ Однако каким же образом совме-

³¹ Костров Г.К. Нужен общий состав об ответственности за принуждение // Советская юстиция. – 1976. – № 2. – С. 22-23.

³² Стерехов Н.В. Указ. соч. – С. 55; Стерехов Н.В. Ответственность за угрозу по советскому уголовному праву: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1972. – С. 5.

³³ Там же. – С. 18.

³⁴ Петрунев В.П. Ответственность за угрозу // Советская юстиция. – 1970. – № 19. – С. 23.

³⁵ Петрунев В.П. Борьба с уголовно наказуемыми угрозами // Советская юстиция. – 1975. – № 17. – С. 14.

щается конкретная и абстрактная опасность с приготовлением или покушением, автор не разъясняет.

Проведя анализ юридической литературы, мы пришли к выводу, что смежным с угрозой является понятие «опасность». Однако, как уже замечено, многие криминалисты используют эти термины в качестве равнозначных. Так, Т.В. Церетели использует слово «угроза» как синоним слова «опасность» при анализе составов поставления в опасность (или деликтов создания опасности, как их обозначает названный автор).³⁶ Опасность в данных составах преступлений общепринято определять как конкретную. По мнению Т.В. Церетели, «понятие опасности относится к категории возможности и означает состояние, которое содержит в себе возможность возникновения вреда»³⁷. Кроме того, она относит рассматриваемое состояние опасности к общественно опасным последствиям преступления. Следует согласиться с тезисом Т.В. Церетели о том, что опасность как возможность причинения вреда и общественная опасность как опасность деяния с точки зрения правопорядка в целом – понятия разные.³⁸

Как высказывание, которое свидетельствует о намерении совершить преступление, понимает угрозу М.А. Ефимов. Под реальностью угрозы, как признака этого преступления, он подразумевает наличие у виновного возможности её осуществления. В то же время, по его мнению, наличие у виновного возможности осуществить угрозу не всегда свидетельствует о её реальности. Имеется в виду состояние раздражения, вспыльчивости лица, высказывающего угрозу.³⁹

В 1974 году была опубликована работа Л.Д. Гаухмана «Насилие как средство совершения преступления», в которой он отчасти уточняет некото-

³⁶ Церетели Т.В. Деликты создания опасности // Советское государство и право. – 1970. – № 8. – С. 61.

³⁷ Там же. – С. 57.

³⁸ Там же. – С. 61.

³⁹ Ефимов М.А. Борьба с преступлениями против общественного порядка, общественной безопасности и здоровья населения. – Минск, 1971. – С. 40-41.

рые рекомендации по установлению вида угрозы (которые мы исследовали ранее). Так, автор поясняет, что в случае, если угроза осознавалась виновным как угроза насилием, опасным для жизни или здоровья, а потерпевший не воспринимал такого характера угрозы, то содеянное должно квалифицироваться как покушение на разбой (конечно же, при условии, что угроза сопровождала нападение в целях хищения чужого имущества), а не как грабёж.⁴⁰

Таков краткий обзор историографии исследований угрозы в уголовном праве. Изложенное позволяет говорить о том, что угроза в разные периоды времени то с большей, то с меньшей интенсивностью обращала на себя внимание криминалистов. Лишь некоторые пытались дать определение этой уголовно-правовой категории, большинство же ограничивалось выделением отдельных её признаков. Имеющиеся рекомендации по установлению юридических признаков угрозы зачастую носят противоречивый характер. Отмеченное указывает на сложность этого преступного проявления, неоднозначность его понимания теоретиками и правоприменителями, в то же время на его весьма значительную общественную опасность.

В современный период развития отечественного уголовного права (имеется в виду период с начала 90-х годов) мнения ряда авторов относительно категории угрозы в уголовном праве также не характеризуются единообразием и, как и в предшествующий период, многие из них избегают определения, а зачастую даже характеристики угрозы.

Для начала обратимся к юридическим словарям и учебникам.

В словаре по уголовному праву угроза уголовно наказуемая определяется Э.Ф. Побегайло как разновидность психического насилия над личностью. Применительно к ст. 119 УК РФ, она состоит, по его мнению, в выражении вовне намерения лишить жизни потерпевшего или причинить тяжкий вред его здоровью; такая угроза рассчитана на запугивание.

⁴⁰ Гаухман Л.Д. Насилие как средство совершения преступления. – М., 1974. – С. 100.

Автор выделяет такой признак угрозы, как реальность, которая, по его мнению, сводится к наличию объективных оснований опасаться её осуществления, субъективному восприятию угрозы потерпевшим отводится второстепенная роль. Реальность угрозы, по его мнению, складывается из целого ряда факторов: время, место, способ, обстановка, личность виновного и потерпевшего, предшествующие взаимоотношения между ними и т.п.⁴¹ Такого же мнения придерживается и Н.К. Семернева.⁴²

К.Л. Акоев под угрозой понимает выраженное любым способом (словесно, письменно, непосредственно, через третьих лиц) намерение причинить вред конкретным правоохраняемым объектам.⁴³

Подобная трактовка угрозы имеется и в юридической энциклопедии: «Угроза – один из видов психического насилия над личностью; выражение устно, письменно, действиями либо другим способом намерения нанести физический, материальный или иной вред лицу или его правам и интересам, охраняемым законом».⁴⁴

Данные определения представляются весьма спорными, поскольку из текста вытекает, что высказывание лица об имеющемся у него замысле совершить преступление следует расценивать в качестве уголовно-наказуемой угрозы. В то же время общепризнан классический принцип уголовного права: *coqitationis roenam nemo patitur* (мысли ненаказуемы), и приведённые определения могут найти поддержку у сторонников обнаружения умысла как стадии совершения преступления, но признающих её ненаказуемой.⁴⁵ Нас же интересует угроза как преступное деяние, отсюда и наказуемое. Таким обра-

⁴¹ Словарь по уголовному праву / Отв. ред. А.В. Наумов. – М., 1997. – С. 625; Уголовное право России. Особенная часть / Под ред. А.Н. Игнатова и Ю.А. Красикова. – М., 2000. – С. 99.

⁴² Уголовное право. Особенная часть / Под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой, Г.П. Новосёлова. – М., 2001. – С. 130.

⁴³ Российское уголовное право. Особенная часть / Под ред. М.П. Журавлёва и С.И. Никулина. – М., 1998. – С. 65.

⁴⁴ Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия / Под ред. М.Ю. Тихомирова. – М., 1999. – С. 458.

⁴⁵ Козлов А.П. Учение о стадиях преступления. – СПб., 2002. – С. 50.

зом, обозначенные дефиниции угрозы не в полной мере раскрывают её сущность. В немногочисленных учебных пособиях и монографиях, так или иначе затрагивающих данную проблематику, также подчёркивается факт её слабой разработанности.

По словам В.В. Ивановой, под угрозой должно пониматься воздействие на психическую деятельность потерпевшего путём сообщения ему сведений о совершении немедленно либо в будущем нежелательных (вредных) для него или близких ему лиц действий, возбуждение в нём чувства страха и в принуждении его к какой-либо деятельности или бездействию.⁴⁶ Несмотря на относительно детальное определение угрозы, оно не лишено спорных моментов. Так, утверждение о том, что угроза – это всегда сообщение сведений, не вызывает сомнений. Что же касается таких признаков, как «страх» и «принуждение к каким-либо деяниям», на наш взгляд, они характеризуют далеко не каждую преступную угрозу. Страх у потерпевшего от угрозы или хотя бы стремление (со стороны виновного) возбудить страх у потерпевшего могут отсутствовать, и это не исключит общественную опасность угрозы.⁴⁷ Что касается принуждения, то оно, тем более, присуще далеко не каждой конкретной угрозе.

Как и многие авторы, С.В. Бородин относит угрозу к одной из форм проявления умысла, то есть начальной стадии развития преступления, характеризующейся выражением во вне намерения тем или иным способом совершить преступление. Целесообразность криминализации угроз (в частности, угрозы убийством) он аргументирует их особо серьёзным характером и значительной общественной опасностью при определённых обстоятельствах.⁴⁸

⁴⁶ Иванова В.В. Преступное насилие. – М., 2002. – С. 31.

⁴⁷ См.: Постановление № 29 Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – № 2. – С. 6.

⁴⁸ Бородин С.В. Преступления против жизни. – СПб., 2003. – С. 314-317. Позиция С.В. Бородина в этом отношении аналогична вышеприведённой точке зрения М.Д. Шаргородского.

На наш взгляд, с этим вряд ли можно согласиться, так как существуют преступления, угрозы совершения которыми представляют не меньшую «серьёзность» и общественную опасность, чем угрозы, преступные по действующему уголовному законодательству России. Например, угроза диверсией, шпионажем, изнасилованием и т.п.

Помимо этого, не совсем ясно, почему же С.В. Бородин говорит, что угроза, являющаяся конструктивным или квалифицирующим признаком состава преступления (принуждение к даче показаний, разбой, грабёж, изнасилование и др.), не может рассматриваться как стадия развития преступления.⁴⁹

Не изменил своих взглядов на угрозу (по крайней мере, применительно к насильственным хищениям и вымогательству) Л.Д. Гаухман и в наши дни. Он по-прежнему утверждает, что угроза – это запугивание (устрашение) потерпевшего причинением ему определённого вреда.⁵⁰ Применительно к названным преступлениям, данное определение представляется приемлемым, хотя и не совсем полным. Однако его вряд ли можно применить, например, к угрозе убийством (в смысле ст. 119 УК РФ).

А. Друзин трактует угрозу, применительно к ст. 321 УК РФ, как «общественно опасное информационное воздействие ..., в результате которого потерпевший оказывается в состоянии выбора ...»⁵¹. Такое определение представляется нам малосодержательным, состоящим из общих фраз.

Оригинальное определение угрозы приводит А.В. Гыскэ. Он считает, что «угроза – это актуализированная форма опасности в процессе её превращения из возможности в действительность, субъективную готовность одних людей причинить ущерб другим»⁵². Сразу оговоримся, что эта дефиниция

⁴⁹ Бородин С.В. Преступления против жизни. – СПб., 2003. – С. 315.

⁵⁰ Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. – М., 2003. – С. 401, 406, 429.

⁵¹ Друзин А. Угроза как признак преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ // Уголовное право. – 2003. – № 1. – С. 23.

⁵² Гыскэ А.В. Борьба с преступностью в системе обеспечения внутренней безопасности российского общества. – М., 2001. – С. 39.

посвящена криминологическим проблемам. Вместе с тем, такое определение угрозы, по нашему мнению, представляет определённую ценность и для уголовно-правового исследования. В частности, угроза определяется через опасность, реальную возможность, переходящую в действительность. В то же время автор видит угрозу в превращении опасности в субъективную готовность *одних людей* причинить вред другим. Такое толкование, однако, не позволяет применить это определение к угрозе, которая имеет место в составах поставления в опасность, хотя как определение к угрозе-деянию или способу совершения преступления оно приемлемо.

Наиболее предпочтительной видится точка зрения А.А. Крашенинникова, который применил системный подход к изучению угрозы в уголовном праве и определил угрозу двояко. Во-первых, угроза как способ принуждения, самостоятельный способ совершения преступления и деяние – это «способ нарушения психической неприкосновенности личности». Во-вторых, угроза в составах поставления в опасность – это «возможная опасность наступления преступных последствий».⁵³

К числу отрицательных сторон такого понимания угрозы, на наш взгляд, следует отнести традиционно неконкретизированное определение угрозы первого вида. Что касается угрозы второго вида, то можно отметить, что А.А. Крашенинников, исследующий проблемы угрозы, применил революционный подход, так как превалирующее большинство криминалистов, так или иначе затрагивавших проблемы угрозы в уголовном праве, угрозам в составах поставления в опасность значения не придавали.

Обратимся к этимологическому анализу слова «угроза». В толковом словаре русского языка В. Даль объясняет глагол «угрожать» как «стращать, наводить опасность либо опасенье, держать кого под страхом, под опаскою».⁵⁴ В данном определении выделяется признак угрозы – страх, то есть

⁵³ Крашенинников А.А. Угроза в уголовном праве России (проблемы теории и практики правового регулирования) / Отв. ред. А.И. Чучаев. – Ульяновск, 2002. – С. 16.

⁵⁴ В. Даль. Толковый словарь. – М., 1991. – Т.4. – С. 470.

угроза включает в себя заряд психического воздействия, что не вызывает сомнения и с уголовно-правовой точки зрения.⁵⁵

Ещё один признак, который характеризует угрозу (исходя из определения В. Даля), – это опасность, сопровождающая угрозу. В свою очередь опасность, по его мнению, – состояние, свойство по прилагательному «опасный», которое имеет значение «чего должно опасаться, угрожающий или могущий вредить».⁵⁶

По мнению С.И. Ожегова, угроза это: «1. Запугивание, обещание причинить кому-нибудь неприятность, зло. 2. Возможная опасность».⁵⁷ Автором проводится разграничение: угроза толкуется в двух вариантах – как психическое насилие (запугивание) и как состояние (опасность). В то же время опасность определяется «возможностью, угрозой чего-нибудь опасного», а опасный, по Ожегову С.И., – это «способный вызвать, причинить какой-нибудь вред, несчастье».⁵⁸ Отсюда вывод, что угроза, по С.И. Ожегову, характеризуется двумя основными компонентами: психическим насилием и возможностью наступления вреда, причём они взаимообусловлены.

Следует сказать, что угроза и опасность, по большому счёту, являются синонимами⁵⁹, что не безосновательно. Например, М. Гацко утверждает, что угроза и опасность имеют такую общую черту, как наличие реальной или потенциальной возможности причинения ущерба.⁶⁰ Значения этих слов, по нашему мнению, не совпадают лишь в том, что понятие угрозы толкуется несколько шире, чем опасность. Так как, во-первых, угроза выступает в качестве определённого состояния (собственно опасность) и вида психического на-

⁵⁵ Имеется в виду, что угрозе, в большинстве случаев, присущ такой признак как «страх».

⁵⁶ В. Даль. Толковый словарь. – М., 1989. – Т.2. – С. 676-677.

⁵⁷ Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Шведовой Н.Ю. – 2-е изд. – М., 1989. – С. 673.

⁵⁸ Там же. – С.364.

⁵⁹ См. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. – М., 1989. – С. 253.

⁶⁰ Гацко М. О соотношении понятий «угроза» и «опасность» // Обозреватель. – 1997. – № 7. – С. 24-29.

сила, опасность же – только как состояние. Во-вторых, угрозе присуща не только возможность, но и намерение нанесения ущерба, чем не характеризуется опасность.⁶¹

В связи со сказанным возникает необходимость раскрыть понятие «опасность».

Одна из существующих позиций относительно определения опасности с уголовно-правовой точки зрения сводится к пониманию этого явления как реальной возможности наступления вредных последствий,⁶² что является, на наш взгляд, наиболее приемлемым, поскольку такое понятие с наибольшей полнотой раскрывает существо рассматриваемой категории.

Интерес вызывает и антоним опасности – безопасность, определение которой закреплено Законом РФ «О безопасности». Так, в соответствии со ст. 1 данного Закона: «безопасность – это состояние защищённости жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз». Там же, в ст. 3, говорится о том, что «угроза безопасности – это совокупность условий и факторов, создающих опасность жизненно важным интересам личности, общества и государства».⁶³

Данное определение угрозы несколько абстрактно, так как не конкретизировано, совокупность каких именно условий и факторов создаёт опасность. Однако его можно было бы применить и, например, к угрозе убийством. Сказанное будет выглядеть следующим образом: угроза убийством – это совокупность условий и факторов, создающих опасность жизни человека. Но для угрозы, ответственность за которую предусмотрена в ст. 119 УК РФ, это слишком широкое толкование. Практически, обозначенная норма применяется лишь за угрозу убийством, исходящую только от определённого лица

⁶¹ Гацко М. О соотношении понятий «угроза» и «опасность» // Обозреватель. – 1997. – № 7. – С. 24-29.

⁶² См. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. – М., 1960. – С. 99.; Ляпунов Ю.И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права. – М., 1989. – С. 39.

⁶³ О безопасности: Закон РФ от 5 марта 1992 г. // Ведомости РФ. – 1992. – № 15. – Ст. 769.

(лиц). Но, с другой стороны, угроза жизни человека может исходить и от определённых ситуаций (как правило, техногенного характера). Ответственным за создание таких ситуаций являются, зачастую, должностные лица.

Как мы отметили, угроза и опасность являются практически тождественными понятиями. Тогда можно предположить, что для формулирования определения угрозы применима дефиниция опасности, тогда угроза – это реальная возможность наступления вредных последствий. Такое определение может быть применено к понятию угрозы только в составах поставления в опасность. Например, в ч. 2 ст. 225 УК РФ предусматривается ответственность за ненадлежащее исполнение обязанностей по охране ядерного, химического или других видов оружия массового поражения либо материалов или оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, если это создало угрозу наступления тяжких последствий. Здесь деяние создаёт угрозу, то есть именно «реальную возможность наступления вредных последствий».

Рассматриваемое определение в некоторой степени применимо и к случаям, когда угроза выступает в качестве способа совершения преступления. Так, в п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ регламентируется уголовная ответственность за воспрепятствование осуществлению гражданином своих избирательных прав или права участвовать в референдуме, нарушение тайны голосования, а также за воспрепятствование работе избирательных комиссий, комиссий референдума либо деятельности члена избирательной комиссии, комиссии референдума, связанной с исполнением им своих обязанностей, соединённые с угрозой применения насилия.

Согласно существующим судебным решениям, при квалификации по данному квалифицирующему признаку (п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ), учитыва-

ется реальность угрозы применения насилия.⁶⁴ Отсюда и реальная возможность наступления вредных последствий.

Рассмотрим данное толкование угрозы применительно и к таким деяниям, как: угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ), угроза убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования (ст. 296 УК РФ). Тогда, угроза убийством – это реальная возможность умышленного причинения смерти другому человеку.

С одной стороны, угроза убийством обычно содержит в себе определённый потенциал предполагаемого к реализации противоправного лишения жизни другого человека. Не зря законодатель акцентирует внимание правоприменителя на том, что для наличия состава преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ, требуются основания опасаться осуществления этой угрозы.

А с другой, – приведённое определение не отмечает факта исхода угрозы от определённого лица (лиц) и, вместе с тем, не отражает наличие некоторого заряда психического насилия, что немаловажно. Последний аргумент явно прослеживается в ст.ст. 119, 296 УК РФ, но он присущ и угрозам в конструкциях предыдущих составов (ч. 2 ст. 225, п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ).

Из сказанного следует, что угрозе присущ такой обязательный признак как опасность, то есть реальная возможность наступления вреда. Причём он характерен и для угроз-деяний, угроз-способов совершения преступления и для угроз в составах поставления в опасность. Данный признак угрозы многими авторами называется её реальностью, и в юридической литературе существует несколько позиций относительно его понимания и принадлежности к различным типам угроз.

⁶⁴ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1974. – №11. – С. 13-14; Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2002. – №11. – С. 12-13.

Так, Л.В. Сердюк утверждает, что чем реальнее угроза, тем выше степень её общественной опасности.⁶⁵ Отсюда следует и обратное – чем меньшей степенью реальности обладает угроза, то есть реальной возможностью её осуществления, тем ниже степень её общественной опасности. Соответственно, при полной невозможности осуществления угрозы она теряет общественную опасность, что не вызывает возражений.

В связи с этим под реальностью угрозы автор понимает «такой объективный фактор, который наряду с другими воздействует на психику потерпевшего тем, что убеждает его в возможности и неотвратимости осуществления этой угрозы, тем самым влияет на степень опасности данного деяния и на признание или не признание его преступлением»⁶⁶.

Реальность угрозы Л.Д. Гаухман характеризует восприятием её потерпевшим в качестве действительной и осознание этого виновным, который желает такого восприятия.⁶⁷ В то же время, например, Р.А. Левертова некоторым образом принижает значение субъективного восприятия угрозы потерпевшим при оценке её реальности.⁶⁸

В.В. Иванова придерживается иной точки зрения. Она полагает, что брать за основу реальности угрозы восприятие её потерпевшим неверно, поскольку в таком случае могут последовать неправильные выводы, например, в ситуациях, когда потерпевший не понимает свойства реальной угрозы ввиду своего психического расстройства или, наоборот, является чрезмерно впечатлительным и воспринимает нереальную угрозу как реально осуществимую.⁶⁹ Эта позиция представляется более убедительной, поскольку при оценке реальности угрозы необходимо учитывать как субъективные факторы, так

⁶⁵ Сердюк Л.В. *Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование*. – М., 2002. – С. 200.

⁶⁶ Там же. – С. 202.

⁶⁷ Гаухман Л.Д. *Квалификация преступлений: закон, теория, практика*. – М., 2003. – С. 401. Схожей позиции придерживается Г.К. Костров: см. Костров Г.К. *Уголовно-правовое значение угрозы: Дис. ... канд. юрид. наук*. – М., 1970. – С. 83.

⁶⁸ Левертова Р.А. *Ответственность за психическое насилие по советскому уголовному праву: Дис. ... канд. юрид. наук*. – Хабаровск, 1972. – С. 98.

⁶⁹ Иванова В.В. *Преступное насилие*. – М., 2002. – С. 33-34.

и обстоятельства объективного плана – это позволит избежать возможных противоречий.

Нам близка позиция Н.В. Стерехова по вопросу о реальности угрозы, который, как представляется, с наибольшей полнотой включает в содержание реальности объективные и субъективные факторы.⁷⁰

Таким образом, под *реальностью* угрозы в уголовном праве следует понимать реальную возможность её осуществления, которая, в свою очередь, означает совокупность объективных (время, место, способ, обстановка, наличие оружия, количество лиц, угрожающих, предшествующие взаимоотношения виновного и потерпевшего и т.п.) и субъективных (восприятие потерпевшим угрозы, осознание этого факта виновным, характеристики личностей виновного и потерпевшего и т.п.) факторов.

Причём приоритетное значение для наличия криминальной угрозы в некоторых случаях имеют объективные обстоятельства – например, для угроз в составах поставления в опасность. Об особенностях признака реальности угрозы применительно к разным её видам будет сказано ниже.

Общепризнанно, что угроза является разновидностью психического насилия. Однако если взглянуть на данное явление с другой стороны, то возникает ряд некоторых сложностей. Действительно, изучение угрозы в уголовном праве обычно сводится к таким составам преступлений, как угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ), угроза в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования (ст. 296 УК РФ) и т.п.

⁷⁰ Стерехов Н.В. Ответственность за угрозу по советскому уголовному праву (вопросы теории и практики): Дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1972. – С. 138. Так же считают многие авторы, но, например, А.А. Крашенинников, склоняющийся к этой версии о реальности угрозы, утверждает, что выделение такого признака как наличие внешних условий, дающих возможность виновному реально осуществить угрозу, является излишним: см. Крашенинников А.А. Угроза в уголовном праве России (проблемы теории и практики правового регулирования) / Отв. ред. А.И. Чучаев. – Ульяновск, 2002. – С. 92, 95-96.

Но ведь, как уже было сказано, Уголовный закон использует «угрозу» и в конструкциях составов поставления в опасность. Так, например, в ч. 1 ст. 247 УК РФ предусматривается уголовная ответственность за нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов, если это деяние создало *угрозу* причинения существенного вреда здоровью человека или окружающей среде. Это наводит на мысль о вопросе отнесения угрозы к разновидности психического насилия и более подробном анализе этой проблемы.

Определение насилия, предлагаемое Л.В. Сердюком, среди множества существующих видится одним из наиболее удачных: «насилие – это внешнее со стороны других лиц умышленное и противозаконное воздействие на человека (или группу лиц), осуществляемое помимо или против его воли и способное причинить ему органическую, физиологическую или психическую травму, и ограничить свободу его волеизъявления или действий»⁷¹.

Следует отметить, что слабым, на наш взгляд, моментом обозначенного определения насилия является указание на его совершение только умышленно. Стоит согласиться с А.В. Наумовым, включающим в число насильственных преступлений причинение смерти по неосторожности.⁷²

Психическое же насилие, как правило, сводится только к угрозам физическим вредом здоровью человека. Мало того, что не учитываются такие виды психического насилия как угрозы причинением имущественного вреда, распространением позорящих сведений, нетрадиционные виды насильственного воздействия на психику человека, но и угрожающие ситуации в составах поставления в опасность. Здесь, впрочем, следует обозначить тот факт, что в последнее время внимание к правовому исследованию нетрадиционных

⁷¹ См.: Сердюк Л.В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование. – М., 2002. – С. 22.

⁷² Насильственная преступность / Под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. – М., 1997. – С. 58.

видов насильственного воздействия на психику всё более активизируется.⁷³

Как исключение из сказанного, выделяются нижеследующие точки зрения. Так, А.В. Наумов к психическому насилию относит не только угрозы применения физического насилия, но и иные виды уголовно-значимых угроз – например, уничтожения или повреждения чужого имущества, распространения сведений, порочащих, унижающих честь и достоинство.⁷⁴

Г.К. Костров предлагает считать проявлениями психического насилия также оскорбление, клевету и даже обещание выгод⁷⁵ (последнее нам видится преувеличением).

Ю.М. Антонян относит к психическому насилию «нежелательное подчинение непререкаемому авторитету власти, её лидеру»⁷⁶. Представляется, что данный вид насилия не является, по большому счёту, преступным и поэтому не может выступать предметом уголовно-правового исследования. Он интересен с точки зрения философии, социологии, политологии, криминологии.

Таким образом, угрозы убийством, причинением вреда здоровью и тому подобные угрозы традиционно относятся к разновидностям психического насилия.

⁷³ Речь идёт о гипнозе, зомбировании, электронной стимуляции мозга и т.п. См.: Тер-Акопов А.А. О правовых аспектах психической активности и психологической безопасности человека // Государство и право. – 1993. – № 4. – С. 88-97; Литовко М.А., Хефдинг Х. Использование гипноза при совершении преступления // Юрист. – 1998. – № 2. – С. 33-36; Сердюк Л.В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование. – М., 2002. – С. 19; Калугин В.В. Физическое и психическое принуждение в уголовном праве. – Ставрополь, 2001. – С. 13; Крашенинников А.А. Угроза в уголовном праве России (проблемы теории и практики правового регулирования) / Отв. ред. А.И. Чучаев. – Ульяновск, 2002. – С. 15; Пудовочкин Ю.Е. Уголовно-правовая борьба с вовлечением несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий: проблемы квалификации и профилактики. – Ставрополь, 2000. – С. 74 и др.

⁷⁴ Насильственная преступность / Под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. – М., 1997. – С. 50-51.

⁷⁵ Костров Г.К. Уголовно-правовое значение угрозы. Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1970.

⁷⁶ Антонян Ю.М. Насилие. Человек. Общество. – М., 2001. – С. 33.

В то же время следует отметить весьма оригинальную позицию А.А. Крашенинникова, который противопоставляет угрозу насилию и принуждению.⁷⁷ Не вызывает сомнений то, что угроза является одним из способов принуждения, и что насилие (физическое) и угрозы могут иметь место вне целей принуждения.

Однако представляется спорным мнение автора о том, что угроза не может выступать составной частью или разновидностью насилия. Ссылка на факт разделения законодателем таких признаков преступления, как насилие и угроза его применения, не даёт основания полагать, что они противопоставляются друг другу в теории уголовного права.

По крайней мере, допустимо предположение о том, что законодатель таким образом конкретизирует, детализирует насилие как признак преступления (имея в виду насилие физическое). Понятие насилия, на наш взгляд, более широкое, нежели угроза, и включает в себя последнюю.

На этот момент обращает внимание и Р.Д. Шарапов, который приводит точку зрения Б.В. Яценко по данному вопросу о том, что законодателю следовало бы термин «насилие» там, где это необходимо, заменить термином «физическое насилие». В то же время сам же Р.Д. Шарапов полагает, что полное законодательное избавление от термина «насилие» нецелесообразно, так как «не исключены ситуации причинения физического вреда человеку с помощью психических средств воздействия», квалифицировать которые «... по признаку угрозы не всегда возможно, к физическому насилию их тоже не отнесёшь, поэтому широкое понятие насилия здесь необходимо».⁷⁸

Действительно, проблема законодательной техники регламентации признаков насилия физического, угроз его применения и иных видов психического насилия остаётся открытой и требует дальнейшего исследования. С другой стороны, думается, что проблема других видов психического наси-

⁷⁷ Крашенинников А.А. Угроза в уголовном праве России (проблемы теории и практики правового регулирования) / Отв. ред. А.И. Чучаев. – Ульяновск, 2002. – С. 13.

⁷⁸ Шарапов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве. – СПб., 2001. – С. 24.

лия, не являющихся угрозами, в уголовном праве на сегодняшний день ещё не стоит так остро, поскольку относится к числу слабо изученных не только в уголовном праве, но и в медицине.

Придерживаясь позиции Л.В. Сердюка, который считает, что психическим насилием называется в большей степени благодаря воздействию на психику человека, а не из-за характера воздействия психическими способами и средствами⁷⁹, приходим к следующему определению.

Психическое насилие – это внешнее, со стороны других лиц, и противозаконное воздействие на психику человека (или группы лиц), осуществляемое против его воли и способное причинить ему психическую травму и (или) ограничить свободу его волеизъявления. Р.Д. Шарапов отмечает, что уголовному праву известны случаи, когда в результате воздействия на психику человека наступали последствия даже в виде физического вреда здоровью человека, вплоть до смерти.⁸⁰

С учётом изложенного следует вывод о том, что угрозы убийством, причинением вреда здоровью, распространением позорящих сведений и тому подобные угрозы характеризуются психическим насилием.

Вопрос об отнесении угроз в составах поставления в опасность к виду психического насилия остаётся неразрешённым.

Так, в ч. 2 ст.225 УК РФ предусматривается ответственность за ненадлежащее исполнение обязанностей по охране оружия массового поражения либо материалов или оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, если это создало угрозу наступления тяжких последствий.

С одной стороны, не сложно представить ситуацию, в которой угроза, выступающая последствием (обоснование факта признания угрозы в составах поставления в опасность последствием см. в § 1 главы 2 настоящей работы) состава поставления в опасность, будет, безусловно, сопряжена с психиче-

⁷⁹ См.: Сердюк Л.В. Указ. соч. – С. 22 -23.

⁸⁰ Шарапов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве. – СПб., 2001. – С. 45-50.

ским насилием. Так, представим ситуацию, когда осуществлено захоронение радиоактивных отходов с нарушением установленных правил, что повлекло создание угрозы причинения существенного вреда здоровью населения определённого региона. Информация об этом факте, освещённая в СМИ, окажет самое непосредственное воздействие на психику людей, чьё здоровье поставлено под угрозу причинения вреда. Но, тем не менее, в случае неинформирования населения психическое воздействие будет отсутствовать вообще. Вместе с тем, право на достоверную информацию о состоянии окружающей среды закреплено Конституцией РФ (ст. 42). Кроме того, следует отметить, что факт сокрытия информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни и здоровья людей, образует состав преступления, предусмотренный ст. 237 УК РФ.

Угрозы в составах поставления в опасность способны оказать воздействие на психику людей, но не всегда его оказывают. Отсюда следует вывод, что психическое насилие характеризует и угрозу в составах поставления в опасность, однако выступает её факультативным (необязательным) признаком.

С учётом изложенного, можно заключить, что психическое насилие является одним из признаков угрозы в уголовном праве. В то же время психическое насилие обязательно присуще угрозе как деянию и как способу совершения преступления, а в угрозе как последствию преступления оно необязательно.

В теории уголовного права выделяются ещё несколько признаков угрозы: это информационность, наличность, действительность, конкретность и проч. Однако эти признаки понимаются многими авторами неоднозначно и, по нашему мнению, они не являются отличительными характеристиками угрозы как уголовно-правовой категории. Например, практически одно и то же содержание вкладывают С.Х. Мазуков в признак наличность, а А.А. Крашенинников в действительность угрозы. Под этим признаком они понимают тот факт, что угроза должна существовать объективно, а не быть плодом вообра-

жения.⁸¹ Безусловно, криминальная угроза должна обладать таким качеством, но выделение подобных признаков представляется нам излишним. Так же, как, например, и информативность – они являются само собой разумеющимися.

Вызывает возражение предложение А.А. Крашенинникова ограничиться тремя основными признаками, присущими любой угрозе: противоправность, общественная опасность и виновность.⁸² В таком свете можно говорить о том, что все эти признаки присущи не только криминальной угрозе, но и абсолютно каждому преступлению по УК РФ. Названные признаки, как известно, образуют понятие преступления (ч. 1 ст. 14 УК РФ), но раз угроза изучается в её уголовно-правовом аспекте, то это уже имеется в виду. Признаки угрозы для того и выделяются, чтобы конкретизировать, детализировать общие признаки преступления.

Таким образом, угроза – это категория уголовного права, выступающая в двух основных качествах: угроза как деяние и угроза как последствие.

Угроза-деяние (например, ст.ст. 119, 296, п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ и др.) и угроза-последствие (например, ч. 2 ст. 225, ч. 1 ст. 247 УК РФ) характеризуются реальной возможностью наступления вреда (реальностью) и психическим насилием. Обязательным для всех видов является только первый признак угрозы.

Угроза-деяние – это воздействие на психику отдельной личности, группы лиц, общество в целом, заключающееся в обнаружении субъективной решимости причинения вреда и реальной возможности его наступления. Обязательными признаками данной угрозы являются реальная возможность наступления вреда и психическое насилие.

⁸¹ См: Мазуков С.Х. Уголовно-правовая защита личности от угрозы убийством: Дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 1997. – С. 31; Крашенинников А.А. Угроза в уголовном праве России (проблемы теории и практики правового регулирования) / Отв. ред. А.И. Чучаев. – Ульяновск, 2002. – С. 88.

⁸² Там же. – С. 87.

Угроза в составе посязания в опасность – это конструктивный признак состава преступления - следствие, характеризующееся реальной возможностью наступления вреда, сопровождаемое психическим воздействием на лицо (лиц), выступающего (выступающих) объектом угрозы, в случае его (их) осведомленности. Обязательным признаком такой угрозы является реальная возможность наступления вреда, факультативным – психическое насилие.

§ 2. Виды угрозы

Необходимость классификации угрозы на виды обусловлена рядом аспектов, продиктованных как приемами законодательного построения Уголовного кодекса РФ, сугубо теоретическими предпосылками, так и потребностями правоприменительных органов.

В юридической литературе выделяется несколько оснований классификации угрозы на виды.

Наиболее распространённой и общепризнанной является классификация угрозы по формам выражения на:

- угрозу демонстрацией оружия;
- угрозу словесную;
- угрозу жестами;
- угрозу действиями;
- угрозу обстановкой совершения преступления.⁸³

Несколько иной подход к классификации угрозы на виды в зависимости от способа их выражения предлагает А.А. Крашенинников. Он классифицирует угрозы на:

⁸³ Гаухман Л.Д. Борьба с насильственными посягательствами. – М., 1969. – С. 33.

- вербальные (куда относятся как устные, так и письменные угрозы, и угрозы, передаваемые посредством средств связи);
- невербальные (создаваемые обстановкой совершения преступления);
- инвариантные (соединённые с демонстрацией оружия, предметов, используемых в качестве оружия, либо с иными преступными действиями).⁸⁴

Помимо способа выражения, А.Д. Чернявский предлагает классифицировать угрозы в зависимости:

- от последствий, наступлением которых преступник угрожает;
- степени определённости угрозы;
- количества доведённых до потерпевшего угроз;
- роли, которую угрозы могут выполнить в структуре тех или иных составов преступлений.⁸⁵

Предлагаемая Р.В. Дягилевым классификация видов угрозы сводится к их делению по признаку характера действий, совершением которых угрожает виновный. Это:

- угроза совершением противоправных действий;
- угроза совершением правомерных, но нежелательных для потерпевшего действий (угроза самоубийством).

Первый вид угрозы, в свою очередь, подразделяется на:

- угрозу применения физического насилия (опасного и неопасного для жизни или здоровья и насилия без конкретизации характера);
- угрозу причинением имущественного ущерба;
- шантаж (угроза распространения сведений, которые могут опорочить потерпевшего или его близких в глазах других лиц);
- угрозу совершением иных противоправных действий (злоупотребление, превышение власти).

⁸⁴ Крашенинников А.А. Угроза в уголовном праве России (проблемы теории и практики правового регулирования) / Отв. ред. А.И. Чучаев. – Ульяновск, 2002. – С. 19-20.

⁸⁵ Чернявский А.Д. Психическое насилие при совершении корыстных преступлений: уголовно-правовые и криминологические проблемы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1991. – С. 12.

Деление данным автором угрозы по способу выражения существенно не отличается от вышеописанных классификаций.⁸⁶

В наиболее общем виде все угрозы, по нашему мнению, можно подразделить на угрозы, выступающие деянием (сюда же мы относим и угрозы-способы совершения преступления), и угрозы-последствия. А.А. Крашенинников называет обозначенные угрозы двоякой трактовкой угрозы в уголовном праве.⁸⁷ Основанием для такой классификации является роль угрозы в объективной стороне состава преступления.

Так, в большинстве своём, угроза закреплена законодателем в качестве способа совершения преступления – более чем 40 составами преступлений регламентируется уголовная ответственность за совершение конкретных деяний, сопряжённых с угрозами, к числу которых относятся: доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ), изнасилование (ст. 131 УК РФ), грабёж (ст. 161 УК РФ), пиратство (ст. 227 УК РФ), превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) и др.

В пяти случаях угроза выступает в качестве непосредственно деяния – это угроза убийством (ст. 119 УК РФ), угроза как альтернативное действие в терроризме (ст. 205 УК РФ), угроза в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования (ч. 1, 2 ст. 296 УК РФ), угроза насилием в отношении представителя власти (ч. 1 ст. 318 УК РФ) и угроза применения насилия при дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ).

Дважды понятие «угроза» употребляется при конструировании составов поставления в опасность: ч.2 ст. 225 и ч.1 ст. 247 УК РФ.

Угрозы-деяния, в свою очередь, поддаются ещё большему дроблению на виды.

⁸⁶ Дягилев Р.В. Угроза – основной вид психического насилия / Новое уголовное законодательство России: проблемы теории и практики: Сб. статей / Под общ. ред. В.А. Никонова. – Тюмень, 1999. – С. 86-89.

⁸⁷ Крашенинников А.А. Угроза в уголовном праве России (проблемы теории и практики правового регулирования) / Отв. ред. А.И. Чучаев. – Ульяновск, 2002. – С. 15-16.

По содержанию выделяются угрозы конкретизированные и неконкретизированные. Конкретизированные угрозы представляют собой угрозу вполне определённым злом. К числу таковых следует относить угрозу лишением жизни, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества, распространением каких-либо конкретных сведений, нежелательных к огласке.

Неконкретизированными будут угрозы, которые не содержат в себе информации о том, какой вред может наступить в случае их реализации. Это угрозы, выражаемые такими словами или фразами, как, например, «покалечу», «порешу», «изуродую как бог черепаху», «плохо будет» и т.п. Как нами отмечалось ранее, некоторые дореволюционные криминалисты признавали такие угрозы непроступными. Реалии сегодняшнего времени, как представляется, такой тезис полностью исключают. Действительно, смысловая нагрузка подобных фраз характеризуется, как минимум, угрозой применения насилия либо насилия, не опасного для жизни или здоровья. И, при определённых объективных и субъективных обстоятельствах, такие выражения могут свидетельствовать о наличии в содеянном угрозы применения насилия, опасного для жизни или здоровья, или даже угрозы убийством.

К неконкретизированным надо причислять и так называемые завуалированные угрозы. В таком случае информационность угрозы дополняется внешней обстановкой⁸⁸ либо какими-то дополнительными действиями, что в совокупности свидетельствует о наличии криминальной угрозы. Например, когда между потерпевшим и виновным уже имели место неблагоприятные взаимоотношения, и виновному достаточно сказать какие-нибудь слова, которые в отрыве от предыдущих ситуаций не будут содержать в себе ничего угрожающего («настал тот час» и т.п.). В эту же категорию угроз целесообразно отнести и случаи изменения интонации голоса, темпа речи, мимики,

⁸⁸ См.: Изотов Н.Н., Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Уголовная ответственность за насильственные действия сексуального характера. – Ставрополь, 2000. – С. 49.

пантомимики и т.п., когда также вполне безобидные слова и выражения могут приобрести характер преступных угроз.⁸⁹

Л.В. Сердюк для иллюстрации завуалированной угрозы приводит следующий прецедент. Двое преступников вошли в дом, где проживала М., и вежливо предложили ей купить у них топор за 100 рублей (1984 г.). При этом они настойчиво рекламировали свой «товар», извинялись, говоря, что вынуждены продать его, так как нуждаются в деньгах. Поняв намерение преступников и, оценив обстановку, М. «купила» топор за упомянутую сумму. Суд признал преступников виновными в совершении разбоя по п. «а» ч. 2 ст. 146 УК РСФСР, указав в приговоре, что в данном случае имела место угроза насилием, опасным для жизни и здоровья. Именно так она и была воспринята потерпевшей.⁹⁰

В зависимости от способа выражения угрозы классифицируются на устные, письменные, конклюдентные.

Устные угрозы представляют собой высказывание, воздействующее на психику потерпевшего и содержащее в себе проявление субъективной решимости виновного причинить вред. Письменная угроза отличается от устной тем, что она выражается посредством письменной речи. Как устные, так и письменные угрозы могут передаваться с помощью различных средств связи и коммуникации (телефон, телеграф, компьютерные сети и т.д.).

Обе названные разновидности угрозы могут быть доведены до потерпевшего как лично угрожающим, так и через третьих лиц. Публичность выражения устных угроз не влияет на характер и степень их общественной опасности.

Представляется, что письменные угрозы в некоторых случаях могут представлять большую общественную опасность по сравнению с устными,

⁸⁹ Паралингвистическая и экстралингвистическая система знаков. См. подробнее: Крашенинников А.А. Угроза в уголовном праве России (проблемы теории и практики правового регулирования) / Отв. ред. А.И. Чучаев. – Ульяновск, 2002. – С. 22-23.

⁹⁰ Сердюк Л.В. Особенности уголовно-правовой оценки угрозы убийством // Советская юстиция. – 1984. – № 8. – С. 21.

так как иногда это может свидетельствовать о более глубокой продуманности действий виновного и его действительном намерении причинить вред. По такому пути шло дореволюционное законодательство, которое предусматривало более суровое наказание за угрозы в письме, чем за угрозы на словах.⁹¹ Однако, применительно к современным условиям, такой подход был бы не вполне оправданным, по крайней мере, для дифференциации уголовной ответственности за данные способы угрозы.

Конклюдентные, то есть знаковые угрозы, доводятся до сведения потерпевшего посредством разнообразных знаков и жестов. Сюда относятся различные движения руками, которые являются понятными для потерпевшего и означают соответствующую угрозу. К этой же категории, на наш взгляд, следует относить и угрозы с помощью оружия, поскольку оружие – это тоже своего рода знак. Распространённость применения для угрозы оружия (огнестрельного, холодного, газового или предметов, используемых в качестве оружия) колеблется по различным данным от 54,2 до 86,8 % от общего числа преступлений, совершаемых путём угрозы.⁹²

Такая распространённость применения оружия при совершении преступлений обуславливается тем, что оружие, в большинстве случаев, свидетельствует о «серьёзности» намерений виновного, о том, что угроза может быть реализована с максимальной вероятностью, то есть угроза в данном случае представляется потерпевшему более убедительной.

Результаты проведённого нами социологического исследования свидетельствуют, что в некоторых случаях сотрудники правоохранительных органов и суда преувеличивают значение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, для угрозы. Так, например, для наличия состава преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ, некоторые правоприменители (41 % респондентов) полагают обязательным наличие у виновного оружия или

⁹¹ См., например: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – СПб., 1845. – С. 525.

⁹² Крашенинников А.А. Угроза в уголовном праве России (проблемы теории и практики правового регулирования) / Отв. ред. А.И. Чучаев. – Ульяновск, 2002. – С. 24-25.

предметов, используемых в качестве оружия. Безусловно, это в некоторой степени связано с вопросами доказывания угрозы, но, тем не менее, понимание угрозы не должно сводиться лишь к наличию у виновного какого-либо оружия или предметов его заменяющих.

Угрозы, различаемые нами по способу выражения, зачастую переплетаются между собой. Имеется в виду использование виновным одновременно различных по способу выражения угроз, которые как бы подкрепляют друг друга и оказывают более сильное воздействие на психику потерпевшего.

Здесь же видится необходимым отметить, что угроза иногда сопровождается применением физического насилия.⁹³

Так, Солдатов признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 115, 119 УК РФ (умышленное причинение лёгкого вреда здоровью и угроза убийством, соответственно). Как указано в приговоре мирового судьи, Солдатов из ранее возникших неприязненных отношений, находясь в состоянии алкогольного опьянения, выражался в адрес потерпевшей Солдатовой нецензурной бранью, после чего он толкнул потерпевшую Солдатову, и она упала на пол. Затем Солдатов стал ей наносить удары руками и металлическим костылём в различные области тела и закрывать нос и рот полиэтиленовым пакетом, в ходе чего он угрожал ей убийством, в подтверждение своих слов Солдатов демонстрировал топор.⁹⁴

Очевидно, что общественная опасность подобных действий значительно возрастает, даже в сравнении с угрозами устными, сопровождаемыми угрозами оружием. Кроме вышеописанного, можно привести пример с подталкиванием потерпевшего к выходу из движущегося поезда, который также иллюстрирует сочетание физического насилия и угрозы.

По моменту осуществления (или предполагаемого осуществления) угрозы подразделяются на угрозы немедленной реализации (при грабеже, раз-

⁹³ Сочетание энергетических и информационных форм поведения человека изучалось И.Ш. Жордания: см. Жордания И.Ш. Структура и правовое значение способа совершения преступления. – Тбилиси, 1977. – С. 102.

⁹⁴ Архив мировых судей г. Ставрополя. Уголовное дело № 1-19/03.

бое) и угрозы реализации в будущем (при вымогательстве). Они различаются сроком осуществления. Кроме того, степень общественной опасности этих угроз также не одинакова.

Так, угроза будущим злом менее общественно опасна, поскольку у потерпевшего в таком случае, как правило, имеется возможность предотвратить предстоящую опасность.⁹⁵

Угрозы как преступные деяния могут быть связаны с принуждением к чему-либо, а могут не быть обусловленными принуждением. В первом варианте под страхом угрозы от потерпевшего требуется определённое поведение, а во втором варианте угрозы безусловны.

Более опасными в данном аспекте, как правило, выступают угрозы с принуждением, поскольку ими, помимо самого факта угрозы, потерпевший против своей воли склоняется к нежелательному для себя поведению. Однако действующее уголовное законодательство России либо во главу угла ставит принуждение в ситуациях сочетания его с угрозой (например, в разбое, грабеже, вымогательстве), либо вообще не придаёт значения принуждению (например, в ст. 119 УК РФ). По нашему мнению, факт сопряжённости угрозы с принуждением, являясь более общественно опасным (по сравнению с угрозой без принуждения), требует дифференцированного законодательного подхода.

Таким образом, ключевыми для классификации угроз-деяний выделяются следующие критерии: содержание угроз, способ их выражения, момент предполагаемого исполнения, сопряжённость с принуждением.

Что касается видов угроз, выступающих последствиями преступлений, то данный вопрос в теории уголовного права не разработан.

Доктрине уголовного права известны два основных вида составов преступлений, создающих опасность:

⁹⁵ Согласно результатам проведённого нами социологического исследования.

- 1) нормы, предусматривающие уголовную ответственность за создание абстрактной опасности;
- 2) нормы, предусматривающие уголовную ответственность за создание конкретной опасности.⁹⁶

К числу первых относятся составы преступлений, регламентирующие ответственность, например, за незаконный оборот оружия (ст. 222 УК РФ), наркотических средств (ст. 228 УК РФ), ядерных материалов (ст. 220 УК РФ), где создание угрозы наступления вредных последствий не включено в конструкцию уголовно-правовой нормы и правоприменителю нет необходимости устанавливать наличие такой угрозы, но данный факт, однозначно, подразумевается.

К числу вторых непосредственно относятся составы поставления в опасность, нормы, которые их содержат, имеют указание на то, что ответственность наступает лишь в случае создания угрозы вреда (например, ч. 2 ст. 225 УК РФ).

Следует отметить, что российскому Уголовному закону известны несколько вариаций при конструировании составов поставления в опасность. Так, в ч. 2 ст. 225 УК РФ описывается деяние и оговаривается, что одним из условий уголовной ответственности по данной норме является *создание угрозы наступления* тяжких последствий. Также в ч. 1 ст. 247 УК РФ, где требуется для наличия состава этого преступления *создание угрозы причинения* существенного вреда здоровью человека или окружающей среде. То есть действующий УК РФ всего в двух случаях применяет термин «угроза» при построении составов поставления в опасность.

В ч. 1 ст. 122 УК РФ одним из признаков состава преступления закреплено *поставление другого лица в опасность заражения ВИЧ-инфекцией*.

⁹⁶ См.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. – Тула, 2001. – Т. 1. – С. 513; Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. – М., 1960. – С. 175; Горелик И.И. Ответственность за поставление в опасность по советскому уголовному праву. – Минск, 1964. – С. 11; В. А. Нерсесян. Проблемы уголовной ответственности за неосторожные преступления в составах «поставления в опасность» // Уголовное право. – 2000. – № 4. – С. 21.

Схожие конструкции имеют составы преступлений «Оставление в опасности» (ст. 125 УК РФ) и «Терроризм» (ст. 205 УК РФ).

В ч. 1 ст. 215 УК РФ после описания деяния приводится формулировка: «если это *могло повлечь* смерть человека или радиоактивное заражение окружающей среде» (аналогично в ч. 1 ст. 217, ч. 1 ст. 340, ч. 1 ст. 341 УК РФ).

Сопоставление этих нормативных оборотов позволяет сделать вывод о том, что по их значению и содержанию они, с точки зрения законодателя, практически тождественны. «Опасность» и «угроза» являются синонимами, а фраза «могло повлечь», собственно, отражает основную характеристику угрозы – реальную возможность наступления вреда.

Более того, на наш взгляд, категория «угроза» по смысловой нагрузке содержательнее других перечисленных, она означает актуализированную, надвигающуюся опасность (подробнее в § 1 настоящей главы). И, кроме этого, характеризуется наличием психического насилия, которое является факультативным признаком угрозы и в составах поставления в опасность, что не свойственно слову «опасность» или фразе «могло повлечь».

В связи с этим, возникает справедливое сомнение в целесообразности дальнейшего сохранения в уголовном законодательстве различной терминологии в отношении понятий, которые являются едиными по содержанию и по смыслу (по крайней мере, таковое, на наш взгляд, вкладывается законодателем), и единственное различие между которыми состоит лишь в словесной форме их выражения.

Представляется обоснованным утверждение Я.М. Брайнина о том, что необходимо стремиться к строгому единству употребляемых в законах понятий, избегая пользования даже синонимами.⁹⁷ Наша позиция основывается на замене существующих оборотов при конструировании составов поставления в опасность категорией «угроза».

⁹⁷ См.: Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение. – М., 1967. – С. 64-65.

По законодательной регламентации содержания угроз в составах поставления в опасность (имеются в виду все составы поставления в опасность, включая те, в которых вместо термина «угроза» фигурируют другие обороты) их можно подразделить на угрозы конкретизированные и неконкретизированные. Конкретизированными являются те, где указано, угроза какого (чему) именно вреда создана (угроза существенного вреда окружающей среде в ч. 1 ст. 247 УК РФ). Соответственно, неконкретизированными являются те, где используются исключительно оценочные понятия (угроза тяжких последствий в ч. 2 ст. 225 УК РФ).

Предложенная классификация угроз видится достаточно полной, она охватывает собой практически все её разновидности. Отнесение угрозы к той или иной категории позволяет более детально уяснить её сущность, установить специфичные признаки, что, в свою очередь, будет способствовать точному и единообразному применению Уголовного закона.

Кроме того, видовой анализ угрозы обнаруживает ряд спорных моментов в действующем уголовном законодательстве и, таким образом, выступает предпосылкой для более детальной проработки предложений по совершенствованию некоторых нормативных предписаний об угрозе (об этом речь пойдёт далее).

Таким образом, угроза как категория уголовного права, выступающая в двух основных видах – угроза-деяние и угроза-последствие, имеет следующую видовую структуру.

Угрозы-деяния предлагается классифицировать:

1. По содержанию угрозы на:

- конкретизированные (угроза убийством, угроза причинением тяжкого вреда здоровью, угроза уничтожением или повреждением чужого имущества);

- неконкретизированные (угроза насилием, просто угрозы (ч. 4 ст. 33, ст. 110 УК РФ и т.п.)).

2. По способу их выражения на:

- устные;
- письменные;
- конклюдентные.

3. По моменту предполагаемого исполнения угрозы на:

- угрозы немедленной реализации (при грабеже, разбое);
- угрозы реализации в будущем (при вымогательстве).

4. По сопряжённости с принуждением на:

- угрозы с принуждением (при вымогательстве);
- угрозы без принуждения (ст. 119 УК РФ).

Угрозы в составах поставления в опасность подразделяются на конкретизированные и неконкретизированные.

§3. Угроза в уголовном праве зарубежных стран

Сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства зарубежных стран всегда вызывает интерес у исследователей, поскольку даёт возможность изучить различные подходы к пониманию ряда категорий и институтов уголовного права иностранных государств, что зачастую является предпосылкой для их использования в целях дальнейшего совершенствования российского уголовного законодательства.

Следует признать, что в ряде иностранных государств угрозе как уголовно-правовой категории на законодательном уровне придаётся большее значение, чем в УК РФ.

Так, в некоторых уголовных кодексах содержится *определение термина «угроза»*. Например, в УК Польши включена глава XIV «Разъяснение понятий, употребляемых в законе», где в §12 ст. 115 помещена норма об угрозе, в соответствии с которой «противозаконной угрозой является как угроза, о которой говорится в ст. 190, так и угроза возбудить уголовное преследование или разгласить сведения, оскорбляющие честь угрожаемого или самых близ-

ких ему лиц; не составляет противозаконной угрозы предупреждение об уголовном преследовании, если оно только имеет целью охрану права, нарушенного преступлением». Ст. 190 же в § 1 предусматривает ответственность за угрозу совершением преступления во вред другому лицу или его самому близкому лицу, если угроза вызывает у потерпевшего обоснованные опасения, что она будет осуществлена.⁹⁸ Примечательно, что последняя уголовно-правовая норма помещена законодателем в главу XXIII «Преступления против свободы».

УК Австралии, содержащий большое количество определительных норм, также включает в себя общие положения об угрозе, о которой говорится в одноимённой статье 138.2. В соответствии с названной статьёй, угрозы включают в себя:

- угрозу (выраженную вонне или подразумеваемую) осуществить поведение, которое является вредоносным или неприятным для другого лица;
- угрозу совершения вредоносного или неприятного поведения, которое подразумевается на основе статуса, должностного титула или положения автора угрозы.

Помимо этого, угроза признаётся преступной по данному УК, если она:

- способна заставить индивидуума действовать недобровольно, и автор угрозы уверен в действительности такой угрозы;
- или способна заставить лицо обычной стойкости и смелости действовать недобровольно.

Таким образом характеризуется противозаконная угроза в УК Австралии по отношению к физическим лицам, угроза в адрес юридического лица должна обладать несколько иными свойствами. Она должна:

- вызвать в обычной ситуации недобровольное требуемое действие;

⁹⁸ Уголовный кодекс Республики Польша / Научные редакторы А.И. Лукашов, Н.Ф. Кузнецова. Перевод Д.А. Барилевич. – СПб., 2001. – С. 106, 147.

- или быть способной вызвать недобровольное требуемое действие вследствие наличия специфической уязвимости, которая известна автору угрозы.⁹⁹

Интересное положение содержится в ст. 8 УК Грузии «Причинная связь», в ч. 1 данной статьи упоминается о составах поставления в опасность. В ней говорится о необходимости установления причинной связи в тех случаях, когда закон связывает окончание преступления с наступлением определённых последствий или созданием конкретной опасности осуществления противоправных последствий.¹⁰⁰ То есть данный УК акцентирует внимание на том, что конкретная опасность не является последствием преступления, и одновременно подчёркивается разделение деяния и конкретной опасности наступления противоправных последствий.

Следует отметить, что, по нашему мнению, подобные общие положения носят прогрессивный характер, и они могли бы быть взяты в качестве примера законотворческой деятельности, в том числе, и в России.

В ряде зарубежных кодексов упоминается *об угрозе в нормах, регламентирующих обстоятельства, исключаящие преступность деяния*. Например, в УК Швейцарии, в ст. 33, закреплено, что моментом возникновения права на необходимую оборону является непосредственная угроза нападением.¹⁰¹ Как и УК Швейцарии, УК Латвийской Республики признаёт возможность необходимой обороны при наличии хотя бы угрозы нападения (ч. (1) ст. 29).¹⁰² Подчеркнём, что такая же позиция свойственна и теории российского уголовного права, которая, к сожалению, в настоящее время не находит своего законодательного отражения.

⁹⁹ Уголовный кодекс Австралии 1995 г. / Научное редактирование И.Д. Козочкина, Е.Н. Трикоз. Перевод Е.Н. Трикоз. – СПб., 2002. – С. 227-228.

¹⁰⁰ Уголовный кодекс Грузии / Науч. ред. З.К. Бигвава. Перевод И. Мериджанашвили. – СПб., 2002. – С. 87-88.

¹⁰¹ Уголовный кодекс Швейцарии / Перевод и научное редактирование А.В. Серебrenниковой. – СПб., 2002. – С. 84-85.

¹⁰² Уголовный кодекс Латвийской Республики / Науч. ред. А.И. Лукашова, Э.А. Саркисовой. Перевод А.И. Лукашова. – СПб., 2001. – С. 68-69.

В некоторых странах категория «угроза» используется законодателем в уголовно-правовых нормах о психическом принуждении. Так, в соответствии со ст. 34 УК Аргентины, не подлежит уголовной ответственности тот, кто был вынужден действовать в результате применения к нему угрозы нанесения тяжкого и неизбежного вреда.¹⁰³

УК Австралии, отличающийся детальной регламентацией многих противоположений, в разделе 10 содержит обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. К числу таковых относится, в том числе, и физическое принуждение (ст. 10.2). В данной норме определяется, что лицо совершает деяние под влиянием физического принуждения, только если оно верит в то, что:

«(a) угроза сделать это будет осуществлена, если преступление не будет совершено; и

(b) не существует разумного способа препятствовать осуществлению данной угрозы; и

(c) данное деяние является разумным ответом на данную угрозу»¹⁰⁴.

В преобладающем большинстве зарубежных уголовных кодексов предусматривается *ответственность за угрозы-деяния*. Так, в разделе 4 «Преступления и проступки против свободы» УК Швейцарии содержится статья 180 «Угроза», где предусматривается ответственность за угрозу другому лицу, вызывающую состояние страха или боязни.¹⁰⁵ Здесь закон не уточняет, чем должно в таком случае лицо угрожать. Вероятно, основной упор в данной норме делается на последствие в виде обозначенного состояния страха или боязни.

Схожая норма содержится в УК Швеции (ст. 5 главы 4), в соответствии с которой за незаконную угрозу привлекается «лицо, которое поднимает

¹⁰³ Уголовный кодекс Аргентины. – СПб., 2003. – С. 52.

¹⁰⁴ Уголовный кодекс Австралии 1995 г. / Научное редактирование И.Д. Козочкина, Е.Н. Трикоз. Перевод Е.Н. Трикоз. – СПб., 2002. С. 73-74.

¹⁰⁵ Уголовный кодекс Швейцарии / Перевод и научное редактирование А.В. Серебренниковой. – СПб., 2002. – С. 204.

оружие на другого человека или иным образом угрожает совершить преступное действие таким образом, чтобы возбудить у потерпевшего обоснованный страх за безопасность его самого или других лиц или имущества...»¹⁰⁶.

Кроме того, УК Швеции регламентирует ответственность за предоставление лицу, не достигшему пятнадцати лет, технической записи сцен насилия, и, кроме того, сцен *угроз насилия* (ст. 10с главы 16).¹⁰⁷ Такое нормативное положение, безусловно, подчёркивает строгость шведских уголовно-правовых запретов.

Различные угрозы-деяния преследуются и по УК Японии. Так, ст. 222 (Угрозы) регламентирует ответственность лиц, угрожавших другим лицам тем, что может быть причинён вред их жизни, здоровью, свободе, чести или имуществу.¹⁰⁸ В ст. 95 предусматривается ответственность за угрозы в отношении публичных должностных лиц в связи с исполнением ими служебных обязанностей. Угрозы в отношении свидетелей по уголовным делам также признаются преступлением (ст. 105-II).¹⁰⁹

Одним из преступлений против свободы по УК Аргентины являются действия лица, который прибегнул к угрозам, для того чтобы вызвать тревогу или страх у одного или нескольких лиц (ст. 149/2). Квалифицированным видом этого преступления является его совершение анонимно или с использованием оружия. А особо квалифицированным – использование угроз с целью заставить другое лицо против его воли совершить или допустить совершение определённого действия (бездействия).¹¹⁰

Раздел 71 УК Австралии, предусматривающий уголовную ответственность за преступления против сотрудников ООН, включает в себя такое преступление, как «Угроза совершить другие преступления» (ст. 71.12). Данное

¹⁰⁶ Уголовный кодекс Швеции / Научные редакторы Н.Ф. Кузнецова и С.С. Беляев. Перевод С.С. Беляева. – СПб., 2001. – С. 44.

¹⁰⁷ Там же. – С. 135-136.

¹⁰⁸ Уголовный кодекс Японии / Научный редактор А.И. Коробеев. – СПб., 2002. – С. 133-134.

¹⁰⁹ Там же. – С. 72, 77.

¹¹⁰ Уголовный кодекс Аргентины. – СПб., 2003. – С. 126-127.

преступление состоит в угрозе совершить преступление, и санкции варьируются в зависимости от тяжести «угрожаемого преступления».¹¹¹ Специфичная норма имеется в ст. 147.2 «Угроза причинения вреда публичному чиновнику Австралийского Союза и т.п.», где в части 5 сказано, что в ходе судебного преследования виновного нет необходимости доказывать тот факт, что лицо, которому угрожали, действительно опасалось исполнения угрозы.¹¹² Отметим, что УК Австралии представляется одним из наиболее сложных для восприятия, чрезмерно загроможденным и не лаконичным.

В ст. 144 УК Республики Болгария закреплена ответственность за угрозу совершением какого-либо преступления против личности или имущества, если угроза даёт реальное основание опасаться её осуществления. Угроза в отношении должностного лица является квалифицированным видом этого преступления (ч. 2 ст. 144), а угроза убийством – особо квалифицированным (ч. 3 ст. 144).¹¹³

В главе 10 УК Республики Болгария «Преступления против порядка и общественного спокойствия» предусмотрена ответственность за угрозу совершения общепасного преступления, при условии, что данная угроза даёт основание опасаться совершения такого преступления (ст. 320а).¹¹⁴

УК Республики Сан-Марино также содержит в себе состав преступления «Угроза» (ст. 181). Ответственность по данной норме наступает в случае совершения угрозы причинить «несправедливый» вред другому лицу.¹¹⁵

В ч. (2) статьи 88 «Терроризм» УК Латвийской Республики содержится запрет на совершение угрозы насилия, опасного для жизни или здоровья, уничтожения или повреждения чужого имущества путём взрыва, поджога

¹¹¹ Уголовный кодекс Австралии 1995 г. / Научное редактирование И.Д. Козочкина, Е.Н. Трикоз. Перевод Е.Н. Трикоз. – СПб., 2002. – С. 153-154.

¹¹² Там же. – С. 272.

¹¹³ Уголовный кодекс Республики Болгария / Науч. ред. А.И. Лукашова. Перевод Д.В. Милушева, А.И. Лукашова. – СПб., 2001. – С. 113.

¹¹⁴ Там же. – С. 219.

¹¹⁵ Уголовный кодекс Республики Сан-Марино / Науч. ред. С.В. Максимова. Перевод В.Г. Максимова. – СПб., 2002. – С. 133.

или иным общеопасным способом, если есть основания считать, что данная угроза может быть выполнена.¹¹⁶

Много общего со ст. 119 УК РФ имеет статья 132 УК Латвийской Республики, которая предусматривает ответственность за угрозу *совершения* убийства или *причинения* тяжкого телесного повреждения, при условии, что имелись основания опасаться исполнения данной угрозы.¹¹⁷ Мы выделили слова «совершения» и «причинения», так как в ст. 119 УК РФ говорится об угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Различие указанных норм УК Латвийской Республики и УК РФ сводится к разнице в падежах.

Ст. 112 УК Республики Узбекистан предусматривается ответственность за угрозу убийством или применением насилия при наличии достаточных оснований опасаться осуществления такой угрозы. Кроме того, эта статья содержит и квалифицированные виды описанного преступления: ч. 2 – совершение того же деяния особо опасным рецидивистом (п. «а»), членом организованной группы или в её интересах (п. «б»); ч. 3 – в отношении лица или его близких в связи с выполнением им своего служебного или гражданского долга. Специальной, по отношению к данной норме, является идентичная угроза начальнику в преступлениях против порядка несения военной службы (ст. 282), но в ней отсутствуют вышеперечисленные квалифицирующие признаки.¹¹⁸

Общий состав угрозы (ч. 1 ст. 128) УК Эстонской Республики характеризуется совершением угрозы убийством или причинением особо тяжкого телесного повреждения либо уничтожением или повреждением имущества в значительных размерах, если имелись основания опасаться осуществления такой угрозы. Квалифицированным видом данного преступления (ч. 2 ст.

¹¹⁶ Уголовный кодекс Латвийской Республики / Науч. ред. А.И. Лукашова, Э.А. Саркисовой. Перевод А.И. Лукашова. – СПб., 2001. – С. 124.

¹¹⁷ Там же. – С. 155.

¹¹⁸ Уголовный кодекс Республики Узбекистан. – СПб., 2001. – С. 147, 301.

128) признаётся его совершение с угрозой применения взрывного устройства или взрывчатых материалов либо иного общепасного способа.¹¹⁹

УК Республики Молдова содержит традиционную норму, предусматривающую ответственность за угрозу убийством или причинением тяжких телесных повреждений или иного тяжкого вреда здоровью, при наличии оснований опасаться осуществления такой угрозы (ст. 155). Специальная норма об угрозе в отношении должностного лица или лица, выполняющего общественный долг, закреплена в ст. 349, в которой, как и в УК РФ, предусматривается ответственность не только за угрозу убийством или причинением вреда здоровью, но и за угрозу уничтожением имущества.¹²⁰

УК Республики Беларусь отличается от УК РФ в рамках исследования угрозы тем, что норма, предусматривающая ответственность за угрозу убийством или причинением тяжких телесных повреждений (ст. 186), помещена в главе 22 «Преступления против личной свободы, чести и достоинства». Кроме того, в названной статье установлена уголовная ответственность и за угрозу уничтожением имущества общепасным способом.¹²¹ Грузинский УК содержит в главе «Преступления против прав и свобод человека» практически аналогичную норму (ст. 151).¹²²

Кроме того, в УК Республики Беларусь имеется норма, регламентирующая ответственность за терроризм (ст. 289), её признаки совпадают с признаками аналогичной нормы в УК РФ (ст. 205), за исключением того, что в первом кодексе в ст. 289 отсутствует указание на угрозу совершением взрыва, поджога или иных действий. Ответственность за угрозу совершением

¹¹⁹ Уголовный кодекс Эстонской республики / Науч. ред. и перевод В.В. Запелова. – СПб., 2001. – С. 123-124.

¹²⁰ Уголовный кодекс Республики Молдова. – СПб., 2003. – С. 232, 377. Статья 134 УК Азербайджанской республики, предусматривающая ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, характеризуется такими же признаками, как и аналогичная норма в УК Молдовы: Уголовный кодекс Азербайджанской республики / Науч. ред. И.М. Рагимова. Перевод Б.Э. Аббасова. – СПб., 2001. – С. 158.

¹²¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь. – СПб., 2001. – С. 245.

¹²² Уголовный кодекс Грузии / Науч. ред. З.К. Бигвава. Перевод И. Мериджанашвили. – СПб., 2002. – С. 194.

названных действий закреплена отдельной статьёй 290 УК Республики Беларусь, которая называется «Угроза совершением акта терроризма».¹²³ А норма грузинского УК о терроризме (ст. 323) вообще не предусматривает возможность совершения этого преступления путём угрозы.¹²⁴

Вместе с тем, анализ УК КНР показал, что в нем содержится ни одной статьи, предусматривающей уголовную ответственность за угрозу как самостоятельное деяние.

Как и в УК РФ во всех без исключения проанализированных нами уголовных кодексах угроза закреплена в качестве способа совершения ряда преступлений. Так, по УК Японии угроза является одним из способов совершения беспорядков (ст. 106), развратных действий с применением насилия (ст. 176), изнасилования (ст. 177), разбоя (ст. 236, 238).¹²⁵

Угроза наличной опасности для жизни или здоровья по УК Швейцарии также выступает альтернативным конструктивным признаком разбоя (ст. 140). А в статье 156 УК Швейцарии «Вымогательство» угроза серьёзным вредом должна *сопровождать* насилие. В преступлениях против половой свободы в данном кодексе (ст.ст. 189, 190) угроза применением насилия разделяется с применением психического насилия.¹²⁶ Угроза причинения серьёзного вреда выступает признаком нарушения и воспрепятствования выборам и голосованию и вмешательства при осуществлении права голоса и избирательного права (ст.ст. 279, 280 УК Швейцарии).¹²⁷

Угроза как признак состава преступления фигурирует в УК Швеции в таких преступлениях, как изнасилование и грабеж (ст. 1 главы 6 и ст. 5 главы 8). Как характерно для изучаемого кодекса, угроза здесь определённым обра-

¹²³ Уголовный кодекс Республики Беларусь. – СПб., 2001. – С. 331-333.

¹²⁴ Уголовный кодекс Грузии / Науч. ред. З.К. Бигвава. Перевод И. Мериджанашвили. – СПб., 2002. – С. 334-335.

¹²⁵ Уголовный кодекс Японии / Научный редактор А.И. Коробеев. – СПб., 2002. – С. 77, 111-112, 143-144.

¹²⁶ Уголовный кодекс Швейцарии / Перевод и научное редактирование А.В. Серебренниковой. – СПб., 2002. – С. 172, 182, 204, 209.

¹²⁷ Там же. – С. 255-256.

зом конкретизирована: для наличия состава изнасилования (или грабежа) угроза должна являться или представляться пострадавшему лицу как непосредственная опасность.¹²⁸

Законодателем Дании используется такой признак, как «угроза насилем, лишением свободы или заявлением об уголовном деянии» (пункт 2 §119 УК). А в §123 указывается на угрозу как признак преступного воздействия на свидетелей по уголовным делам, но само содержание угрозы здесь не раскрывается, говорится лишь о том, что угроза должна быть характера, описанного в ст. 266 настоящего закона. В свою очередь, в §266 описывается деяние в виде угрозы совершением наказуемого деяния, способом, могущим вероятно вызвать у какого-либо другого лица серьёзные опасения в отношении жизни, здоровья или благосостояния как своего собственного, так и других лиц.¹²⁹ Угроза насилем как признак состава преступления присуща: изнасилованию (§216), вымогательству (§281), грабежу (§288).¹³⁰ Причём в грабеже угроза характеризуется признаком «немедленного применения насилия».

Противозаконная угроза фигурирует в УК Польши в качестве способа в: преступлениях против мира, человечности (ст. 119); преступлениях против Республики Польша (§ 3 ст. 128); преступлениях против жизни и здоровья (§ 1 ст. 153) и др. (всего несколько десятков преступлений).¹³¹

Как и в ранее рассмотренных кодексах, угроза по УК Аргентины также является альтернативным конструктивным признаком ряда преступлений. Причём в изнасиловании угроза разделяется законодателем не только с насилем (что, само собой разумеется), но и с принуждением и устрашением.¹³²

¹²⁸ Уголовный кодекс Швеции / Научные редакторы Н.Ф. Кузнецова и С.С. Беляев. Перевод С.С. Беляева. – СПб., 2001. – С. 54.

¹²⁹ Уголовный кодекс Дании / Научный редактор С.С. Беляев. Перевод С.С. Беляева, А.Н. Рычковой. – СПб., 2001. – С. 113, 116, 195.

¹³⁰ Там же. – С. 172, 206, 211.

¹³¹ Уголовный кодекс Республики Польша / Научные редакторы А.И. Лукашов, Н.Ф. Кузнецова. Перевод Д.А. Барилевич. – СПб., 2001. – С. 110, 115, 127.

¹³² Уголовный кодекс Аргентины. – СПб., 2003. – С. 102.

Одним из способов ограбления является угроза выдвигания порочащих достоинств обвинений или разглашения секретов (ст. 169 УК Аргентины).

Неординарным образом сконструирована норма УК Латвийской Республики об ответственности за посягательство на жизнь и здоровье Президента Латвийской Республики, депутата Сейма Латвийской Республики, члена Кабинета министров и другого государственного должностного лица (ст. 86). В диспозиции названной статьи описывается деяние в виде нападения на указанных должностных лиц, если такое нападение было сопряжено с угрозой их жизни или здоровью. Аналогично выглядит норма, предусматривающая уголовную ответственность за посягательство на жизнь и здоровье представителя иностранного государства (ст. 87).¹³³

Необычным признаком состава преступления «Массовые беспорядки» (ст. 244) УК Республики Узбекистан представляется угроза применения оружия или других предметов, используемых в качестве оружия, наряду с самим применением. Практически аналогичный признак имеется в квалифицированном хулиганстве (п. «в» ч. 2 ст. 277), за исключением того, что речь в нём ведётся о холодном оружии и предметах, использование которых объективно может причинить вред здоровью. А в особо квалифицированном виде хулиганства содержится признак «демонстрация, угроза или применение огнестрельного оружия» (п. «б» ч. 3 ст. 277).¹³⁴ Примечательно, что в последнем случае законодатель подчёркивает разделение демонстрации и угрозы огнестрельным оружием.

Угроза *силой* выступает одним из обязательных признаков ряда преступлений по УК Турции (ст.ст. 174, 254). В некоторых случаях угроза не конкретизируется (ст.ст. 175, 179, 188, 258, 269 и др.). В других составах речь ведётся об угрозе физической расправой или причинением крупного матери-

¹³³ Уголовный кодекс Латвийской Республики / Науч. ред. А.И. Лукашова, Э.А. Саркисовой. Перевод А.И. Лукашова. – СПб., 2001. – С. 122, 123.

¹³⁴ Уголовный кодекс Республики Узбекистан. – СПб., 2001. – С. 264, 297-298.

ального ущерба (ст.ст. 495, 496).¹³⁵ Обязательным признаком захвата заложника по УК Турции выступает угроза убийством, причинением телесных повреждений или *дальнейшим удержанием* этого лица (ч. 1 ст. 124-1).¹³⁶

УК Республики Молдова отличается от других наличием признака «угроза применения или применение физического или психического насилия, не опасного для жизни и здоровья лица», например в норме об ответственности за торговлю людьми (п. «а» ч. (1) ст. 165). Причём более тяжким обстоятельством, по сравнению с названным, признаётся «угроза сообщения конфиденциальной информации семье или другим лицам» (п. «f» ч. (2) ст. 165).¹³⁷ Характерно, что в исследуемом УК конструктивным признаком состава изнасилования выступает не угроза применения насилия, а психическое принуждение (ч. (1) ст. 171). В то же время, угроза убийством или причинением тяжких телесных повреждений или иного вреда здоровью не охватывается признаком «психическое принуждение», а выделяется в квалифицирующее обстоятельство – п. «g» ч. (2) ст. 171.¹³⁸

Обращает на себя внимание тот факт, что в УК Азербайджанской Республики в ст. 180, регламентирующей ответственность за грабёж, наряду с признаком «применение насилия, не опасного для жизни или здоровья» (ст. 180.2.5), нет признака «угроза применения такого насилия». А в норме о разбое (ст. 181) рядом с «применением насилия, опасного для жизни или здоровья» соседствует признак «угроза применения такого насилия». В то же время в составе неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ст. 185) указанные признаки в обоих вариантах сопряжены друг с другом (ст.ст. 185.2.3, 185.3.3).¹³⁹

¹³⁵ Уголовный кодекс Турции / Науч. ред. и перевод Н. Сафарова и Х. Бабаева. – СПб., 2003. – С. 129, 130, 133, 137, 172, 174, 183, 314-315.

¹³⁶ Там же. – С. 114-115.

¹³⁷ Уголовный кодекс Республики Молдова. – СПб., 2003. – С. 240, 241.

¹³⁸ Там же. – С. 245.

¹³⁹ Уголовный кодекс Азербайджанской республики / Науч. ред. И.М. Рагимова. Перевод Б.Э. Аббасова. – СПб., 2001. – С. 198, 199, 204-205.

Примечательно, что в белорусском УК статья о грабеже (ст. 206), в отличие от ст. 161 УК РФ, не содержит квалифицирующего признака «насилие или угроза его применения». А разбой также имеет неординарную законодательную конструкцию. Так, диспозиция ч. 1 ст. 207 гласит: «насилие либо угроза применения насилия с целью непосредственного завладения имуществом (разбой)»¹⁴⁰. Насилие или угроза его применения стоят на первом месте, то есть они положены в основу данного преступления. И отсутствует указание на характер насилия, однако таким насилием, вероятно, охватывается причинение менее тяжкого и лёгкого телесного повреждения, поскольку в ч. 3 ст. 207 содержится особо квалифицирующий признак разбоя «с причинением тяжкого телесного повреждения».¹⁴¹

Угроза в качестве признака преступления фигурирует в большом количестве норм УК КНР (ст.ст. 202, 242, 277 и др.).¹⁴²

Во многих кодексах предусматривается ответственность за *общие составы принуждения, сопряжённого с угрозой*. Так, под угрозой уголовного наказания УК Швейцарии запрещает «используя насилие или угрозу серьёзного вреда или другие ограничения в свободе выбора поведения лица, принуждать его что-либо сделать, бездействовать или претерпевать какие-либо невыгоды» (ст. 181)¹⁴³. Следует признать, что подобную норму предлагают и некоторые отечественные юристы. По их мнению, она должна регламентировать ответственность за принуждения, не подпадающие под существующие статьи УК РФ, и носить универсальный характер. Схожие общие составы

¹⁴⁰ Уголовный кодекс Республики Беларусь. – СПб., 2001. – С. 262.

¹⁴¹ Там же. – С. 262-263.

¹⁴² Ахметшин Х.М., Ахметшин Н.Х., Петухов А.А. Современное уголовное законодательство КНР. – М., 2000. – С. 323, 341, 351.

¹⁴³ Уголовный кодекс Швейцарии / Перевод и научное редактирование А.В. Серебренниковой. – СПб., 2002. – С. 204.

принуждения имеются также в УК Польши, Австралии, Болгарии и других странах.¹⁴⁴

Общий состав принуждения (ст. 179 «Насилие по отношению к частному лицу») имеется и в УК Республики Сан-Марино. Ответственность наступает по данной статье в случае вынуждения другого лица посредством насилия или угрозы к совершению (отказу от совершения) действия.¹⁴⁵

Норма, содержащаяся в ст. 4 главы 4 «О преступлениях против свободы и общественного спокойствия» УК Швеции, регламентирует ответственность за незаконное принуждение к чему-либо (к совершению каких-нибудь действий или к отказу от их совершения). Содержанием угрозы может быть по этой статье: совершение преступления, уголовное преследование, обвинение или распространение порочащих сведений.¹⁴⁶

В ст. 223 (Принуждение) УК Японии закреплена ответственность лиц, заставлявших других людей делать то, что они не обязаны делать, или препятствовавших осуществлению их прав, угрожая тем, что может быть причинён вред их жизни, здоровью, свободе, чести или имуществу (либо идентичным благам их родственников) или применяя насилие.¹⁴⁷

Общий состав принуждения содержится в §260 УК Дании, в котором способом принуждения к чему-либо является угроза насилием, существенным повреждением имущества, лишением свободы, ложным обвинением в

¹⁴⁴ Уголовный кодекс Республики Польша / Научные редакторы А.И. Лукашов, Н.Ф. Кузнецова. Перевод Д.А. Барилевич. – СПб., 2001. – С. 147; Уголовный кодекс Австралии 1995 г. / Научное редактирование И.Д. Козочкина, Е.Н. Трикоз. Перевод Е.Н. Трикоз. – СПб., 2002. – С. 226-227, 229-230; Уголовный кодекс Республики Болгария / Науч. ред. А.И. Лукашова. Перевод Д.В. Милушева, А.И. Лукашова. – СПб., 2001. – С. 113.

¹⁴⁵ Уголовный кодекс Республики Сан-Марино / Науч. ред. С.В. Максимова. Перевод В.Г. Максимова. – СПб., 2002. – С. 134.

¹⁴⁶ Уголовный кодекс Швеции / Научные редакторы Н.Ф. Кузнецова и С.С. Беляев. Перевод С.С. Беляева. – СПб., 2001. – С. 42-43.

¹⁴⁷ Уголовный кодекс Японии / Научный редактор А.И. Коробеев. – СПб., 2002. – С. 133-134.

совершении наказуемого деяния, обвинением или разоблачением наказуемого деяния.¹⁴⁸

Наказуемой, по УК Республики Беларусь, является угроза опасным использованием радиоактивных материалов в целях понуждения различных юридических или физических лиц к совершению какого-либо действия или воздержанию от него или в иных целях, при условии, что имелись основания опасаться осуществления такой угрозы (ст. 324).¹⁴⁹

Специфичное преступление закреплено в ст. 208-5 УК Эстонской Республики. В названной статье предусматривается уголовная ответственность за угрозу *приобрести* радиоактивные материалы в целях понуждения юридических или физических лиц к определённым действиям или к отказу от их совершения (ч. 1 ст. 208-5) или *использовать* радиоактивные материалы с целью повлечь гибель людей или иные тяжкие последствия, при условии, что имелись основания опасаться осуществления таких угроз (ч. 2 ст. 208-5).¹⁵⁰

Некоторые зарубежные уголовные законы предусматривают *ответственность за угрозу, адресатом которой выступает общество*. Так, в ст. 258 УК Швейцарии содержится состав преступления «Запугивание населения». В этой норме закрепляется ответственность лица, запугивающего население с помощью угрозы или посредством искажения фактов об имеющейся якобы опасности для жизни, здоровья или собственности.¹⁵¹ Схожее положение имеется и в УК Турции, в котором предусматривается запрет на публичное устрашение народа в целях вызывания тревоги, страха и паники в ожидании опасности для жизни, здоровья или имущества (ст. 312/а).¹⁵²

¹⁴⁸ Уголовный кодекс Дании / Научный редактор С.С. Беляев. Перевод С.С. Беляева, А.Н. Рычковой. – СПб., 2001. – С. 190.

¹⁴⁹ Уголовный кодекс Республики Беларусь. – СПб., 2001. – С. 364.

¹⁵⁰ Уголовный кодекс Эстонской республики / Науч. ред. и перевод В.В. Запеловова. – СПб., 2001. – С. 227.

¹⁵¹ Уголовный кодекс Швейцарии / Перевод и научное редактирование А.В. Серебренниковой. – СПб., 2002. – С. 238.

¹⁵² Уголовный кодекс Турции / Науч. ред. и перевод Н. Сафарова и Х. Бабаева. – СПб., 2003. – С. 216.

Интересно, в аспекте нашего исследования, преступление, предусмотренное ст. 6 главы 16 УК Швеции «Мятеж». Оно характеризуется таким признаком, как коллективная угроза.¹⁵³ Своего рода угроза в соучастии.

Составы поставления в опасность имеют место практически во всех иностранных уголовных кодексах. Так, в седьмом разделе УК Швейцарии «Общепасные преступления и проступки» помещён ряд статей, содержащих составы поставления в опасность. Например, угроза препятствию работе транспорта и связи, если она подвергает опасности жизнь и здоровье людей, образует по УК Швейцарии составы преступлений (ст.ст. 237, 238, 239).¹⁵⁴

Ряд составов поставления в опасность содержится в главе 13 «О преступлениях, представляющих общественную опасность» УК Швеции. Это разжигание огня таким образом, который представляет опасность для жизни или здоровья другого лица или имущества другого лица (ст. 1); совершение взрыва, наводнения, обвала или иных подобных действий, ставящее под угрозу жизнь или здоровье людей или создающее опасность повреждения имущества (ст. 3) и т.п.¹⁵⁵ Обращает на себя внимание еще и такое преступление, как «распространение слухов, ставящих под угрозу безопасность Королевства» (ст. 5 главы 22).¹⁵⁶

В УК Японии к числу составов поставления в опасность относятся: поджог строений, иных сооружений и предметов (ст. 109, 110), взрывы, создавшие общественную опасность (ст. 117); допущение утечки газа, истечения либо прерывания подачи газа, электричества или пара, создавшее опасность для жизни и здоровья или имущества другого лица (ст. 118)¹⁵⁷ и другие преступления, связанные с общественной безопасностью. Причём в данных уго-

¹⁵³ Уголовный кодекс Швеции / Научные редакторы Н.Ф. Кузнецова и С.С. Беляев. Перевод С.С. Беляева. – СПб., 2001. – С. 128.

¹⁵⁴ Уголовный кодекс Швейцарии / Перевод и научное редактирование А.В. Серебrenниковой. – СПб., 2002. – С. 226-228.

¹⁵⁵ Уголовный кодекс Швеции / Научные редакторы Н.Ф. Кузнецова и С.С. Беляев. Перевод С.С. Беляева. – СПб., 2001. – С. 98-99.

¹⁵⁶ Там же. – С. 182.

¹⁵⁷ Уголовный кодекс Японии / Научный редактор А.И. Коробеев. – СПб., 2002. – С. 79-80, 82, 83-84.

ловно-правовых нормах реальное наступление тяжких последствий являетсяотягчающим ответственность обстоятельством.

Неординарны составы поставления в опасность в УК Дании. Уголовная ответственность закреплена за создание, путём публичных выступлений, очевидной опасности вражеской деятельности против Датского Государства (часть 1 §100), вмешательства иностранного государства во внутренние дела Датского Государства (часть 2 §100).¹⁵⁸ Любое лицо, которое умышленно или по грубой небрежности приводит себя в состояние алкогольного опьянения, если оно в этом состоянии *подвергает опасности* других лиц или ценное имущество, подлежит уголовной ответственности по УК Дании (§138).¹⁵⁹

Целый ряд составов поставления в опасность содержится в главе 20 УК Дании «Преступления, вызывающие опасность для общества». Так, преступлением признаётся:

- поджог имущества, подвергший жизнь других людей надвигающейся опасности (§180);

- поставление другого лица или имущества этого лица в опасность путём совершения взрыва, распространения вредных газов, наводнений, кораблекрушения или любого железнодорожного или иного транспортного происшествия (пункт (1) §183);

- подвержение опасности жизни или здоровья других лиц путём порчи воды или продуктов (§186, §187);

- создание опасности распространения инфекционных заболеваний (§192).¹⁶⁰

Непосредственная угроза вреда окружающей природной среде выступает по УК Дании альтернативным конструктивным признаком экологических преступлений (§196).¹⁶¹

¹⁵⁸ Уголовный кодекс Дании / Научный редактор С.С. Беляев. Перевод С.С. Беляева, А.Н. Рычковой. – СПб., 2001. – С. 95-96.

¹⁵⁹ Там же. – С. 126.

¹⁶⁰ Там же. – С. 153, 154, 156-157, 161.

¹⁶¹ Там же. – С. 164.

Значительное количество составов поставления в опасность имеется в главе XX УК Польши «Преступления против общей безопасности». Это:

- совершение взрыва, поджога и т.п. действий, вызвавших происшествие, которое угрожает жизни или здоровью многих людей либо имуществу в больших размерах (ст. 163);

- действия, вызвавшие опасность происшествия, указанного в ст. 163 (ст. 164);

- незаконный оборот взрывчатых веществ, взрывных устройств, радиоактивных материалов и т.п. (ст. 171) и др.¹⁶²

Ряд транспортных преступлений в УК Польши построены по типу составов поставления в опасность, последствием которых выступает угроза жизни или здоровью многих людей либо имуществу в больших размерах (ст.ст. 173, 174 УК Польши). Многие экологические преступления характеризуются аналогичной конструкцией, последствиями которых являются угроза жизни или здоровью многих людей или угроза уничтожения растительного или животного мира в значительных размерах (ст.ст. 181–184).¹⁶³

Традиционно по типу составов поставления в опасность сконструированы многие преступления против общественной безопасности (раздел VII) УК Аргентины, связанные с пожарами, затоплениями, источниками повышенной опасности, где последствиями выступают угрозы жизни, здоровью или имуществу (ч. 1 ст. 186, ст. 188, ст. 190).¹⁶⁴

В разделе III УК Республики Болгария «Оставление в опасности» также несколько преступлений сконструированы как составы поставления в опасность, где последствиями являются угрозы жизни или здоровью (ст.ст. 136, 137).¹⁶⁵

¹⁶² Уголовный кодекс Республики Польша / Научные редакторы А.И. Лукашов, Н.Ф. Кузнецова. Перевод Д.А. Барилевич. – СПб., 2001. – С. 132-138.

¹⁶³ Там же. – С. 138-139, 142-145.

¹⁶⁴ Уголовный кодекс Аргентины. – СПб., 2003. – С. 155-167.

¹⁶⁵ Уголовный кодекс Республики Болгария / Науч. ред. А.И. Лукашова. Перевод Д.В. Милушева, А.И. Лукашова. – СПб., 2001. – С. 107-108.

В УК Турции закреплена уголовная ответственность лица, набирающего рекрутов без одобрения турецкого правительства или совершающего иные враждебные действия против иностранного государства, если таким образом турецкое государство подвергается угрозе войны (ст. 128).¹⁶⁶

Незаконный оборот документов и сведений, составляющих государственную тайну, является по УК Турции преступлением (ст.ст. 132-134). Поставление в результате указанного деяния (как и некоторых других, например, ст.ст. 136, 137 – выдача тайны) под угрозу военных приготовлений или военную мощь и боевые возможности или военные действия государства является квалифицирующим обстоятельством.¹⁶⁷ Необычное последствие описывается в ст. 155 – создание угрозы для безопасности государства в результате опубликования статьи.¹⁶⁸

Несколько составов поставления в опасность содержится в разделе седьмом УК Турции «Преступления против общественной безопасности». Это:

- умышленное (ст. 373) и неосторожное (ст. 375) затопление, повлекшее создание опасности для имущества другого лица (при неосторожном затоплении и для жизни);

- создание опасности разлива или иных бедствий путём разрушения плотин и других сооружений (ст. 376);

- создание опасности железнодорожной катастрофы посредством умышленного размещения на рельсах посторонних предметов, переводом железнодорожной стрелки или каким-либо иным действием (ст. 385) и т.п.¹⁶⁹

В случае если опасность, возникшая в результате подобного рода деяний, «является незначительной, или если виновным лицом были приложены особые и серьёзные усилия для предотвращения или ограничения последст-

¹⁶⁶ Уголовный кодекс Турции / Науч. ред. и перевод Н. Сафарова и Х. Бабаева. – СПб., 2003. – С. 101.

¹⁶⁷ Там же. – С. 105-110.

¹⁶⁸ Там же. – С. 119.

¹⁶⁹ Там же. – С. 244-245, 250-251.

вий данных преступлений, наказание может быть сокращено от одной трети до половины» (ст. 413).¹⁷⁰

Криминальным по УК Эстонии является нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, создавшее угрозу наступления несчастного случая с людьми, крушения, аварии или иных тяжких последствий (ст. 83).¹⁷¹ Как состав посягательства в опасность следует расценивать выпуск недоброкачественной продукции (ч. 1 ст. 147), поскольку в качестве последствия данного преступления закреплена угроза для жизни или здоровья человека либо общественной безопасности. Таким же по конструкции является состав недоброкачественного строительства (ст. 147-1), в котором указывается на угрозу для жизни или здоровья человека.¹⁷²

Необычный состав посягательства в опасность закреплён в ст. 258 УК Республики Молдова. Им предусматривается ответственность за нарушение правил эксплуатации, ремонта и реконструкции квартир в многоквартирном доме, ставящее под угрозу структурную целостность всего дома или других квартир.¹⁷³

Особенной, на наш взгляд, представляется ст. 229 УК Грузии, которой регламентируется ответственность за «умышленный взрыв газа, бензина, керосина или иных веществ и сознательное создание этим угрозы жизни, здоровью или имуществу людей».¹⁷⁴ Обращает на себя внимание указание на сознательность создания угрозы, следовательно, законодатель имеет в виду умышленное отношение к факту создания угрозы.

¹⁷⁰ Уголовный кодекс Турции / Науч. ред. и перевод Н. Сафарова и Х. Бабаева. – СПб., 2003. – С. 267.

¹⁷¹ Уголовный кодекс Эстонской республики / Науч. ред. и перевод В.В. Запелова. – СПб., 2001. – С. 103.

¹⁷² Там же. – С. 141-142.

¹⁷³ Уголовный кодекс Республики Молдова. – СПб., 2003. – С. 310.

¹⁷⁴ Уголовный кодекс Грузии / Науч. ред. З.К. Бигвава. Перевод И. Мериджанашвили. – СПб., 2002. – С. 255.

УК Китайской Народной Республики характеризуется качественным своеобразием. В нём содержится целый ряд составов поставления в опасность. К их числу относятся такие преступления, как:

- повреждение транспортных средств, транспортного оборудования, создавшее опасность аварии, катастрофы, но не повлекшее тяжких последствий (ст.ст. 116-118);

- применение насилия в отношении экипажа, находящегося в полёте воздушного судна с угрозой безопасности полёта, но не повлекшее тяжких последствий (ст. 123);

- производство, сбыт поддельных лекарств, что могло причинить тяжкий вред здоровью человека (ст. 141);

- нарушение положений Закона о профилактике и лечении инфекционных заболеваний, повлекшее серьёзную опасность распространения инфекционного заболевания типа А (ст. 330) и многие другие.¹⁷⁵

Обращает на себя внимание статья 129 УК Швейцарии, в которой предусматривается уголовная ответственность за угрозу жизни. В диспозиции данной нормы описывается деяние в виде бессовестного поставления человека в непосредственную опасность для жизни.¹⁷⁶ Достаточно широкая норма, под которую, как получается, могут подпадать как различные угрозы убийством, так и ситуации поставления в опасность. Причём все данные преступления должны быть обязательно умышленными. Об этом свидетельствует указание на бессовестный характер действий виновного лица, что предполагает только осознанные действия, иначе их нельзя было бы назвать бессовестными.

В некоторых УК регламентируется ответственность за *общие составы поставления в опасность*. Например, в §252 УК Дании содержится своего рода общий состав поставления в опасность. Им предусматривается ответст-

¹⁷⁵ Ахметшин Х.М., Ахметшин Н.Х., Петухов А.А. Современное уголовное законодательство КНР. – М., 2000. – С. 284-285, 286, 291, 368.

¹⁷⁶ Уголовный кодекс Швейцарии / Перевод и научное редактирование А.В. Серебренниковой. – СПб., 2002. – С. 167.

венность за подвержение надвигающейся опасности жизни или «физических возможностей» других лиц из корыстных или других низменных побуждений.¹⁷⁷

Как уголовный проступок рассматривается общий состав поставления в опасность по УК Турции, где в ст. 566 предусматривается ответственность за создание каким-либо образом, даже в результате невнимательности или неопытности, опасности причинения вреда лицам или существенного ущерба имуществу.¹⁷⁸

В ст. 160 УК Польши также содержится общий состав поставления в опасность: закреплена ответственность лица, которое подвергает человека непосредственной опасности утраты жизни либо причинения тяжёлого вреда здоровью.¹⁷⁹

Кроме того, в ряде зарубежных уголовных кодексов самостоятельно закреплена ответственность за *неосторожное создание угрозы*. Так, в ст. 225 УК Швейцарии предусматривается ответственность за неосторожную угрозу жизни и здоровью людей или чужой собственности, созданную в результате умышленного обращения с взрывчатыми веществами или ядовитыми газами.¹⁸⁰

В ст. 9 главы 3 «О преступлениях против жизни и здоровья» УК Швеции предусматривается ответственность за поставление другого лица в опасность для жизни или здоровья в результате грубой неосторожности.¹⁸¹ Кроме того, в УК Швеции в ст. 6 главы 13 говорится о наказуемости лица, неосторожно обращающегося с огнём или взрывчатым веществом или иным обра-

¹⁷⁷ Уголовный кодекс Дании / Научный редактор С.С. Беляев. Перевод С.С. Беляева, А.Н. Рычковой. – СПб., 2001. – С. 187.

¹⁷⁸ Уголовный кодекс Турции / Науч. ред. и перевод Н. Сафарова и Х. Бабаева. – СПб., 2003. – С. 357.

¹⁷⁹ Уголовный кодекс Республики Польша / Научные редакторы А.И. Лукашов, Н.Ф. Кузнецова. Перевод Д.А. Бариллович. – СПб., 2001. – С. 130.

¹⁸⁰ Уголовный кодекс Швейцарии / Перевод и научное редактирование А.В. Серебrenниковой. – СПб., 2002. – С. 219.

¹⁸¹ Уголовный кодекс Швеции / Научные редакторы Н.Ф. Кузнецова и С.С. Беляев. Перевод С.С. Беляева. – СПб., 2001. – С. 39.

зом создавшим опасность наступления пожара или иных бедствий. Данное преступление именуется «неосторожным созданием общественной опасности».¹⁸²

Вместе с тем, например, УК Латвийской Республики неизвестны составы поставления в опасность, за исключением ст. 227 (Угроза общественной безопасности, порядку и здоровью лица при исполнении религиозных обрядов), имеющей некоторые признаки конструкции состава преступления такого рода. В указанной статье регламентируется ответственность за «организацию или руководство группой, проповедующей религиозное учение и совершающей религиозные обряды, действия которой связаны с созданием угрозы общественной безопасности и порядку, здоровью лица, охраняемым законом правам и интересам лица, или участие лица в таких действиях».¹⁸³

В УК Узбекистана запрещается поставление другого лица в опасность заражения венерической болезнью (ч. 1 ст. 113) и заболеванием СПИД (ч. 4 ст. 113).¹⁸⁴ Помимо данных норм, в УК Республики Узбекистан нет составов поставления в опасность и даже сходных по конструкции.

Следует подчеркнуть, что в большинстве исследованных нами зарубежных уголовных кодексов более широкий круг деяний, в отличие от УК РФ, построен по типу составов поставления в опасность.

Завершая анализ уголовного законодательства ряда зарубежных стран, следует отметить, что во всех исследованных нами кодексах регламентируется ответственность за противоправные угрозы. Причём как за угрозы-деяния, так и за угрозы-последствия в составах поставления в опасность. Некоторые УК содержат общие положения, характеризующие угрозу в уголовном праве (УК Республики Польша). Во многих кодексах предусматривается уголовная ответственность за общие составы принуждения, общие составы поставления

¹⁸² Уголовный кодекс Швеции / Научные редакторы Н.Ф. Кузнецова и С.С. Беляев. Перевод С.С. Беляева. – СПб., 2001. – С. 103.

¹⁸³ Уголовный кодекс Латвийской Республики / Науч. ред. А.И. Лукашова, Э.А. Саркисовой. Перевод А.И. Лукашова. – СПб., 2001. – С. 223-224.

¹⁸⁴ Уголовный кодекс Республики Узбекистан. – СПб., 2001. – С. 148.

в опасность, за неосторожное создание угрозы вреда. В некоторых кодексах закреплено, что право необходимой обороны возникает с момента угрозы противоправного посягательства.

Таким образом, многие положения зарубежных уголовных кодексов в части регламентации ответственности за угрозу существенно отличаются от отечественных, прежде всего, большей детализацией и конкретностью, некоторые из них представляются перспективными и для российского уголовного законодательства.

Глава 2. Значение угрозы в российском уголовном праве

§1. Угроза в Общей части уголовного права

В отличие от некоторых зарубежных уголовных кодексов, в УК РФ не содержится отдельной статьи или главы, разъясняющей основные понятия, употребляемые в кодексе. И тем более, отечественный законодатель, хотя и определяющий отдельные термины (например, в примечании 1 к ст. 158 УК РФ определено понятие хищения), не уделяет внимания категории «угроза», которая используется более чем в 40 уголовно-правовых нормах. Безусловно, что исследуемая категория в преобладающем большинстве случаев фигурирует в Особенной части УК РФ. При всем этом, использование категории «угроза» не ограничивается рамками Особенной части, этот термин применяется и в Общей части уголовного права России. Так, обращаясь к объективной стороне состава преступления, можно убедиться в том, что изучение угрозы здесь также имеет весьма существенное значение.

Известно, что в зависимости от законодательной конструкции составов преступлений они подразделяются на материальные и формальные. Обязательным признаком оконченного материального состава является наступление указанного в диспозиции статьи Особенной части УК РФ последствия (например, ст. 111 УК – Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью). Обязательным признаком формального состава является совершение описанного в диспозиции статьи Особенной части УК деяния, безотносительно наступления последствия этого деяния (например, ст. 130 УК – Оскорбление).¹⁸⁵ Общеизвестно, что такое деление является, в большей степени, условным.¹⁸⁶

¹⁸⁵ Акоев К.Л., Пинкевич Т.В. Уголовное право России (Общая и Особенная части). – Ставрополь, 2000. – С. 22.

¹⁸⁶ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. – М., 1960. – С. 170.

Некоторые авторы признают наличие третьей группы составов преступлений, выделяемой по тому же основанию – это составы поставления в опасность.¹⁸⁷ Особенность данных составов преступлений заключается в том, что в них не описывается последствие в виде реального наступления вреда, а говорится об угрозе (опасности, возможности) наступления вреда (например, ч. 1 ст. 247 УК РФ). Однако, на наш взгляд, следует признать спорным существующий вопрос об отнесении составов поставления в опасность к числу формальных или материальных либо к самостоятельной категории.

В этой области существует несколько точек зрения. Например, А.Н. Трайнин высказывал мысль о том, что любое преступление влечёт за собой последствия, так как нарушает объект, и, соответственно, это и есть последствие преступления.¹⁸⁸ Представляется, что такая позиция является наиболее общей в аспекте деления составов преступлений на формальные и материальные и вызывающей дискуссии, выходящие за рамки нашего исследования. Однако, возвращаясь к теме нашей работы, проанализируем позиции некоторых авторов непосредственно по вопросу о составах поставления в опасность.

Так, И.И. Горелик считает, что составы опасности необходимо расценивать только как формальные.¹⁸⁹ Автор обосновывает своё мнение тем, что в преступлениях поставления в опасность в качестве оконченого преступления наказуемо само поведение – конкретно опасные деяния, которые не причинили, но могли причинить тяжкие последствия.¹⁹⁰ Иными словами, И.И. Горелик угрозу наступления вреда переводит в плоскость самого деяния, полагая, что угроза или опасность – это характеристика деяния.

¹⁸⁷ Б.В. Яценко называет их составами «угрозы причинения вреда». См.: Российское уголовное право. Особенная часть / Под ред. М.П. Журавлёва и С.И. Никулина. – М., 1998. – С. 299.

¹⁸⁸ См. Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. – М., 1957. – С. 146-154.

¹⁸⁹ Аналогичной точки зрения придерживается ряд авторов. См., например: Новосельцев С.П. Преступления с формальным составом в уголовном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 1998. – С. 11-12.

¹⁹⁰ См. Горелик И.И. Указ. соч. – С. 15-17.

С этим сложно согласиться, ведь обратившись к букве уголовного закона, мы находим фразу «если деяние создало угрозу». Таким образом, деяние и угроза расчленяются. И тогда что же такое в данной конструкции угроза, если не последствие?

А.С. Михлин утверждает, что угроза вреда не может приравниваться к изменению в объекте. Рассматривая ситуацию с нарушением правил безопасности в угольной шахте, которое создаёт возможность гибели шахтёров, автор ссылается на причинение в данном случае вреда такому объекту как безопасность ведения работ в шахте. Такие объекты, как жизнь и здоровье, по его мнению, остаются невредимыми.

Далее А.С. Михлин заключает, что «уголовная ответственность за такие преступления наступает потому, что законодатель хочет п р е д о т в р а т и т ь причинение вреда. Поэтому возможность причинения вреда, поставление объекта в опасность его причинения не могут рассматриваться как самостоятельное последствие преступления».¹⁹¹

Наиболее неординарный ответ на изучаемый вопрос мы находим у В.Н. Кудрявцева, который квалифицирует угрозу в составах поставления в опасность иначе. Он считает, что создание возможности наступления вредных последствий нельзя рассматривать как действительное преступное последствие в полном смысле этого слова. Однако В.Н. Кудрявцев не согласен и с позицией, относящей угрозу только к свойствам действия. Автор признаёт угрозу промежуточным этапом между совершением преступного деяния и фактическим наступлением преступных последствий.¹⁹² По сути дела, выделяется новый основной элемент объективной стороны состава преступления, наряду с деянием (действием либо бездействием), последствиями и причинной связью.

Г.В. Тимейко полагает, что составы поставления в опасность нельзя относить ни к формальным, ни к материальным составам преступлений, так как

¹⁹¹ Михлин А.С. Последствия преступления. – М., 1969. – С. 31-32.

¹⁹² Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. – М., 1960. – С. 174.

считает, что «реальная возможность причинения вреда не является последствием преступления»¹⁹³. А к формальным, по его мнению, их невозможно отнести из-за того, что для признания таких преступлений окончеными недостаточны совершение действия или бездействия.¹⁹⁴

Далее, аргументируя свою позицию по данному вопросу, Г.В. Тимейко утверждает, что, приравнивая угрозу наступления вреда к последствию, тем самым игнорируется разница между фактически наступившим вредом и угрозой его наступления.¹⁹⁵

Позволим себе не согласиться с такой точкой зрения, ведь отождествляя угрозу вреда с последствием, мы не говорим о том, что угроза вреда и фактический вред будут юридически равнозначны. Бесспорно, реально наступивший вред куда более опасен, нежели угроза его наступления. Но это, в свою очередь, никоим образом не исключает возможность отнесения угрозы вреда к последствию преступления.¹⁹⁶

Нам близка позиция И.М. Тяжковой, которая полагает, что отнесение данных преступлений к числу формальных означает, что они оканчиваются с момента совершения деяния (обычно, нарушения каких-нибудь правил). Всё остальное, в том числе и угроза наступления преступных последствий, в таком случае остаётся за пределами данных составов. В связи с этим, угроза – это один из видов последствий, что требует установления причинной связи между соответствующими деяниями и непосредственно угрозой.¹⁹⁷

¹⁹³ Тимейко Г.В. Проблемы общего учения об объективной стороне преступления: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1986. – С. 8.

¹⁹⁴ Там же. – С. 8.

¹⁹⁵ Там же. – С. 22; Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. – М., 1960. – С. 152-153.

¹⁹⁶ Ряд криминалистов отстаивают точку зрения об отнесении угрозы вреда к виду последствий преступления: Кузнецова Н.Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. – М., 1958. – С. 26-27; Церетели Т.В. Деликты создания опасности // Советское государство и право. – 1970. – № 8. – С. 56; Угрехелидзе М.Г. Проблема неосторожной вины в уголовном праве. – Тбилиси, 1976. – С. 71; Крашенинников А.А. Угроза в уголовном праве России (проблемы теории и практики правового регулирования) / Отв. ред. А.И. Чучаев. – Ульяновск, 2002. – С. 128.

¹⁹⁷ Тяжкова И.М. Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности / Под ред. В.С. Комиссарова. – СПб., 2002. – С. 235.

Такое положение, на наш взгляд, благоприятно скажется на правоприменительной практике. Установление свойства деяния – опасности последствий – поверхностно отражает проблему причинной связи деяния с угрозой наступления преступных последствий. Вообще, видится абсурдным выявление причинной связи между общественно опасным деянием и его свойством. Свойство деяния обычно не разделяется с самим деянием и, тем более, не устанавливается причинная связь между деянием и его свойством, иначе такое и будет последствием преступления.

Представляет интерес неординарная позиция по схожему вопросу В.В. Лукьянова. Он предлагает признавать последствием нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ) не что иное как угрозу причинения вреда (аварийную обстановку), а не причинённый вред здоровью, так как дальнейшее развитие событий (после создания угрозы причинения вреда), по мнению данного автора, уже не зависит от воли виновного.¹⁹⁸ Вместе с тем, отметим, что в ст. 264 УК РФ, как известно, об угрозе не упоминается.

Не претендуя на оптимальное разрешение данного спора, необходимо заметить, что даже если фактический (материальный) вред и не наступает в результате совершения анализируемых преступлений (имеется в виду составов поставления в опасность), вред объекту имеет место, поскольку, когда жизнь или здоровье людей поставлены под угрозу – уже нарушается состояние защищённости жизни и здоровья, а это является вредом, причинённым преступной деятельностью человека общественным отношениям, охраняемым Уголовным законом. Последнее же согласуется с определением последствия преступления, предлагаемым А.С. Михлиным,¹⁹⁹ что, в свою очередь, можно отнести к числу аргументов в защиту нашей позиции.

¹⁹⁸ Лукьянов В., Борисова Н. Угроза причинения вреда как последствие правонарушения // Российская юстиция. – 2002. – № 8. – С. 43.

¹⁹⁹ Михлин А.С. Последствия преступления. – М., 1969. – С. 16.

Таким образом, угроза в аспекте объективной стороны состава преступления выступает разновидностью последствий.

В других случаях угроза может быть деянием как признаком объективной стороны. Определённое число уголовно-правовых норм закрепляет ответственность за деяние в виде собственно угрозы – например, ст. 119 УК РФ (Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью). Данное положение, как представляется, не является дискуссионным.

Как выше упоминалось, нередко угрозу-деяние определяют через выраженное вовне намерение причинить вред охраняемым Уголовным законом общественным отношениям, интересам, благам. Данное положение приводит к необходимости остановиться на связи угрозы-деяния со стадиями совершения преступления.

Определение угрозы через выраженное вовне намерение причинить вред объектам уголовно-правовой охраны приравнивает её к стадии обнаружения умысла, притом, что в судебной практике подчёркивалось, что закон допускает уголовную ответственность лишь с того момента, когда намерение лица совершить преступление реализуется в конкретных общественно опасных действиях, направленных на осуществление задуманного посягательства.²⁰⁰

В то же время некоторые авторы утверждают обратное.²⁰¹ Так, например, Н.К. Семернева пишет, что «в некоторых случаях общественную опасность представляет само обнаружение умысла...», и «законодатель счёл необходимым для этих случаев установить уголовную ответственность за сам факт высказывания угрозы, считая его самостоятельным окончанным преступлением, а не обнаружением умысла»²⁰².

²⁰⁰ Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1972. – № 3. – С. 21-23.

²⁰¹ Уголовное право России. Общая часть / Отв. ред. А.Н. Игнатов и Ю.А. Красников. – М., 2000. – С. 206.

²⁰² Уголовное право. Общая часть / Отв. ред. И.Я. Козаченко и З.А. Незнамова. – М., 1998. – С. 213.

Получается, что законодатель криминализировал частные случаи обнаружения умысла, избегая прямой констатации такого факта. Однако это не совсем так. Действительно, легко представить ситуацию, в которой виновный, совершая угрозу, может и не намереваться осуществлять то деяние, которым он угрожает. В таком случае не может вестись и речи о признании угрозы-деяния обнаружением умысла и, следовательно, стадией преступления. В то же время отметим, что в некоторых случаях угроза будет выступать стадией преступления.

В целом же заключим – угроза-деяние является более широким понятием, нежели стадия преступления – обнаружение умысла.

Категория «угроза» имеет место и в институте соучастия в преступлении. Так, отечественному уголовному законодательству известны четыре вида соучастников. Это исполнитель, организатор, подстрекатель и пособник. В свете уголовно-правового изучения угрозы остановимся на анализе роли подстрекателя в преступлении.

В соответствии с ч. 4 ст. 33 УК РФ, подстрекателем признается лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путём уговора, подкупа, угрозы или другим способом. В указанной норме угроза представляет собой один из способов, наряду с названными, склонения другого лица к совершению преступления. По данным Д.А. Безбородова, угроза как способ подстрекательства встречается в 1% случаев.²⁰³

Следует отметить, что угроза при подстрекательстве не конкретизирована и, по нашему мнению, должна характеризоваться следующими основными признаками.

Во-первых, это психическое насилие в отношении склоняемого к совершению преступления, во-вторых, наличие реальной возможности наступления вреда (осуществления угрозы). Присутствие противоправности дейст-

²⁰³ Безбородов Д.А. Уголовно-правовое и криминологическое исследование подстрекательства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1998. – С. 11.

вий, направленных на склонение другого лица к совершению преступления, неоспоримо.

К такого рода угрозам можно отнести угрозу убийством, причинением вреда здоровью либо применения насилия, угрозу уничтожением или повреждением имущества, угрозу распространения позорящих или иных, нежелательных к огласке, сведений.

Т. Орешкина дополняет этот перечень угроз угрозой незаконного ограничения или лишения свободы и угрозой совершения иных действий имущественного характера (помимо угрозы уничтожением или повреждением имущества). И, кроме того, подчёркивает, что угроза разоблачения совершённого человеком преступления не может трактоваться как психическое принуждение, поскольку незаконные интересы правовой защите не подлежат.²⁰⁴

А.П. Козлов, исследовавший институт соучастия в преступлении, выделяет ещё такой способ выражения угрозы, как применение физического насилия к незнакомым подстрекаемому лицам. Данный вариант выражения угрозы справедливо относится автором к психическому насилию, несмотря на то, что носит физический характер, так как подстрекаемый в этом случае «совершает преступление не потому, что кого-то избивают, а опасаясь возможности применения такого же воздействия к нему лично».²⁰⁵ Здесь физическое насилие как бы подкрепляет психическое, вселяя таким образом в подстрекаемого уверенность в реальности угрозы.

Примечательно, что в отличие от иных способов склонения, в подстрекательстве угроза характеризуется, кроме всего прочего, психическим принуждением. Ведь при склонении к совершению преступления путём уговора либо подкупа воля другого лица терпит наименьшие ограничения (если вообще терпит).

²⁰⁴ Орешкина Т. Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключаящее преступность деяния // Уголовное право. – 2000. – № 1. – С. 36.

²⁰⁵ Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. – СПб., 2001. – С. 133-134.

Склоняя путём угрозы, на чашу весов ставятся, с одной стороны, личные и охраняемые уголовным законом блага и интересы, а с другой стороны, преступное деяние, совершая которое, лицо обезопасит себя от возможных неблагоприятных последствий.

В такой ситуации действия лица, склонённого к совершению преступления путём угрозы, будут менее общественно опасны, нежели действия склонённого уговором или подкупом, и даже, в зависимости от конкретных обстоятельств, вплоть до признания их непроступными, так как применяется обстоятельство, исключающее преступность деяния, – психическое принуждение, предусмотренное ч.2 ст.40 УК РФ.

Указанная норма предписывает нам решать вопрос об уголовной ответственности лица, склонённого к совершению преступления путём угрозы, по правилам института крайней необходимости. В соответствии со ст. 39 УК РФ, не будет преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам для устранения угрозы склоняемому лицу (либо иным лицам), если её нельзя было устранить другими средствами, и при условии, что причинённый вред был менее значительный, чем предотвращённый.

Представляется обоснованным утверждение А.В. Пушкина о том, что «насильственные способы воздействия на личность подстрекаемого образуют соучастие только тогда, когда не создают у него состояния крайней необходимости и подавляют его волю до такой степени, что он теряет способность руководить своими действиями либо осознавать их характер»²⁰⁶.

К примеру, подстрекатель склоняет другое лицо к совершению убийства под угрозой уничтожения его имущества. В случае совершения склонённым лицом убийства, он будет нести уголовную ответственность как исполнитель убийства на общих основаниях, лишь с применением обстоятельства, смягчающего наказание (п. «е» ч.1 ст. 61 УК РФ). Лицо, склонившее к совершению убийства, будет отвечать перед законом как подстрекатель.

²⁰⁶ Пушкин А.В. Подстрекательство к совершению преступления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1995. – С. 15.

Но, если же имеет место обратная ситуация, когда подстрекатель склоняет другое лицо к уничтожению чужого имущества под угрозой убийства, то в случае совершения склонённым лицом умышленного уничтожения чужого имущества ответственность распределится следующим образом: а) действия подстрекателя подлежат квалификации как посредственного исполнителя умышленного уничтожения чужого имущества, по совокупности со ст. 119 УК РФ; б) склонённое таким образом лицо не подлежит уголовной ответственности, на основании ч.2 ст. 40 и ст. 39 УК РФ.²⁰⁷

Сказанное позволяет сделать вывод, угроза, рассматриваемая в качестве способа склонения другого лица к совершению преступления в подстрекательстве, обладает следующими свойствами.

Во-первых, необходимо установить её реальность, во-вторых, возможность её устранения иными средствами, чем требуемые подстрекателем, и, в-третьих, данная угроза выступает своеобразным мерилом. То есть, закон обязывает нас взвесить, сопоставить вред предотвращаемый и причиняемый. Задача не простая, особенно если учесть, что потерпевший от такого рода угрозы зачастую находится в шоковом (стрессовом) состоянии, он запуган, а необходимо трезво оценить ситуацию и принять правильное решение.

В результате угроза может выступить либо в качестве извиняющего склонённое лицо обстоятельства, либо только как обстоятельство, смягчающее наказание. Но в обоих случаях угроза подлежит уголовно-правовой оценке, так как её адресат (в данной ситуации это лицо, склоняемое к совершению преступления) в той или иной мере подвергается психическому насилию, ему причиняется моральный вред (психическая травма), и он является потерпевшим.

Как уже было обозначено, некоторым образом соотносятся угроза и институт психического принуждения в уголовном праве. Точнее говоря, угроза является одним из превалирующих способов психического принужде-

²⁰⁷ См.: Щепельков В.Ф. Соучастие при физическом или психическом принуждении // Законность. – 2001. – № 11. – С. 35.

ния. Психическое принуждение определяется насильственным воздействием на психику человека. Выделяется два основных способа такого воздействия. Одним из них, является информационное воздействие, заключающееся собственно в угрозах причинения вреда объектам уголовно-правовой охраны. Второй способ – это непосредственное воздействие на бессознательную сторону психики (сюда следует отнести гипноз, электронную стимуляцию мозга и т.п.).²⁰⁸ Последний способ, очевидно, не имеет такого распространения, как первый (некоторыми не признаётся вообще). Характеристики угрозы в психическом принуждении идентичны ранее рассмотренным.

Одновременно психическое принуждение является обстоятельством, смягчающим наказание (п. «е» ч.1 ст. 61 УК РФ), и, наоборот, обстоятельством, отягчающим наказание (п. «к» ч.1 ст. 63 УК РФ).

Некоторыми авторами поднимается вопрос о разграничении психического принуждения и физического. Так, Е.Г. Веселов предлагает разграничение физического и психического принуждения, в условиях их конкуренции, по следующим основаниям. Если причинён тяжкий или средней тяжести вред здоровью, принуждение должно признаваться физическим вне зависимости от сопутствующего психического насилия. Если же насилие выразилось в лёгком вреде здоровью или не причинило вреда здоровью, то оно должно рассматриваться как психическое тогда, когда была высказана угроза убийством или причинением более тяжкого вреда здоровью, чем реально причинённый.²⁰⁹ С таким предложением стоит согласиться.

Интересным представляется мнение некоторых авторов, утверждающих, что психическое принуждение не всегда является преодолемым.

²⁰⁸ См.: Калугин В.В. Физическое и психическое принуждение в уголовном праве. – Ставрополь, 2001. – С. 51.

²⁰⁹ Веселов Е.Г. Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключаящее преступность деяния: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2002. – С. 18.

Так, Т. Орешкина соглашается с А.Н. Трайниным в вопросе о возможности полного подавления воли человека под воздействием непосредственной реальной угрозы причинения смерти.²¹⁰

Однако, на наш взгляд, этот аспект не имеет, в большинстве случаев, принципиального значения, поскольку вопрос о правомерности деяния, совершённого под влиянием психического принуждения, вне зависимости от качества последнего, решается по правилам крайней необходимости. И вряд ли можно было бы считать правомерным, например, умышленное причинение смерти нескольким людям во имя спасения жизни принуждаемого. Как бы угроза убийством не подавляла волю человека, более логично и справедливо будет давать уголовно-правовую оценку подобным действиям с позиции крайней необходимости.

Следующий момент, требующий внимания – это распространённость категории «угроза» в главе 8 УК РФ, содержащей в себе обстоятельства, исключающие преступность деяния. Тесная взаимосвязь угрозы с психическим принуждением отмечена выше. Остановимся на следующих институтах.

Известно, что институт необходимой обороны предоставляет право причинить вред посягающему лицу, при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной *угрозой* применения такого насилия. Приведённая законодательная формулировка, в редакции Федерального закона от 14 марта 2002 г. № 29-ФЗ, некоторым образом разрешила вопросы, носившие дискуссионный характер.²¹¹

Уголовный закон предоставляет право гражданину причинить любой вред посягающему лицу, даже в случае, если посягательство было сопряжено

²¹⁰ Орешкина Т. Уголовно-правовое значение непреодолимой силы // Уголовное право. – 2003. – № 2. – С. 59.

²¹¹ См.: Орехов В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния. – СПб., 2003. – С. 47.

хотя бы с непосредственной угрозой применения насилия, опасного для жизни обороняющегося или другого лица.²¹²

Однако вопрос о том, каким образом устанавливается юридически определённый момент в развитии преступного посягательства, с которого начинается право на необходимую оборону, законодателем не разрешается.

В теории уголовного права признаётся, что право на необходимую оборону возникает с момента создания угрозы причинения вреда охраняемым уголовным законом отношениям.²¹³ Такая позиция находит своё обоснование в трудах Н.С. Таганцева, который считал, что «для обороны нередко вполне достаточно угрозы нападением, предполагая, что такой угрозой заявляется о более или менее близком приступе к действию, а не одно только указание на зло будущее отдалённое».²¹⁴

Практически аналогичное решение этого вопроса имеется и в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств» от 16 августа 1984 г. №14, где говорится, что состояние необходимой обороны возникает при наличии реальной угрозы нападения.²¹⁵

По такому же пути идёт судебная практика: «Состояние необходимой обороны наступает и в том случае, когда по всем обстоятельствам начало реального осуществления нападения настолько очевидно и неминуемо, что не-

²¹² Постановление Пленума ВС СССР от 04.05.1945 по делу Симахина и др. – Судебная практика ВС СССР. – 1945. Вып. 5. – С. 5; Кабурнеев Э.В. Ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002. – С. 18.

²¹³ См. Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Практический курс уголовного права России. – Ставрополь, 2001. – С. 124.

²¹⁴ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. – Тула, 2001. – Т. 1. – С. 426.

²¹⁵ Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.М. Лебедева. – М., 2001. – С. 508.

принятие предупредительных мер ставит в явную, непосредственную и неотвратимую опасность лицо, вынужденное к принятию этих мер».²¹⁶

Примером реальной угрозы нападения как начального момента прав необходимой обороны может служить следующий случай.

Так, К. осуждена по ч. 1 ст. 108 УК РФ (убийство, совершённое при превышении пределов необходимой обороны).

Как указано в приговоре, К. находясь в квартире, принадлежавшей Сафронову, в состоянии алкогольного опьянения из личной неприязни в ссоре вырвала из рук Сафронова кухонный нож и, обороняясь, нанесла ему удар в грудь, от чего он скончался на месте.

Президиум Московского городского суда 18 мая 2000 г. дело прекратил за отсутствием в деянии К. состава преступления, указав следующее.

Как видно из материалов дела, К., находилась наедине с Сафроновым в закрытой комнате, в отсутствие соседей по коммунальной квартире. Он в этот вечер был в состоянии алкогольного опьянения, вёл себя агрессивно, подошёл к К., держа нож на уровне её груди. Она, понимая, что для её жизни существует реальная угроза, защищаясь, вырвала нож и нанесла им удар Сафронову в грудь.

Таким образом, К. действовала правомерно, в состоянии необходимой обороны.²¹⁷

Некоторые авторы полагают, что возможна оборона от ещё не начавшегося посягательства.²¹⁸ Однако позволим себе не согласиться, ссылаясь на то, что угроза – это уже общественно опасное посягательство. По нашему мнению, было бы вполне оправданным внесение в ст. 37 УК РФ корректив, указывающих на момент возникновения права на необходимую оборону. Такое предложение поддержало 73 % респондентов.

²¹⁶ Постановление Пленума ВС СССР от 04.05.1945 по делу Симахина и др. – Судебная практика ВС СССР. – 1945. – Вып. 5. – С. 5.

²¹⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2002. – № 6. – С. 17.

²¹⁸ См.: Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Практический курс уголовного права России. – Ставрополь, 2001. – С. 124.

Сложности в данном случае возникают в правильном уяснении угрозы. Справедливо отмечает К.Л. Акоев, что определённость угрозы, а, следовательно, характер и степень общественной опасности посягательства «распределить» зачастую невозможно, что в свою очередь, делает невозможным решение вопроса о пределах допустимого вреда, который может быть причинён посягающему. И, для иллюстрации этого положения, автор приводит пример, когда некто пытается ночью ворваться в дом к одинокой женщине с детьми. В целях самообороны, она берёт ружьё и предупреждает, что будет стрелять, однако некто по-прежнему молча ломает дверь, и в последний момент она стреляет и убивает неизвестного ей человека.²¹⁹

На первый взгляд, угрозы чьей-либо жизни незнакомец не представлял и имеет место превышение пределов необходимой обороны, так как фактически на момент пресечения действий нападающего он (его действия) создал только угрозу незаконного проникновения в жилище. Но с другой стороны, субъективное восприятие такой угрозы трансформирует её до максимальной степени, то есть вплоть до угрозы жизни.

Для избежания возможных судебных ошибок в подобных случаях, К.Л. Акоев рекомендует законодателю установить перечень преступлений, защита от которых не может образовывать превышения пределов необходимой обороны ни при каких обстоятельствах.²²⁰ Приведённую точку зрения мы не разделяем, так как это будет чрезмерным расширением права необходимой обороны и, кроме того, излишним нагромождением закона.

Определённым образом способствует разрешению некоторых сложных вопросов необходимой обороны, по нашему мнению, ч. 2-1 ст. 37 УК РФ (в редакции Федерального закона № 162-ФЗ от 08.12.2003 г.)²²¹, поскольку данная норма на уровне законодательства разрешает вопрос в пользу обороняю-

²¹⁹ Акоев К.Л. Место совершения преступления и его уголовно-правовое значение. – Ставрополь, 2000. – С. 170.

²²⁰ Там же. – С. 175.

²²¹ Российская газета. – 2003. – 16 дек.

щегося, когда последний вследствие неожиданности посягательства не мог объективно оценить степень и характер опасности нападения.

Думается, что для решения вопроса о правомерности необходимой обороны судам следовало бы в ситуациях нераспознавания защищаемым действительного характера угрозы (исключая случаи неожиданности посягательства) более тщательно исследовать угрозу, создаваемую нападением.

Например, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» даётся следующая рекомендация судам для признания в действиях лица грабежа или разбоя, в случаях, когда завладение имуществом соединено с угрозой применения насилия, носившей неопределённый характер.

Данный вопрос необходимо разрешать с учётом всех обстоятельств дела: «места и времени совершения преступления, числа нападавших, характера предметов, которыми они угрожали потерпевшему, субъективного восприятия угрозы, совершения каких-либо конкретных демонстративных действий, свидетельствовавших о намерении нападавших применить физическое насилие, и т.п.».²²² Аналогичная рекомендация была бы весьма уместной для определения характера и степени общественной опасности угрозы в ситуациях необходимой обороны, в целях законного ответа на вопрос о правомерности самообороны.

Вызывает некоторый интерес ещё одно обстоятельство ст. 37 УК РФ в редакции от 2002 года. Здесь законодатель к характеристике угрозы добавляет такой признак, как непосредственность. Вероятно, имеется в виду временной промежуток между обнаружением угрозы и моментом её возможной реализации. Иными словами, правомерным признаётся причинение любого вреда посягающему лицу, если посягательство сопряжено с угрозой жизни, причём угрозой не отдалённой, а такой, которая может быть реализована в относительно сжатые сроки. Опять же, почему относительно, так потому что

²²² Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – № 2. – С. 5.

в одних случаях угроза может не реализовываться в течение длительного промежутка времени (например, при захвате заложников)²²³, в других она может быть реализована немедленно (при разбойном нападении). По этому факту ещё Н.С. Таганцевым было замечено, что невозможно оправдать непосредственное насилие в отношении лица, угрожающего злом в будущем.²²⁴

Изучив институт причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, мы пришли к выводу, что и данное обстоятельство, исключаящее преступность деяния, содержит признак – угрозу. И, несмотря на то, что в самом законе (ст. 38 УК РФ) отсутствует указание на исследуемый признак, его присутствие очевидно. Так, в ст. 38 УК РФ указываются цели задержания, одной из которых является пресечение возможности совершения лицом новых преступлений. Иными словами, задерживаемое лицо должно создавать угрозу совершения новых преступлений. Однако такой вывод не всегда под силу сделать юристу-профессионалу, не говоря уже об обычных гражданах, что наводит на мысль об излишности наличия в ст. 38 УК РФ рассматриваемой цели задержания.

Говорится об угрозе и в ст. 39 УК РФ, регламентирующей такое обстоятельство, исключаящее преступность деяния, как крайняя необходимость. Угроза в крайней необходимости может иметь самые разнообразные источники, она может исходить от человека, от животного, от природных и техногенных сил²²⁵. Вследствие этого, угроза в данном институте уголовного права характеризуется исключительным образом, так как в данном случае может инициироваться не только человеком, хотя, в большинстве случаев, все-таки виновником угрозы выступает человек.

²²³ См.: Дмитренко А.П. Пределы правомерности права на необходимую оборону. – Ставрополь, 2000. – С. 74-75.

²²⁴ Таганцев Н.С. Русское уголовное право.– Тула, 2001. – Т. 1. – С. 426. См. также: Побегайло Э.Ф., Ревин В.П. Необходимая оборона и задержание преступника в деятельности органов внутренних дел. – М., 1987. – С. 16.

²²⁵ См.: Зуев В.Л. Необходимая оборона и крайняя необходимость. Вопросы квалификации и судебно-следственной практики. – М., 1996. – С. 24.

Аналогично тому, какими свойствами угроза должна обладать в необходимой обороне для признания вреда правомерным, так и в случае правомерного причинения вреда в состоянии крайней необходимости угроза должна быть непосредственной, наличной и, само собой разумеется, реальной. Основное значение угрозы здесь состоит в том, что она выступает своеобразным «противовесом» при оценке правомерности причинённого вреда. Устраняемая угроза должна быть более значительной по характеру и степени общественной опасности, нежели причинённый вред для исключения преступности деяния.

Для примера состояния крайней необходимости можно привести следующую классическую ситуацию.

Шмик, возвращаясь из клуба совхоза домой, увидел лежащего на улице Михалкина, избитого неизвестным. По просьбе Михалкина Шмик поднял его, довёл до гаражей и без разрешения кого-либо посадил Михалкина в кабину пожарной автомашины и повёз его в больницу. В пути следования наехал на кочку и опрокинул автомашину, но, несмотря на это, Шмик довёл Михалкина до больницы. В результате аварии совхозу был причинён ущерб.

Верховный Суд Казахской ССР правильно расценил действия Шмика как совершённые в состоянии крайней необходимости.²²⁶

Угроза для жизни многих людей, угроза экологической катастрофы или общественного бедствия является одним из условий правомерности обоснованного риска (ч. 3 ст. 41 УК РФ), наряду с:

- направленностью деяния в ситуации обоснованного риска на достижение общественно полезных целей (ч. 1 ст. 41 УК РФ);
- невозможностью достижения полезной цели действиями, не связанными с риском (ч. 2 ст. 41 УК РФ);

²²⁶ Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1965. – № 6. – С. 46-47.

- обязанностью лица, допустившего риск, предпринять достаточные меры для предотвращения вреда охраняемым уголовным законом интересам (ч. 2 ст. 41 УК РФ).

Таким образом, угроза жизни одному человеку не исключает наличия обоснованного риска.²²⁷ Вместе с тем, отдельные авторы подчёркивают противоречие такого положения с требованием принятия достаточных мер для предотвращения вреда и расчётом лица на ненаступление этого вреда.²²⁸ Однако в условиях научно-технического прогресса риск для жизни человека является неминуемым фактором. С учётом сказанного, в уголовно-правовой литературе отмечается, что действия, осуществляемые при обоснованном риске, могут быть осуществлены исключительно при согласии лица, чья жизнь или здоровье поставлены под угрозу.²²⁹

Таким образом, следует вывод – значение угрозы в Общей части уголовного права определяется тем, что она является:

- 1) в объективной стороне состава преступления разновидностью последствия и деяния;
- 2) способом склонения другого лица к совершению преступления при подстрекательстве (ч. 4 ст. 33 УК РФ);
- 3) наиболее распространённым проявлением психического принуждения (ч. 2 ст. 40 УК РФ);
- 4) моментом возникновения права на необходимую оборону;
- 5) одним из условий правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление;
- 6) «противовесом» при оценке правомерности причинённого вреда в состоянии крайней необходимости;

²²⁷ Орехов В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния. – СПб., 2003. – С. 149.

²²⁸ Козаев Н.Ш. Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния. – Ставрополь, 2001. – С. 86.

²²⁹ См.: Гринберг М.С. Технические преступления. – Новосибирск, 1992. – С. 108; Козаев Н.Ш. Указ. соч. – С. 88-89.

7) одним из условий правомерности обоснованного риска (ч. 3 ст. 41 УК РФ);

8) обстоятельством, смягчающим и отягчающим наказание (п. «е» ч. 1 ст. 61 и п. «к» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

§ 2. Угроза-деяние

Современному российскому уголовному праву известны пять составов преступлений, устанавливающих уголовную ответственность за угрозу, где она выступает конститутивным элементом. А именно:

1) угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ);

2) угроза совершения взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти (терроризм) (ст. 205 УК РФ);

3) угроза убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества в отношении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, прокурора, следователя, дознавателя, защитника, эксперта, специалиста, судебного пристава, судебного исполнителя, а равно их близких в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования (ч.1, 2 ст. 296 УК РФ);

4) угроза применения насилия в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей (ч. 1 ст. 318 УК РФ);

5) угроза применения насилия в отношении осуждённого с целью воспрепятствовать его исправлению или из мести за оказанное им содействие

администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы, а равно в отношении сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей в связи с осуществлением им служебной деятельности либо его близких (ст. 321 УК РФ).

Ст. 119 УК РФ (Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью), по сути, является общей нормой по отношению к ч.ч.1, 2 ст. 296, ч. 1 ст. 318 и ст. 321 УК РФ.

Родовой объект данного преступления – личность, её права, свободы и законные интересы. Примечательно, что ранее, в УК РСФСР 1960 г. аналогичная норма содержалась в главе преступлений против общественной безопасности и общественного порядка. Перемещение рассматриваемой статьи в главу 16 «Преступления против жизни и здоровья» раздела 7 «Преступления против личности» представляется обоснованным. Такое расположение соответствует объекту угрозы и, кроме того, ст. 207 УК РСФСР 1960 г. предусматривала уголовную ответственность не только за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, но и за угрозу уничтожением имущества путём поджога. В связи с этим, небезосновательно, непосредственным объектом ст. 207 УК РСФСР признавалась безопасность граждан, то есть такие общественные отношения, которые гарантируют им защиту от общественно опасных посягательств, направленных против жизни, здоровья и имущества личности.²³⁰

Видовой и непосредственный объекты угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, по нашему мнению, совпадают, и ими будут жизнь и здоровье. В этом плане мы не соглашаемся с суждением Л.В. Сердюка, который считает, что в случае, если преступник угрожает разбить в

²³⁰ Петрунев В.П. Борьба с уголовно наказуемыми угрозами // Советская юстиция. – 1975. – № 17. – С. 14.

доме окно, то тем самым он ещё не посягает на собственность, и что «угроза безопасности ещё не есть нарушение безопасности».²³¹

Противоположного мнения придерживается и отечественный законодатель, определяющий безопасность как состояние защищённости жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних *угроз* (ст. 1 Закона РФ «О безопасности» от 5 марта 1992 г.).²³² И, кроме того, общепризнанно, что объект преступления – это общественные отношения, интересы, блага, охраняемые уголовным законом, которым причиняется вред или создаётся *угроза* причинения вреда.²³³

Безусловно, не вызывает возражений разделяемое Л.В. Сердюком суждение Н.С. Таганцева о том, что «сущность угрозы заключается в воздействии на психическую деятельность угрожаемого».²³⁴ Однако такое воздействие, как правило, так или иначе сказывается на здоровье человека, потерпевшего от угрозы. Это положение Сердюк Л.В. не отрицает, выделяя другим непосредственным объектом угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью свободу волеизъявления угрожаемого.²³⁵ Но это уже детализация, уточнение объекта. Мы всё же не согласимся с Л.В. Сердюком в части отвержения им определения объекта угрозы убийством – жизни. Ведь этот объект ставится под угрозу нарушения, наряду с одновременным, в большинстве случаев, причинением вреда здоровью человека в виде, например, стресса.

²³¹ См. Сердюк Л.В. *Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование*. – М., 2002. – С. 195-197.

²³² О безопасности: Закон РФ от 5 марта 1992 г. // *Ведомости РФ*. – 1992. – № 15. – Ст. 769.

²³³ См. например: *Уголовное право. Общая часть* / Под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова. – М., 1998. – С. 135.; Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. *Практический курс уголовного права России*. – Ставрополь, 2001. – С. 46.

²³⁴ Цит. по: Сердюк Л.В. *Указ. соч.* – С. 195. См. также: Берко А.В., Кибальник А.Г. *Применение запрещённых средств и методов ведения войны*. – Ставрополь, 2002. – С. 59.

²³⁵ Там же. – С. 197-198.

Таким образом, непосредственным объектом угрозы убийством следует признать жизнь и здоровье личности, а объектом угрозы причинением тяжкого вреда здоровью – только здоровье.

Потерпевшим от угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ) может быть любой человек.

Объективная сторона угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, по признанию большинства авторов, носит формальный характер, так как в законе не указывается на наступление каких-либо преступных последствий. Поэтому начнём рассмотрение объективной стороны угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью с деяния.

Представляется не вполне корректным (как нами уже отмечалось) утверждение о том, что угроза является обнаружением умысла,²³⁶ так как это противоречит сути современного российского уголовного права. Отметим, что доля правды в таком определении угрозы, конечно же, есть, но только доля. Во многих случаях угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью действительно свидетельствует об умысле лица совершить убийство или, соответственно, причинить тяжкий вред здоровью.

Так, В.П. Петрунев приводит следующий пример. Д. отказывался платить алименты на ребёнка, постоянно пьянствовал, неоднократно угрожал убийством членам семьи. Д. дважды привлекался к административной ответственности за мелкое хулиганство. В результате Д. покушался на жизнь жены, её сестры и престарелой матери, и только благодаря вмешательству врачей потерпевшие остались живы.²³⁷ Этот и другие примеры обнаруживают

²³⁶ См.: Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под ред. А.В. Наумова. – М., 1996. – С. 320.

²³⁷ Петрунев В.П. Борьба с уголовно наказуемыми угрозами // Советская юстиция. – 1975. – № 17. – С. 15. Рядом авторов подчёркивается профилактическое значение уголовной ответственности за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Отмечается, что чем больше возбуждается уголовных дел по фактам угроз убийством, тем положительнее это сказывается на количестве регистрируемых убийств. См.: Сердюк Л.В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование / Под ред. С.П. Щербы-М., 2002. – С. 196; Анианц М.К. Ответственность за преступления против жизни по действующему законодательству союзных республик. – М., 1964. – С. 200-201; Ефимов М.А.

объективную картину, когда угрозы предшествуют их реализации, что некоторым образом оправдывает трактовку угрозы как обнаружение умысла.

Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью совершается путём действия. Совершение угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью путём бездействия немислимо даже теоретически.²³⁸

Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью может проявляться устно, письменно или конклюдентно. Устная или письменная угроза содержит в себе информацию в виде намерения лишить жизни потерпевшего либо, соответственно, причинить тяжкий вред его здоровью. Однако такая информация зачастую не является свидетельством того, что виновный действительно намерен лишить жизни, причинить вред здоровью. Здесь может идти речь о предполагаемом к реализации намерении, подчеркнём, что именно *предполагаемом*. То есть виновный либо действительно решил лишить жизни потерпевшего, причинить вред здоровью и субъективно готов к этому, либо угрожающий решает вопрос о таких действиях, как бы находится в раздумье. Во многих случаях виновный может даже и не намереваться совершить убийство, а исключительно осуществлять деятельность по запугиванию потерпевшего.

О том, что возможно совершение угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью конклюдентным способом, то есть с использованием каких-либо знаков, жестов и т.п., свидетельствуют материалы Постановления Пленума Верховного Суда №4 «О судебной практике по делам об изнасиловании» от 22 апреля 1992 г. (в ред. Постановления Пленума №11 от 21 декабря 1993 г.). Так, Верховный Суд разъясняет, что под угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью следует понимать не только прямые высказывания, которые выражали намерение немедленного применения физического насилия, но и, с учётом обстоятельств дела, такие угрожающие

Борьба с преступлениями против общественного порядка, общественной безопасности и здоровья населения. – Минск, 1971. – С. 39.

²³⁸ См.: Бойко А.И. Преступное бездействие. – СПб., 2003. – С. 84-95.

действия виновного, как, например, демонстрация оружия (пистолета, ножа, бритвы и т.п.).²³⁹

Причём данное правило относится не только к квалифицирующему признаку изнасилования, как совершённого с угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, поскольку, исходя из буквального уяснения названного постановления, возможна совокупность ч.1 ст. 131 и ст. 119 УК РФ. В таком случае названные рекомендации Верховного Суда распространяются и на ст. 119 УК РФ. Такая ситуация имеет место, когда соответствующая угроза была выражена после изнасилования, например, с целью того, чтобы потерпевшая никому не сообщила о случившемся.

Схожее положение содержится в п. 23 Постановления № 29 Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», где разъясняется, что демонстрация оружия, с учётом конкретных обстоятельств дела о разбое, должна быть квалифицирована по ч. 1 ст. 162 УК РФ. То есть в таком случае демонстрация оружия расценивается как угроза применения насилия, опасного для жизни или здоровья. Если же лицо угрожало негодным или незаряженным оружием либо имитацией оружия, не намереваясь использовать эти предметы для причинения телесных повреждений, и потерпевший это понимал, то содеянное образует состав грабежа.²⁴⁰

Сказанное позволяет сделать вывод, что следует квалифицировать как угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью даже ситуации молчаливой демонстрации оружия. Впрочем, такое бывает, как правило, в совокупности с каким-либо другим преступлением (например, изнасилованием – ст. 131 УК РФ), либо такая угроза выступает квалифицирующим обстоятельством другого преступления (например, угона – ст. 166 УК РФ). Ведь сложно представить такое положение вещей, при котором демонстрация

²³⁹ Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (РФ) по уголовным делам. – М., 1999. – С. 457.

²⁴⁰ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – № 2. – С. 6.

оружия, в чистом виде, может быть воспринята как угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью.

Другое дело, если осуществляется угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Как показали результаты проведённого нами исследования, степень общественной опасности такой угрозы намного выше аналогичной угрозы без применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Поэтому целесообразно было бы предусмотреть в Уголовном законе квалифицирующий признак ст. 119 УК РФ «с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия» (по такому пути идёт уголовное законодательство некоторых зарубежных стран, например, УК Аргентины).

По содержанию угроза убийством характеризуется объявлением о намерении умышленно причинить смерть другому человеку. Это могут быть такие высказывания, как «убью», «повешу», «утоплю» и т.п.

С угрозой причинением тяжкого вреда здоровью дело обстоит несколько сложнее. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 111 УК РФ, для наличия угрозы причинением тяжкого вреда здоровью необходимо угрожать насильем, опасным для жизни человека в момент его причинения, лишением зрения, речи, слуха, какого-либо органа, лишением функции органа, прерыванием беременности, психическим расстройством, заболеванием наркоманией либо токсикоманией, неизгладимым обезображиванием лица, полным лишением профессиональной трудоспособности либо значительной стойкой утратой общей трудоспособности не менее чем на одну треть. Последнее, как представляется, возможно скорее теоретически, нежели практически, так как угрожать, например, пребыванием в больнице определённое время не вполне логично, поскольку значительная стойкая утрата общей трудоспособности не менее чем на одну треть вероятнее может выступить только вслед за причинением вреда здоровью.

В некоторых ситуациях угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью может быть сопряжена с определёнными требованиями. В таком случае угроза должна рассматриваться как принуждение к чему-либо. Вместе с тем, если она не охватывается специальным составом (например, ст.ст. 163, 179 УК РФ), то оказывается, как подчёркивает Г.К. Костров, «равной себе», поскольку факт сопряжённости угрозы с принуждением остаётся в таком случае без уголовно-правовой оценки. Это противоречит принципу справедливости.

Действительно, имеют место деяния в виде угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, содержащие в себе элемент принуждения, ответственность за совершение которых предусматривается УК РФ только в рамках ст. 119. В качестве примера можно привести ситуацию с принуждением к вступлению в брак под угрозой убийства, что будет влечь лишь ответственность за угрозу убийством. В связи с этим, мы поддерживаем предложение Г.К. Кострова о введении в Уголовный закон общей нормы, содержащей запрет на принуждение.²⁴¹ Но мы предлагаем криминализировать исключительно угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, сопряжённую с принуждением.

На основании вышеизложенного, представляется закономерным дополнить ст. 119 УК РФ квалифицированным видом данного преступления, где бы закреплялась ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, сопряжённую с принуждением к совершению каких-либо действий (бездействия) или к отказу от их совершения.

По общему правилу данное преступление считается оконченным с момента совершения действия, то есть проявления угрозы. Уголовный закон прямо не указывает на необходимость наступления каких-либо последствий для признания рассматриваемого преступления оконченным. Причём в теории уголовного права существуют две точки зрения на момент окончания уг-

²⁴¹ Костров Г.К. Нужен общий состав об ответственности за принуждение // Советская юстиция. – 1976. – № 2. – С. 22.

розы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Первая определяет момент окончания данного преступления временем выражения угрозы вовне, вторая – временем доведения угрозы до сведения адресата.²⁴²

Нам более близка вторая точка зрения, согласно которой угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью будет оконченным преступлением с момента доведения её адресату либо его близким лицам, которым безразлична судьба адресата угрозы. Иначе ни одному лицу не причиняется даже моральный вред, и будет отсутствовать психическое воздействие на кого-либо. Выразить угрозу вовне может лицо вслух, находясь наедине с самим собой. До тех пор пока угроза не станет известна адресату или лицам, которым его судьба не безразлична, некому будет опасаться осуществления угрозы.

В отношении вопроса о последствии угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью следует отметить, что, во-первых, существует точка зрения (и мы её разделяем), согласно которой, преступные последствия свойственны всем преступлениям.²⁴³ Действительно, как уже было отмечено выше, угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью – это разновидности психического насилия, результатом которого выступает определённый психический вред (психическая травма), что и выступает последствием преступления в данном случае. Но установление данного вреда представляет объяснимые сложности. Поэтому, на наш взгляд, вполне разумно данное последствие не указано в качестве конструктивного признака состава угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью.

Справедливо высказывание А.Н. Трайнина о том, что отсутствие необходимости во всех случаях особого доказывания наличия последствия – это

²⁴² Крашенинников А.А. Угроза в уголовном праве России (проблемы теории и практики правового регулирования) / Отв. ред. А.И. Чучаев. – Ульяновск, 2002. – С. 104.

²⁴³ См. Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. – М., 1957. – С. 153; Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. – М., 1960. – С. 157; Г. Новосёлов. Без преступных последствий нет преступления // Российская юстиция. – 2001. – № 3. – С. 56.

процессуальная особенность, и она отнюдь не ослабляет их материально-правового значения как элементов каждого состава.²⁴⁴

Кроме того, имеется ещё один, обращающий на себя внимание, законодательный признак состава угрозы. В диспозиции ст. 119 УК РФ закреплено, что угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, как преступление, должна обладать ещё одним признаком – это наличие основания опасаться осуществления этой угрозы. Возникает вопрос о том, к какому элементу состава преступления относится указанный признак.

Бесспорно, – к объективной стороне состава преступления. Данный признак характеризует само деяние, проявляя, таким образом, реальность угрозы. Действительно, существует множество примеров, когда угроза (даже убийством) может быть шуткой, высказыванием абсолютно безобидного человека, фразой, брошенной в порыве гнева. Так, Л.В. Сердюк приводит следующий случай, признание одного из представителей мужского пола, злоупотребляющих алкоголем: «Жена часто скандалит и гонит меня из дома, когда я прихожу пьяным. Несколько раз грозила убить утюгом. Но это одни слова».²⁴⁵ В данном примере общественная опасность угрозы равна нулю, поскольку отсутствуют основания опасаться её осуществления.

Однако, например, Х.Х. Абсатаров считает, что реальность угрозы – это и есть последствия состава ст. 119 УК РФ.²⁴⁶ По нашему мнению, с такой точкой зрения вряд ли можно согласиться, так как реальная возможность наступления вреда включается нами в определение угрозы-деяния, а выделение законодателем признака «если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы» следует рассматривать как подчёркивание признака реальности угрозы. Сказанное также подтверждается тем, что угроза-шутка или иная подобная угроза не имеет под собой оснований опасаться её осуществления.

²⁴⁴ Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. – М., 1957. – С. 153.

²⁴⁵ Сердюк Л.В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование. – М., 2002. – С. 202.

²⁴⁶ Абсатаров Х.Х. Угроза убийством. – Уфа, 2001. – С. 95-96.

Иными словами, такие угрозы будут безразличны уголовному праву, поскольку они не включают в себя реальную возможность наступления вреда.

В качестве примера для иллюстрации стоит привести следующий случай из судебной практики. Так, Чебан, находясь в нетрезвом состоянии, у себя в доме стал принуждать Ч. вступить с ним в сожительство, но последняя выскочила на улицу и спряталась в доме односельчанки Б. Вслед за ней туда прибежал Чебан. Выражаясь нецензурными словами, он стал стучать в дверь и требовать выпустить Ч. При этом угрожал убийством Б., держа в руке нож. Б. потребовала от Чебана не стучать в дверь, не пугать детей, при этом заявила, что в её доме Ч. нет, предложила ему уйти от дома, и Чебан ушёл. Чебан никогда с Б. не ссорился, отношения между ними были нормальные. Как установил Верховный Суд, вся обстановка происшедшего, направленность действий Чебана не свидетельствовали о том, что у Б. имелись основания опасаться осуществления им словесной угрозы. Верховный Суд в части осуждения Чебана за угрозу убийством уголовное преследование прекратил.²⁴⁷

Л.В. Сердюк предлагает определение реальности угрозы, под которой он понимает объективный фактор, воздействующий на психику потерпевшего и убеждающий его в возможности и неотвратимости осуществления этой угрозы. Именно от отношения потерпевшего к угрозе, по мнению автора, зависит степень опасности данного деяния и признание или не признание его преступлением.²⁴⁸

В понимании Л.В. Сердюка реальности угрозы мы видим свойственное ему акцентирование на психическую сторону угрозы. Автор сводит смысл реальности угрозы только к субъективному восприятию её потерпевшим. На наш взгляд, это во многих случаях превалирующий фактор в оценке реальности угрозы, но далеко не единственный. И определить реальность угрозы можно только в совокупности с рядом других обстоятельств. Так, при оценке

²⁴⁷ Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1972. – №2. – С. 33-34.

²⁴⁸ Сердюк Л.В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование. – М., 2002. – С. 202.

реальности угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (и это следует из вышеприведённого решения Верховного Суда СССР) необходимо учитывать:

- обстановку деяния;
- взаимоотношения виновного и потерпевшего;
- направленность, содержание и интенсивность угрозы;
- обстоятельства, характеризующие виновного и потерпевшего;
- субъективное восприятие потерпевшим угрозы.

Примером может служить уголовное дело в отношении Елсакова, который неоднократно 22 и 26 октября 2000 г. в ночное время звонил по телефону в квартиру Урозаевой и угрожал убийством. Ранее они состояли в фактических брачных отношениях.

28 октября 2000 г. Елсаков в кабинете работника милиции Рукавишников заявил, что всё равно убьёт Урозаеву. В последних числах октября 2000 г. Елсаков по телефону в разговоре с Беляевой вновь заявил, что убьёт бывшую жену.

Угрозы убийством Урозаева воспринимала как реальные и вынуждена была скрываться от него, поскольку весной 2000 года во время отбывания наказания за причинение ей вреда здоровью к Елсакову был применён акт об амнистии, и он освобождён от наказания.

При таких обстоятельствах суд обоснованно квалифицировал содеянное по ст. 119 УК РФ.²⁴⁹

Субъект угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью общий. Уголовная ответственность по ст. 119 УК РФ, согласно ч. 1 ст. 20 УК РФ, наступает с 16 лет. На данный факт обращал внимание Верховный Суд РФ, разъясняя, что в связи с недостижением лицом шестнадцатилетнего воз-

²⁴⁹ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – № 5. – С. 11.

раста на момент совершения деяния, подпадающего под признаки ст. 119 УК РФ, производство по делу прекращается.²⁵⁰

С субъективной стороны угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью выражается виной в форме прямого умысла. Лицо осознаёт общественно опасный характер своих действий, выражающих угрозу, и желает их совершить.

Мотивы и цели, с точки зрения Уголовного закона, значения не имеют и на степень уголовной ответственности не влияют. Это могут быть месть, ревность, личная неприязнь, зависть, хулиганские побуждения.

Обращает на себя внимание по вопросу о хулиганских побуждениях угрозы следующий факт. Как известно, федеральным законом № 161-ФЗ от 8 декабря 2003 г. существенно изменена ст. 213 УК РФ, предусматривающая ответственность за хулиганство. Для наличия данного состава преступления требуется грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершённое с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (первоначальная редакция ч. 1 ст. 213 УК РФ характеризовалась грубым нарушением общественного порядка, выражающим явное неуважение к обществу, сопровождающимся применением насилия к гражданам либо угрозой его применения, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества). Одновременно ст.ст. 115 (Умышленное причинение лёгкого вреда здоровью), 116 (Побои) УК РФ дополнены частями вторыми, содержащими квалифицирующий признак «из хулиганских побуждений», и ч. 2 ст. 167 УК РФ (Умышленное уничтожение или повреждение имущества) также дополнена идентичным квалифицирующим признаком. Получается, что грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся угрозой применения насилия к гражданам, декриминализовано, что, на наш взгляд, не-

²⁵⁰ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2000. – № 5. – С. 12.

обоснованно. Следуя логике, целесообразно было бы дополнить и ст. 119 УК РФ квалифицирующим признаком «из хулиганских побуждений».

В то же время следует отметить, что в судебной практике имели место случаи ошибочной квалификации хулиганских действий как угрозы убийством. Так, Ханов был осуждён за угрозу убийством, совершённую при следующих обстоятельствах. Ханов, находясь в нетрезвом состоянии, вошёл в класс педагогического училища и, из хулиганских побуждений, замахнулся ножом на Мирзаянову, но она успела уклониться, и нож вонзился острием в парту. Своими действиями Ханов, кроме того, мешал занятиям учащихся. При таких обстоятельствах, по решению Верховного Суда, действия Ханова необходимо расценивать как хулиганство, совершённое с применением оружия.²⁵¹ Хотя, на наш взгляд, содеянное необходимо квалифицировать вообще как покушение на убийство из хулиганских побуждений.

Зачастую сложно провести грань между угрозой убийством и приготовлением либо покушением на убийство. В качестве примера приведём следующий судебный прецедент.

Так, Асеева на бытовой почве устроила скандал со своим сыном Асеевым. В ходе ссоры Асеева взяла со стола кухонный нож и, направив его на Асеева, стала в устной форме угрожать последнему убийством. При этом Асеев угрозу воспринимал реально и опасался приведения её в исполнение. Продолжая свои противоправные действия, Асеева, имея умысел на причинение незначительных телесных повреждений (как указано в приговоре), нанесла один удар ножом в область спины Асееву, причинив ему телесные повреждения в виде поверхностной раны грудной клетки слева, квалифицируемые как не причинившие вреда здоровью.

Мировой судья квалифицировал содеянное Асеевой по совокупности угрозы убийством (ст. 119 УК РФ) и побоев (ст. 116 УК РФ).²⁵²

²⁵¹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1968. – № 4. – С. 7-8.

²⁵² Архив мировых судей г. Ставрополя. Уголовное дело № 1-12/03.

Однако, по нашему мнению, из материалов дела не следует, что Асеева имела умысел на причинение незначительных телесных повреждений, а, наоборот, всё свидетельствовало об её умысле на убийство, поскольку удар был нанесён *ножом в область сердца*.

Следует согласиться с утверждением С.В. Бородина, по мнению которого «во всех тех случаях, когда угроза убийством сопровождается конкретными действиями, состоявшимися в приискании или приспособлении средств или орудий убийства, это уже не угроза убийством в смысле ст. 119 УК, а приготовление к убийству»²⁵³.

Для иллюстрации разграничения угрозы убийством и покушением на убийство можно привести следующий пример.²⁵⁴

Так, Карасёв признан судом виновным в хулиганстве, угрозе убийством Ширяеву и Дикову и покушении на убийство Ширяева из хулиганских побуждений. Преступление совершено при следующих обстоятельствах. Жена Карасёва, в связи с тем, что муж систематически пьянствовал, уехала в другой город к родственникам, не сказав ему об этом. Карасёв в нетрезвом состоянии пришёл к родителям жены и стал требовать, чтобы они сказали, где находится его жена. Когда Ширяевы ответили, что не знают местонахождения дочери, Карасёв придрался к ним, выражался нецензурно, нанёс Ширяеву удары кулаком по голове, пытался ударить его чайником, угрожал убийством. Несмотря на просьбы Ширяевых успокоиться, Карасёв продолжал хулиганить, вытащил из кармана нож и стал им угрожать Ширяеву. Жена и несовершеннолетняя дочь Ширяева выбежали и стали звать на помощь, а Карасёв в это время продолжал угрожать Ширяеву ножом. Затем, оставив Ширяева, Карасёв сел на кровать. В это время на крик прибежали супруги Диковы. Ширяев пожаловался Дикову, что Карасёв плохо себя вёл, избил его. В ответ на это Карасёв снова выхватил нож, замахнулся им на Ширяева и крикнул:

²⁵³ Бородин С.В. Преступления против жизни. – СПб., 2003. – С. 316.

²⁵⁴ См. также: Курс советского уголовного права. Часть Особенная. – М., 1971. – Т. 5. – С. 188-189.

«Зарежу», - но Диков схватил Карасёва за руку, в которой был нож; на помощь Дикову пришёл Ширяев, схвативший Карасёва за вторую руку. Между ними завязалась борьба, во время которой Карасёв угрожал им убийством. Диков и Ширяев вытащили Карасёва во двор, повалили его на снег и держали до прибытия работников милиции.

Председатель Верховного Суда СССР внёс в Пленум Верховного Суда СССР протест, в котором поставлен вопрос о прекращении дела в части обвинения Карасёва за покушение на убийство из хулиганских побуждений. Пленум Верховного Суда СССР протест удовлетворил, указав, что Карасёв не произвёл никаких действий, направленных на убийство, а лишь размахивал ножом и выкрикивал угрозы. Действия Карасёва в отношении Ширяева носили хулиганский характер и были сопряжены с угрозой убийством. Всё это полностью охватывается составами хулиганства и угрозы убийством. Дело же, в части обвинения за покушение на убийство из хулиганских побуждений, подлежит прекращению за отсутствием состава преступления.²⁵⁵

Из материалов данного дела следует, что Карасёв не выполнил никаких действий, непосредственно направленных на совершение убийства, так как размахивание ножом и устные угрозы убийством ещё не свидетельствуют об умысле на убийство.

Что касается стадий совершения угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, их выделение представляется возможным. Однако приготовление к данному преступлению является ненаказуемым (ч. 2 ст. 30 УК РФ), так как оно относится к категории преступлений небольшой тяжести. Покушение же на угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью можно представить теоретически, например, написание письма с угрозами и попытка его вручения, которое по обстоятельствам, не зависящим от виновного, не было передано адресату угрозы. В то же время нам не удалось найти ни одного уголовного дела по покушению на данное преступле-

²⁵⁵ Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1967. – № 4. – С. 19-20.

ние. Следует предположить, что это обоснованно сложностями доказывания угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, не говоря уже о покушении на это преступление.

Далее перейдём к рассмотрению специальных видов угрозы.

Объект общей угрозы (жизнь или здоровье) в данном случае носит характер дополнительного непосредственного. Основным объектом угрозы убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества в отношении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, а равно их близких в связи с рассмотрением дел или материалов в суде (ч. 1 ст. 296 УК РФ) выступают интересы правосудия.²⁵⁶

А объектом аналогичного деяния, совершённого в отношении прокурора, следователя, дознавателя, защитника, эксперта, специалиста, судебного пристава, судебного исполнителя, а равно их близких в связи с производством предварительного расследования, рассмотрением дел или материалов в суде либо исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта (ч. 2 ст. 296 УК РФ) будут также интересы правосудия либо предварительного расследования.

Кроме того, в случае угрозы в отношении указанных лиц уничтожением или повреждением имущества дополнительным непосредственным объектом являются отношения собственности, так как эти отношения поставлены под угрозу нарушения. В отличие от преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ, объект данных преступлений характеризуется также наличием специальных потерпевших, их круг перечислен выше.

Объективная сторона составов преступлений, предусмотренных ч. 1 и ч. 2 ст. 296 УК РФ, полностью охватывает объективную сторону ст. 119 УК РФ и дополняется в содержательном плане. Исходя из буквального толкования нормы, предусмотренной ст. 296 УК РФ, уголовная ответственность по

²⁵⁶ Демин Ю.М. Преступления против правосудия. – М, 1999. – С. 4.

данной статье предусматривается и за менее общественно опасные угрозы, то есть за угрозу причинением не только тяжкого, но и среднего и лёгкого вреда здоровью.

Следуя логике, подразумеваем, что при данных видах угрозы, она, как и в составе преступления ст. 119 УК РФ, должна быть реальной или иначе – у потерпевшего должны быть основания опасаться осуществления этой угрозы. Однако ни в диспозиции ч. 1, ни в диспозиции ч. 2 ст. 296 УК РФ такой признак угрозы не указан. Отсюда следует вывод: либо законодатель, однажды указав этот признак в общей норме, дабы не загромождать Уголовный закон, больше его не повторяет, но имеет в виду, либо он не является обязательным признаком.

Таким образом, руководствуясь опять же буквальным толкованием уголовно-правовой нормы, для привлечения к уголовной ответственности по ч. 1, 2 ст. 296 УК РФ абсолютно не обязательно, чтобы у потерпевшего были основания опасаться исполнения угрозы. В подтверждение этого положения приводим следующий пример из судебной практики. Федотова признана виновной в угрозе убийством судьям Верховного Суда Республики Алтай С., Н., Б. и С. в связи с их служебной деятельностью. Преступление совершено при следующих обстоятельствах. С целью добиться изменения судебных решений по гражданско-правовым спорам, состоявшимся в отношении неё, Федотова направляла в различные инстанции, в том числе в Государственную Думу Федерального Собрания, органы местного самоуправления и местную печать, письма с угрозой в адрес судей. Федотова обращалась в газету «Звезда Алтая» (оплатив денежный перевод стоимости публикации) с просьбой опубликовать объявление для подыскания с этой целью киллера. Но, как видно из материалов дела, редакция названной газеты письменно отказала ей в подобной публикации.

Верховный Суд определил, что суд (нижестоящей инстанции) признал Федотову виновной в содеянном и дал правильную юридическую оценку её действиям. Уголовная ответственность виновного лица за угрозу убийством

судьям наступает при высказывании угрозы, в частности убийством, в связи с рассмотрением дела судьёй или присяжным заседателем с целью мести им или воздействия на них, чтобы были приняты решения, в которых заинтересовано данное лицо. При этом не имеет значения, в какой форме высказана такая угроза (устно или письменно), непосредственно судье или через посредников (как это было по данному делу).²⁵⁷

Как видно, Верховный Суд не указал и даже не упомянул о необходимости установления реальности угрозы. В связи с изложенным, объективная сторона угрозы, предусмотренной ч. 1, 2 ст. 296 УК РФ, не содержит в себе такого признака, как «наличие основания опасаться осуществления угрозы». Впрочем, оговоримся – с такой позицией Верховного Суда РФ согласиться сложно, так угроза без признака реальности, по нашему мнению, не должна иметь уголовно-правового значения. Иначе сущность угрозы сводится к пониманию её как оскорбления, а это уже совсем другое преступление. Разделяемую нами точку зрения можно встретить и в уголовно-правовой литературе.²⁵⁸

Субъективная сторона рассматриваемых составов преступлений характеризуется виной в форме прямого умысла. Обязательными признаками являются мотив и цель угрозы: воспрепятствование осуществлению правосудия или предварительного расследования.

Субъект преступления общий, уголовная ответственность наступает по достижению лицом шестнадцатилетнего возраста.

Основной объект угрозы применения насилия в отношении представителя власти (ч. 1 ст. 318 УК РФ) – порядок управления. Объективная сторона охватывает только угрозу применения насилия. Субъективная сторона имеет специальную цель – воспрепятствование исполнению представителем власти своих должностных обязанностей. В остальном данный состав преступления не представляет интерес для темы нашего исследования. За исключением то-

²⁵⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1997. – № 12. – С. 4-5.

²⁵⁸ Демин Ю.М. Преступления против правосудия. – М, 1999. – С. 25.

го, что некоторые авторы, обращают внимание на такой момент, как отсутствие в ч. 1 ст. 318 УК РФ указания на угрозу убийством. Так, например, А.Р. Саруханян утверждает, что в случае угрозы убийством в отношении представителя власти содеянное должно квалифицироваться не по ч. 1 ст. 318, а по ст. 119 УК РФ.²⁵⁹ В то же время Верховный Суд РФ занимает иную позицию.

Так, Президиум Верховного Суда РФ, удовлетворив протест заместителя Председателя Верховного Суда РФ, переквалифицировал действия осуждённого со ст. 317 УК РФ на ч. 1 ст. 318 УК РФ.

Из материалов дела видно, что Т., держа в руке нож и угрожая участковому инспектору В. убийством, пытался приблизиться к нему. Однако В. удалось обезоружить Т.

Квалифицируя содеянное Т. по ст. 317 УК РФ, суд в приговоре не обосновал свой вывод о наличии в действиях Т. прямого умысла на убийство В.

Между тем, как утверждал осуждённый Т., «умысла на убийство участкового инспектора В. не имел и ножом на него не замахивался».

Потерпевший В. в суде пояснил, что «он (В.) сразу выбил нож у Т., не дав ему возможности замахнуться».

Президиум Верховного Суда РФ согласился с доводами протеста о том, что поскольку вид угрозы в законе не конкретизирован, то это может быть как угроза нанесения побоев, так и угроза убийством, а равно угроза насилия неопределённого характера, что и имело место в данном конкретном случае.

При таких обстоятельствах действия Т. в отношении В. охватываются диспозицией ч. 1 ст. 318 УК РФ и квалифицируются как угроза применения насилия в отношении представителя власти в связи с исполнением им своих служебных обязанностей.²⁶⁰

²⁵⁹ Саруханян А.Р. Преступления против порядка управления. – Ставрополь, 2003. – С. 62.

²⁶⁰ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2000. – № 9. – С. 8.

Позиция Верховного Суда РФ представляется нам более правильной, так как «применение насилия» и «причинение вреда здоровью» – понятия далеко не равнозначные. Термин «насилие» является более широким и им, как справедливо указал Верховный Суд РФ, охватывается, в том числе, и угроза убийством. Другое дело, что «родственная» ст. 296 УК РФ сконструирована иным образом, в ней описывается угроза убийством и угроза причинением вреда здоровью.

Вызывает интерес предложение А.Р. Саруханяна понимать под посягательством на жизнь сотрудника правоохранительного органа не только убийство и покушение на убийство, но и создание ситуации, угрожающей для жизни названного потерпевшего.²⁶¹ Нами такое предложение приветствуется, поскольку в последнем случае состав данного преступления будет материальным, отсюда возможность его совершения с косвенным умыслом.

Угроза, предусмотренная ст. 321 УК РФ, характеризуется такими же признаками, как и угроза, предусмотренная ч. 1 ст. 318 УК РФ. За исключением того, что потерпевшим от такой угрозы может быть осуждённый, и цель угрозы в данном случае – воспрепятствование исправлению осуждённого или месть за оказанное им содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы (ч. 1 ст. 321 УК РФ). Либо потерпевший – сотрудник места лишения свободы или места содержания под стражей, и цель, соответственно, – воспрепятствование осуществлению его служебной деятельности (ч. 2 ст. 321 УК РФ).

Следующее преступление, которое может быть совершено путём угрозы – это терроризм. В ст. 205 УК РФ предусматривается уголовная ответственность за совершения взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения

²⁶¹ Саруханян А.Р. Преступления против порядка управления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2002. – С. 15.

населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также за угрозу совершения указанных действий в тех же целях.

Основной непосредственный объект данного преступления – общественная безопасность. Дополнительным объектом будут, в зависимости от содержания угрозы, жизнь, здоровье людей, либо отношения собственности.

Законодательная конструкция уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за терроризм (ст. 205 УК РФ), имеет сложный характер, поскольку её диспозиция нагромождена альтернативными признаками как объективного, так и субъективного свойства. Одной из наиболее существенных проблем состава этого преступления является проблема объективной стороны и, в частности, таких её признаков, как опасность и угроза.

Большинство авторов полагают, что состав терроризма относится к числу формальных.²⁶² Однако представляется, что это не совсем верно, поскольку в таком случае за пределами состава остаётся опасность гибели людей, причинения значительного материального ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий.²⁶³

Более предпочтительным видится взгляд на опасность, применительно к рассматриваемой ситуации, как на последствие преступления. В таком случае делается акцент на то, что правоприменителю необходимо в каждом конкретном случае устанавливать наличие такой опасности. При её отсутствии не может идти речь о составе терроризма.

Таким образом, преступление, ответственность за которое регламентируется ст. 205 УК РФ, следует отнести к числу составов поставления в опасность. Существует одна оговорка: указанные последствия терроризма в виде

²⁶² См., например: Уголовное право. Особенная часть / Под ред. Н.И. Ветрова и Ю.И. Ляпунова. – М., 1998. – С. 397; Уголовное право. Особенная часть / Отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новосёлов. – М., 2001. – С. 488; Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Практический курс уголовного права России. – Ставрополь, 2001. – С. 406.

²⁶³ Такой позиции придерживается И.М. Тяжкова применительно к схожему по конструкции составу преступления, предусмотренного ст. 215 УК РФ (Нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики). См.: Тяжкова И.М. Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности / Под ред. В.С. Комиссарова. – СПб., 2002. – С. 235.

опасности гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий могут выступать промежуточным последствием, если реально наступили тяжкие последствия, ответственность в данном случае предусматривается особо квалифицированным видом терроризма (ч. 3 ст. 205 УК РФ).

Опасность как признак терроризма можно определить как реальную возможность наступления вреда. То есть указанные последствия с наибольшей вероятностью наступят, если в ход развития причинно-следственной связи не вмешаются посторонние силы. Однако для установления наступления опасности необходимо исследовать все обстоятельства дела: например, силу, локализацию взрыва или поджога, наличие скопления людей и проч.

Обоснованную критику вызывают признаки объективной стороны терроризма, которые предусматривают такой альтернативный вариант, как совершение иных действий, создающих опасность иных общественно опасных последствий.²⁶⁴ Такая расплывчатая конструкция представляется недопустимой, поскольку это почва для произвольного толкования рассматриваемой уголовно-правовой нормы.

В связи с этим предлагается слова «действий», «действия» в диспозиции ст. 205 УК РФ заменить словами «деяний», «деяния» соответственно, а фразу «иных общественно опасных последствий» - фразой «иных тяжких последствий»²⁶⁵. Таким образом, во-первых, подчеркивается возможность совершения терроризма бездействием (например, авария на объекте жизнеобеспечения может быть совершена путём бездействия). Во-вторых, возможные последствия должны быть именно тяжкими, а не просто общественно опасными.

Л.Д. Гаухман обращает внимание на такую проблему ст. 205 УК РФ, как совмещение двух составов преступлений, которые можно обозначить

²⁶⁴ Емельянов В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования: уголовно-правовое исследование. – СПб., 2002. – С. 140.

²⁶⁵ Там же. – С. 153.

собственно терроризмом и угрозой совершением акта терроризма.²⁶⁶ В ряде зарубежных уголовных кодексов ответственность за данные деяния регламентируется разными статьями (например, УК Республики Беларусь). Действительно, степень общественной опасности этих деяний существенно разнится, и было бы логично предусмотреть уголовную ответственность за них разными частями статьи. Так, ответственность за угрозу совершения акта терроризма должна быть самостоятельно регламентирована в ч. 1 ст. 205 УК РФ, действующие ч.ч. 1, 2, 3 ст. 205 УК РФ надлежит считать ч.ч. 2, 3, 4 соответственно.

Законодатель не указывает в ст. 205 УК РФ на необходимость того, чтобы имелись основания опасаться осуществления угрозы совершения акта терроризма, или чтобы угроза была реальной. Однако это, на наш взгляд, все-таки вытекает из уголовно-правового понимания угрозы и в некоторой степени из систематического толкования Уголовного закона.

Вместе с тем, некоторые авторы считают, что угроза как акт терроризма должна сопровождаться такими действиями, как «например, приобретение взрывчатых, биологически опасных, радиоактивных веществ или оружия, совершение «предупреждающих» взрывов и поджогов»²⁶⁷. С этим вряд ли можно согласиться, так как приобретение взрывчатых веществ будет являться подготовлением к совершению взрыва (характеризующего терроризм), а так называемые «предупреждающие» взрывы могут расцениваться в качестве покушения.

Традиционно угроза признаётся психическим насилием. Однако неординарная конструкция состава терроризма требует выяснения вопроса о том, как понимается угроза в этом преступлении.

Так, сложно согласиться с В.П. Емельяновым, который склоняется к мнению о том, что угроза в терроризме является не психическим, а в боль-

²⁶⁶ Гаухман Л.Д. Уголовно-правовая борьба с терроризмом // Законность. – 2001. – № 5. – С. 5-6.

²⁶⁷ Комиссаров В.С. Терроризм, бандитизм, захват заложника и другие тяжкие преступления против безопасности общества по новому УК РФ. – М., 1997. – С. 67.

шей степени информационным воздействием, поскольку может быть адресована государству, международной или другой организации. На наш взгляд, обозначенное утверждение автора не даёт основания для такого вывода. Безусловно, угроза в терроризме, как, впрочем, и в других преступлениях, характеризуется информационностью, но она же содержит в себе и заряд психического насилия. Об этом свидетельствует, например, одна из целей терроризма – устрашение населения. Сам В.П. Емельянов говорит о том, что «террористическая акция включает в себя комплекс деяний, сущность которых составляет устрашение и понуждение»²⁶⁸. А устрашение, в свою очередь, – это и есть психическое воздействие.

Субъективная сторона рассматриваемого состава преступления характеризуется виной в форме прямого умысла. В диспозиции ч. 1 ст. 205 УК РФ закреплены специальные цели указанных угроз при терроризме. Субъект общий, уголовная ответственность за совершение данного преступления возможна с 14 лет.

Представляется необходимым остановиться и на угрозе, о которой говорится в международном уголовном праве.

Так, А.Г. Кибальник утверждает, что угроза агрессии, наряду с самой агрессией, является одним из видов преступлений против мира человечества. Под угрозой агрессии он понимает «заявления, сообщения, демонстрацию силы или иные меры, дающие правительству какого-либо государства веские основания полагать, что серьёзно рассматривается возможность агрессии против этого государства»²⁶⁹.

Помимо рассмотренного, угроза, по справедливому замечанию Сухаревой Н.Д. и Сухарева Д.Л., может выступать содержанием нападения на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ст. 360 УК

²⁶⁸ Емельянов В.П. Разграничение терроризма и посягательств с элементами терроризирования // Российская юстиция. – 2001. – № 4. – С. 50.

²⁶⁹ Кибальник А.Г. Преступление и ответственность в международном уголовном праве. – Ставрополь, 2002. – С. 39.

РФ). В реальности такого рода нападения, как правило, сочетают в себе физическое и психическое насилие.²⁷⁰

Таким образом, рассмотрев виды угрозы, выступающие в российском уголовном праве в виде деяний, следует вывод о том, что они, закреплённые всего в 5 статьях Уголовного кодекса РФ, имеют разнообразные форму, структуру, содержание и самостоятельные исключительные свойства. В итоге, существующие уголовно наказуемые угрозы-деяния можно оформить в виде классификации, сгруппировав их по основным типам:

- угроза убийством;
- угроза причинением вреда здоровью;
- угроза применения насилия;
- угроза уничтожением или повреждением имущества;
- угроза совершения взрыва, поджога;
- угроза иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий.

Кроме того, учитывая вышеизложенное, нами предлагается:

1. Новая редакция ст. 119 УК РФ:

«Статья 119. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью

1. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы, - наказывается ...

2. То же деяние, сопряженное с принуждением к совершению каких-либо действий (бездействия) либо к отказу от их совершения, а равно, совершённое с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, либо из хулиганских побуждений, - наказывается ...».

²⁷⁰ Сухарева Н.Д., Сухарев Д.Л. Нападение на лиц или учреждения, пользующиеся международной защитой. – Ставрополь, 2003. – С. 74-75.

2. В ч. 1 ст. 205 РФ слова «действий», «действия» заменить словами «деяний», «деяния» соответственно, а фразу «иных общественно опасных последствий» - фразой «иных тяжких последствий».

3. Ответственность за угрозу совершения акта терроризма предусмотреть в ч. 1 ст. 205 УК РФ, действующие ч.ч. 1, 2, 3 ст. 205 УК РФ надлежит считать ч.ч. 2, 3, 4 соответственно.

§ 3. Угроза как способ совершения преступления

Способ совершения преступления традиционно относится к числу факультативных признаков объективной стороны состава преступления. Как справедливо отмечает Н.И. Панов, способ иногда внутренне присущ действию, образует его содержание, а в других случаях – выступает в качестве отдельного действия по отношению к основному.²⁷¹

Такие же свойства присущи и угрозе, выступающей в российском уголовном праве в роли способа совершения преступления. Угроза в ряде случаев может быть альтернативным способом совершения какого-либо деяния в основном составе.

Например, разбой совершается либо с применением насилия опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия (ч.1 ст. 162 УК РФ). Но в большинстве же составов угроза выступает только как квалифицирующий признак. Так, квалифицирующим обстоятельством неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (угона) является совершение этого деяния с угрозой применения насилия, не опасного для жизни или здоровья (п. «в» ч. 2 ст. 166 УК РФ).

²⁷¹ Панов Н.И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность. – Харьков, 1982. – С. 94-95.

В первом варианте угроза как действие выступает в качестве обязательного признака основного состава преступления и позволяет отграничивать преступное деяние от непроступного поведения.²⁷² Наравне с угрозой как способом совершения преступления возможно существование и нескольких других способов совершения преступления. Например, принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации (ст. 120 УК РФ) признаётся преступлением, если совершается: а) с применением насилия; б) либо с угрозой его применения. В случае если в подобных деяниях не будет установлен один из таких способов, то и будет отсутствовать состав преступления в целом.

Так, приговором Саратовского областного суда Смирнов осуждён за принуждение свидетеля к даче ложных показаний. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР признала необоснованным осуждение Смирнова за принуждение свидетеля к даче ложных показаний. Указав, что Смирнов предложил свидетелю Жестковой дать заведомо ложные показания, но не угрожал ей ни убийством, ни насилием, ни истреблением имущества, а поэтому в его действиях нет состава преступления, предусмотренного ст. 183 УК РСФСР (ст. 309 УК РФ).²⁷³

В принципе, в конкретном деянии могут присутствовать два и более способа совершения определённых действий, но что касается применения насилия и угрозы применения насилия, то, как правило, эти способы поглощают друг друга, так как они, в большинстве случаев, являются стадиями применения насилия.

Угроза как квалифицирующий признак характеризуется, в первую очередь, тем, что она является обстоятельством, отягчающим уголовную ответственность. Данный факт свидетельствует о том, что составы преступлений, где дополнительным объектом, кроме прочих, фигурируют интересы лично-

²⁷² См.: Объективная сторона преступления (факультативные признаки) / Под ред. А.В. Наумова и С.И. Никулина. – М., 1995. – С. 79.

²⁷³ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1962. – № 8. – С. 10-11.

сти, облакаются в более общественно опасную форму, если они совершаются с угрозами. Например, сравним простое вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ч. 1 ст. 150 УК РФ) и то же деяние, совершённое с угрозой применения насилия (ч. 3 ст. 150 УК РФ).

Угрозе присуще свойство признака, разграничивающего смежные составы преступлений. Так, хищение, сопряжённое с угрозой применения насилия, не опасного для жизни или здоровья, квалифицируется как грабёж (п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ), а практически аналогичное деяние, совершённое с угрозой применения насилия, опасного для жизни или здоровья, как разбой (ч. 1 ст. 162 УК РФ).

Однако возникает вопрос, как провести грань между приведёнными двумя угрозами-способами совершения преступлений. И, несмотря на имеющиеся разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по разграничению грабежа от разбоя при неопределённости угрозы,²⁷⁴ существует ещё ряд проблем при квалификации данных преступлений. В частности сложности возникают при разграничении угрозы причинения лёгкого вреда здоровью от угрозы нанесения побоев.

В качестве примера судебных ошибок в данной области можно привести следующий случай. Верховным Судом Республики Башкортостан 26 марта 2001 г. Жигалов и Шумейко признаны виновными в совершении разбойного нападения на Трусова. Мотивируя квалификацию содеянного как разбойное нападение, суд указал в приговоре, что виновные завязали глаза и руки потерпевшему. Эти действия суд посчитал угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевшего.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 25 сентября 2001 г. приговор изменила, указав следующее. Вывод суда о том, что

²⁷⁴ Постановление Пленума Верховного Суда от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – № 2. – С. 5. См. также: Гусев О.Б., Завидов Б.Д., Коротков А.П., Слюсаренко М.И. Преступления против собственности. – М., 2001. – С. 77; Кочои С.М. Преступления против собственности (комментарий главы 21 УК РФ). – М., 2001. – С. 38.

осуждённые совершили разбойное нападение, не основан на материалах дела, так как, каких-либо доказательств, свидетельствующих, что связывание рук и ног потерпевшего, а также завязывание ему глаз угрожало его жизни и здоровью, судом не приведено. Нет также подтверждения того, что при изъятии имущества у Трусова осуждённые иным способом угрожали его жизни и здоровью.

При таких обстоятельствах действия Жигалова и Шумейко перекалифицированы с разбоя на насильственный грабёж.²⁷⁵

В описанном примере суд расценил *насилие*, не опасное для жизни или здоровья, как *угрозу* применения насилия, опасного для жизни или здоровья.

Рассматривая разграничение насильственного грабежа от разбоя, Л.Д. Гаухман утверждает, что если угроза носила неопределённый, неясный характер, то она не может рассматриваться признаком разбоя, содеянное при соответствующих обстоятельствах должно расцениваться как насильственный грабёж.²⁷⁶ С такой точкой зрения сложно согласиться, поскольку она представляет собой произвольное толкование Уголовного закона. Это слишком простое и, по нашему мнению, не вполне верное решение данной проблемы.

Как показывает практика, правоприменитель, решая вопрос о квалификации конкретных действий как грабёж либо как разбой, зачастую исходит из фактически причинённого вреда здоровью (по результатам судебно-медицинской экспертизы), то есть учитываются наступившие последствия. И это вопреки теоретическим (в том числе и с позиции закона) указаниям на то, что состав разбоя усечённый, и не требуется установления каких-либо последствий.

На основании вышеизложенного, следует вывод, что разграничить угрозу причинения лёгкого вреда здоровью (при разбое) от угрозы нанесения

²⁷⁵ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – № 1. – С. 19.

²⁷⁶ Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Ответственность за преступления против собственности. – М., 2001. – С. 102.

побоев (соответственно при грабеже) практически невозможно. Ведь, допустим, фразу «отдавай выручку, а то получишь в глаз» можно истолковать и как угрозу применения насилия, не опасного для жизни или здоровья, и как угрозу применения насилия, опасного для жизни или здоровья. Удар кулаком в глаз может повлечь просто физическую боль, а в других случаях лёгкий (и даже средней тяжести или тяжкий) вред здоровью.

Таким образом, данный вопрос остаётся открытым и требует скорейшего разрешения в целях обеспечения единообразного применения Уголовного закона.

Одним из вариантов решения обозначенной проблемы может быть предложение законодателю об изменении диспозиций ст.ст. 161 и 162 УК РФ следующим образом. Если в п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ предусмотреть ответственность за «грабёж, совершённый с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения *насилия*», а в ч. 1 ст. 162 УК РФ – за «разбой, то есть нападение в целях хищения чужого имущества, совершённое с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой *убийством*», то вопрос о разграничении угрозы причинения побоев от угрозы причинения лёгкого вреда здоровью был бы снят. Такая законодательная корректировка значительно бы упростила правоприменительную практику.

Анализ Уголовного закона позволяет угрозы как способы совершения преступления классифицировать по их содержанию на четыре основных вида:

- угроза насилием;
- угроза уничтожением или повреждением имущества;
- угроза распространением нежелательных к огласке сведений;
- и угроза, неопределённая законодателем.

Угроза насилием получила в УК РФ наибольшее распространение, более чем в 30 уголовно-правовых нормах она закреплена в качестве способа совершения преступления. Причём угроза насилием подразделяется на угро-

зу убийством, угрозу причинением тяжкого вреда здоровью, угрозу применения насилия, опасного для жизни или здоровья, угрозу применения насилия, не опасного для жизни или здоровья, и собственно угрозу применения насилия.

Итак, уголовная ответственность за угрозу убийством, выступающую способом совершения конкретного преступления, прямо предусмотрена законом лишь в трёх случаях:

- при изнасиловании (п. «в» ч. 2 ст. 131 УК РФ);
- при насильственных действиях сексуального характера (п. «в» ч. 2 ст. 132 УК РФ);
- при принуждении свидетеля, потерпевшего к даче ложных показаний, эксперта, специалиста к даче ложного заключения или переводчика к осуществлению неправильного перевода, а равно принуждение указанных лиц к уклонению от дачи показаний (ч. 2 ст. 309 УК РФ).

Объективная сторона таких угроз, по сути дела, совпадает с объективной стороной угрозы убийством, предусмотренной ст. 119 УК РФ. За исключением следующего момента. Если в диспозиции ст. 119 УК РФ имеется указание на реальность угрозы, то в случаях с угрозой-способом (как и угрозой в отношении, например, лиц, осуществляющих правосудие) оно отсутствует. Исходя из буквального толкования уголовно-правовых норм, содержащих угрозу как способ совершения преступления, следует, что далеко не обязательно, чтобы угроза-способ была реальной, то есть существовала реальная возможность исполнения угрозы, что мы уже неоднократно опровергали.

С субъективной стороны угроза убийством как способ совершения преступления характеризуется наличием специальной цели – это подавление сопротивления потерпевшего, воздействие на его волю для реализации основного деяния.

Так, при изнасиловании виновный угрожает убийством, чтобы сломить противодействие со стороны потерпевшей. Если же угроза выражена после изнасилования, в целях сокрытия преступления, то изнасилование будет ква-

лифицировано по совокупности с угрозой убийством (ст. 119 УК РФ). Данные разъяснения имеются в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 4 «О судебной практике по делам об изнасиловании» от 22 апреля 1992 г. (в редакции постановления Пленума № 11 от 21 декабря 1993 г.).²⁷⁷

Угроза причинением тяжкого вреда здоровью как способ совершения преступления существует только в изнасиловании (п. «в» ч. 2 ст. 131 УК РФ) и в насильственных действиях сексуального характера (п. «в» ч. 2 ст. 132 УК РФ). Эти способы преступлений расположены в одном ряду с угрозой убийством и каких-либо отличительных особенностей не имеют.

Признаки «угроза применения насилия, опасного для жизни или здоровья» и «угроза применения насилия, не опасного для жизни или здоровья» зачастую закреплены в одних и тех же статьях УК РФ, и вторая угроза всегда определяется как более квалифицирующее обстоятельство, чем первая. Здесь же стоит отметить, что угрозы насилием, как правило, соседствуют, то есть находятся в одном и том же пункте, части с таким признаком, как применение насилия. Представляется верным мнение тех авторов, которые утверждают, что такое расположение не логично, поскольку предусматривает одинаковые санкции за угрозу насилием и непосредственное применение насилия.²⁷⁸ Причём такая ситуация сложилась практически со всеми видами угроз-способов совершения преступления. Исключение составляют ч. 1 ст. 179 УК РФ, где предусматривается уголовная ответственность за принуждение к совершению сделки или к отказу от её совершения под *угрозой применения насилия*, а квалифицирующий признак «с применением насилия» закреплён в п. «б» ч. 2 ст. 179 УК РФ и ч. 1 ст. 163 (вымогательство), где также квалифицирующий признак «с применением насилия» закреплён в п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ, а *угроза применения насилия* выступает в качестве конститутивного

²⁷⁷ Судебная практика к Уголовному кодексу РФ / Под ред. В.М. Лебедева. – М., 2001. – С. 606.

²⁷⁸ См., например: Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. – М., 2000. – С. 206.

признака.²⁷⁹ Изложенное демонстрирует непоследовательность Уголовного закона в части регламентации ответственности за угрозы-способы совершения преступления.

Другие объективные и субъективные признаки угроз насилием, опасным и не опасным для жизни или здоровья, существенно не отличаются от характеристик угроз, рассмотренных выше.

Особый интерес представляет угроза насилием, без конкретизации его объёма. Так как здесь угроза интерпретируется самым различным образом. В большинстве случаев, если в норме указывается на применение насилия, то под ним подразумевается вред здоровью до лёгкого включительно.²⁸⁰ Соответственно, и содержанием угрозы будет нанесение побоев либо лёгкого вреда здоровью.

Однако из этого правила существует целый ряд исключений. Так, при недопущении, ограничении или устранении конкуренции (ст. 178 УК РФ) под угрозой применения насилия понимается угроза причинения вреда здоровью вплоть до средней тяжести.²⁸¹ А при вымогательстве (ст. 163 УК РФ) угрозой применения насилия охватываются угрозы причинения вреда любой тяжести и даже угрозы убийством.²⁸² Аналогичным образом, согласно имеющимся материалам судебной практики, понимается угроза применения насилия в отношении представителя власти (ч. 1 ст. 318 УК РФ).²⁸³

Выходит так, что в случае указания в законе на угрозу применения насилия (не конкретизированную) для определения содержания такой угрозы существует несколько вариантов.

²⁷⁹ См.: Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. – СПб., 2002. – С. 264.

²⁸⁰ См. Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Практический курс уголовного права России. – Ставрополь, 2001. – С. 273, 275, 286.

²⁸¹ Там же. – С. 353.

²⁸² Там же. – С. 327.

²⁸³ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2000. – № 9. – С. 8.

Во-первых, объём угрозы можно определить с помощью буквального толкования уголовно-правовой нормы, когда в квалифицированных составах регламентируется ответственность за более опасные угрозы.

Во-вторых, объём угрозы может быть определён путём сопоставления санкций состава, где есть квалифицирующий признак – угроза применения насилия (при условии, что наряду с этим признаком стоит и признак применения насилия), – с санкциями составов преступлений, предусматривающих ответственность за причинение вреда здоровью. Либо сравнив санкцию определённого состава преступления с санкцией ст. 119 УК РФ.

А в третьих, не исключается возможность свободного понимания такого способа совершения преступления, как угроза применения насилия, подобно тому, как это имеет место в некоторых судебных решениях. И, в принципе, последний вариант также не противоречит букве закона. Однако такое разноимённое понимание угрозы затрудняет квалификацию преступлений и способствует, по нашему мнению, неоднозначному толкованию и, соответственно, применению норм, содержащих признак «угроза применения насилия».

Таким образом, необходимо указать на проблему квалификации преступлений, содержащих признак «угроза применения насилия», без конкретизации объёма насилия. Представляется, что способом решения данной коллизии может быть законодательное изменение указанного признака путём конкретизации объёма насилия или, по меньшей мере, требуются соответствующие разъяснения Верховного Суда РФ.

Угроза как способ совершения преступления в некоторых случаях служит предпосылкой для разграничения смежных составов. Так, следует отметить, что существует общепризнанное правило для разграничения вымогательства от грабежа или разбоя по времени предполагаемой реализации угро-

зы. При совершении вымогательства виновный, как правило, не намеревается немедленно реализовать угрозу.²⁸⁴

Например, по приговору Жовтневого районного суда г. Одессы от 30 сентября 1985 г. осуждены за разбой Алиев А.И., Алиев А.А. и Долбня А.Ф. Преступление совершено при следующих обстоятельствах.

25 марта 1985 г. Алиев А.И., его сын Алиев А.А. и Долбня распивали спиртные напитки. Алиев А.А. пожаловался отцу, что Кушнир беспричинно приставал к нему, а также забрал у матери его знакомого Пустовит 4 500 руб. на ремонт автомашины. По предложению Алиева А.И. с целью «разобраться» с Кушником он, Алиев А.А., и Долбня разыскали его, заставили сесть в их автомашину. В пути следования Алиевы (отец и сын) нанесли Кушнику удары по лицу и голове, затем Алиев А.И., угрожая удушением верёвкой, потребовал у него 9 500 руб. При этом Долбня, уточняя, сказал, что из этих денег Кушник должен вернуть гражданке Пустовит 4 500 руб., а 5 000 руб. отдать им.

Под воздействием угроз и физического насилия Кушник согласился выполнить предъявленные ему требования и повёл Алиева А.И. к своему брату, но у того наличных денег не оказалось. Тогда Алиев А.И. назначил Кушнику место, куда на следующий день он должен привезти деньги. 26 марта 1985 г. во время передачи Кушником части денег Долбне последний был задержан.

Пленум Верховного Суда СССР переквалифицировал содеянное со ст. 142 (разбой) на ст. 144 (вымогательство) УК Украинской ССР, указав, что угроза насилием, направленная на получение имущества в будущем, является признаком вымогательства, а не разбоя.²⁸⁵

Вместе с тем, Л.В. Сердюк считает, что момент предполагаемой реализации угрозы не всегда может служить обстоятельством, позволяющим от-

²⁸⁴ См., например: Курс советского уголовного права. Часть Особенная. – М., 1970. – Том 4. – С. 402-403; Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. – М., 2003. – С. 429 и др.

²⁸⁵ Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1988. – № 3. – С. 18-19.

граничить вымогательство от разбоя. Отграничение, по его мнению, «следует проводить в зависимости от цели реализации угрозы. При вымогательстве это – месть, поскольку требование виновного о передаче имущества не было удовлетворено»²⁸⁶. Нами такая позиция не поддерживается, более правильным видится разграничение указанных преступлений по времени предполагаемой реализации угрозы, так как можно представить ситуацию, когда угроза реализуется немедленно из соображений мести за непереданное виновному под влиянием угрозы имущество. Такой пример следовало бы квалифицировать как разбой (при условии наличия других обязательных признаков).

Применительно к вопросу о времени предполагаемой реализации угрозы, наглядно описывает А.Н. Игнатов угрозу насилем в составе изнасилования. Он говорит, что «угроза при изнасиловании как бы предваряет применение насилия и – в случае отказа потерпевшей подчиниться требованиям насильника – немедленно может быть приведена в исполнение. Только такая угроза может сделать женщину беспомощной перед лицом преступника».²⁸⁷ В уголовно-правовой литературе также отмечается, что в случае, если женщина согласилась на половое сношение под влиянием угрозы, подлежащей осуществлению в будущем, действия субъекта не образуют состава изнасилования.²⁸⁸

Угроза уничтожением или повреждением имущества как способ используется в Уголовном кодексе при конструировании 5 составов преступлений:

- понуждения к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ);
- вымогательства (ч. 1 ст. 163 УК РФ);
- недопущения, ограничения или устранения конкуренции (ч. 3 ст. 178 УК РФ);

²⁸⁶ Сердюк Л.В. Особенности уголовно-правовой оценки угрозы убийством // Советская юстиция. – 1984. – № 8. – С. 22.

²⁸⁷ Игнатов А.Н. Ответственность за преступления против нравственности. – М., 1966. – С. 72.

²⁸⁸ Яковлев Я.М. Половые преступления. – Душанбе, 1969. – С. 127.

- принуждения к совершению сделки или к отказу от её совершения (ч. 1 ст. 179 УК РФ);

- принуждения свидетеля, потерпевшего к даче ложных показаний, эксперта, специалиста к даче ложного заключения или переводчика к осуществлению неправильного перевода, а равно принуждения указанных лиц к уклонению от дачи показаний (ч. 2 ст. 309 УК РФ).

Угроза уничтожением или повреждением имущества сама по себе не наказуема (за исключением случая такой угрозы в отношении лиц, осуществляющих правосудие или предварительное расследование, в связи с их служебной деятельностью – ст. 296 УК РФ), в отличие от УК РСФСР 1960 г., где в ст. 207 предусматривалась уголовная ответственность за такого рода угрозу. УК РФ 1996 г. декриминализировал это деяние, что с нашей точки зрения не вполне оправданно.

Следует отметить, что в составе преступления «Понуждение к действиям сексуального характера», предусмотренном ст. 133 УК РФ, имеется указание на способ совершения этого преступления путём угрозы изъятием имущества, чего нет ни в одном другом преступлении (по крайней мере, законодатель нигде больше прямо не указывает на такой вид угрозы).

Вероятно, под угрозой изъятия имущества понимается угроза любого вида противоправного изъятия имущества, будь то кража, грабёж, разбой, присвоение, растрата либо самоуправство. Такое положение представляется перспективным, мы считаем, что было бы целесообразно закрепить данный способ совершения преступления и в ряде других уголовно-правовых норм (например, в норме о вымогательстве).

Угроза распространением нежелательных к огласке сведений указывается как способ совершения преступления в вымогательстве (ст. 163 УК РФ) и в принуждении к совершению сделки или отказу от её совершения (ст. 179 УК РФ). В случае исполнения данной угрозы, руководствуясь п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 3 от 4 мая 1990 г. «О судебной прак-

тике по делам о вымогательстве», виновному вменяется совокупность ст. 163 либо ст. 179 УК РФ со ст. 129 или ст. 130 УК РФ соответственно.²⁸⁹

Угрозы неопределённого характера могут быть способами совершения доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ), вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ), незаконного получения и разглашения сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ), принуждения к даче показаний (ст. 302 УК РФ).

Опираясь на то, что законодатель не конкретизирует такие угрозы, следует вывод о том, что это могут быть угрозы самые разнообразные: от угрозы распространения позорящих сведений до угрозы убийством.²⁹⁰ Однако такая ситуация представляется неверной, когда в одних случаях в Уголовном законе конкретизируются угрозы, а в других – нет. Сопоставив санкции, например ч. 1 ст. 183 и ст. 119 УК РФ, обнаруживаем, что верхние их пределы равны. Таким образом, получается, что степень общественной опасности общей угрозы убийством (ст. 119 УК РФ) не отличается от степени общественной опасности незаконного получения сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, сопряжённого с угрозой убийством (ч. 1 ст. 183 УК РФ), что не логично. Причём, не исключается и совокупность разноплановых угроз в одном деянии.

Подводя итог, следует сказать, что такой способ совершения преступления как угроза имеет широкое распространение в современном уголовном праве России. Имеют место угрозы строго определённые и неопределённые. Зачастую одни и те же по форме угрозы в различных составах трактуются неоднозначно.

Рассматриваемым угрозам – способам совершения преступлений в теории и судебной практике уделяется недостаточно внимания, они требуют со-

²⁸⁹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1990. – № 7. – С. 2.

²⁹⁰ См., например: Пинкевич Т.В. Преступления в сфере экономической деятельности: уголовно-правовая характеристика, система, особенности квалификации. – Ставрополь, 2000. – С. 118.

вершенствования и упорядочения их использования при конструировании конкретных составов преступлений.

В частности, нами предлагается в п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ квалифицирующий признак грабежа «с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия» заменить признаком «с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения насилия», а в ч. 1 ст. 162 УК РФ признак «с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия» заменить признаком «с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой убийством». И во всех тех случаях, где законодатель использует аналогичные обороты, осуществить такие же изменения.

§ 4. Угроза в составах поставления в опасность

Под составами поставления в опасность нами предлагается понимать разновидность материальных составов преступлений, где специфичным последствием выступает угроза наступления вреда. Так, в ч. 1 ст. 247 УК РФ предусматривается ответственность за производство запрещённых видов опасных отходов, транспортировку, хранение, захоронение, использование или иное обращение радиоактивных, бактериологических, химических веществ и отходов с нарушением установленных правил, если эти деяния создали *угрозу* причинения существенного вреда здоровью человека или окружающей среде. По своей конструкции этот и ему подобные составы преступлений являются неординарными (поскольку составов поставления в опасность в УК РФ менее десятка) для отечественного уголовного законодательства.

Н.С. Таганцев признавал, что опасность для правоохраняемого интереса сама по себе является самостоятельным, запрещённым законом последствием, не зависимым от вредоносности деяния, на которое направляется преступная воля или которое создаётся таковой, составляя особую объективную разновидность преступных деяний – «деяния опасные».²⁹¹

Актуальность и необходимость существования составов поставления в опасность обосновывалась многими авторами. Так, И.И. Горелик отмечал, что противоправные деяния, не повлекшие реального вреда, являются достаточным основанием для уголовно-правового вмешательства, когда такие деяния создают конкретную угрозу для жизни и здоровья людей или хотя бы одного человека.²⁹²

Справедливо мнение В.А. Нерсеяна о том, что актуальность проблемы ответственности за поставление в опасность и включение соответствующих норм в законодательство определённо связаны с научно-техническим прогрессом. В то же время не остаются без внимания и иные источники повышенной опасности, слабо связанные (или даже не связанные) с научно-техническим прогрессом, но при определённых условиях также создающие угрозы человеку. Например, уничтожение имущества путём поджога.²⁹³

В уголовно-правовой литературе встречается точка зрения, согласно которой составы поставления в опасность следовало бы перевести из разряда материальных в формальные путём исключения из ч. 1 ст. 215, ч. 1 ст. 217, ч. 2 ст. 225, ч. 1 ст. 247, ч. 1 ст. 340, ч. 1 ст. 341 указания на последствие в виде угрозы причинения вреда. Данная позиция обосновывается сложностями применения перечисленных уголовно-правовых норм.²⁹⁴

²⁹¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. – Тула, 2001. – Т. 1. – С. 513.

²⁹² Горелик И.И. Ответственность за поставление в опасность по советскому уголовному праву. – Минск, 1964. – С. 3.

²⁹³ В. Нерсеян. Проблемы уголовной ответственности за неосторожные преступления в составах «поставления в опасность» // Уголовное право. – 2000. – № 4. – С. 20.

²⁹⁴ Крашенинников А.А. Угроза в уголовном праве России (проблемы теории и практики правового регулирования) / Отв. ред. А.И. Чучаев. – Ульяновск, 2002. – С. 145-146.

Такое предложение вызывает у нас категорическое возражение, так как его внедрение будет стирать грань между дисциплинарными проступками в виде нарушения специальных правил и преступлениями.

Однако в последнее время наблюдается другая тенденция, когда в составах поставления в опасность угроза наступления вреда заменяется фактическим наступлением вреда.

Так, Федеральным законом № 162-ФЗ от 8 декабря 2003 г. в ч. 1 ст. 215-1 УК РФ, предусматривающей ответственность за прекращение или ограничение подачи электрической энергии либо отключение от других источников жизнеобеспечения, слова «могло повлечь смерть человека или иные тяжкие последствия» заменены словами «повлекло по неосторожности причинение крупного ущерба, тяжкого вреда здоровью или иные тяжкие последствия». Такое неоправданное смягчение уголовно-правовых репрессий, на наш взгляд, не соответствует реалиям сегодняшнего дня. Достаточно обратить внимание на увеличивающееся количество аварий, катастроф и тому подобных происшествий.

Вместе с тем, некоторые авторы развивают идеи о составах поставления в опасность. Например, В.А. Нерсесян предлагает создать уголовно-правовую норму, которая бы охватывала несколько составов поставления в опасность и называлась «Создание общей опасности».²⁹⁵ По нашему мнению, в данном предложении есть много рационального, так как подобной нормой охватывались бы и не предусмотренные в настоящее время ситуации создания опасности.

Объект составов поставления в опасность может быть самым разнообразным. Так, родовым объектом преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 215, ч. 1 ст. 217, ч. 2 ст. 225 УК РФ, является общественная безопасность и общественный порядок, видовым – общественная безопасность, а непосредственными (основными) объектами будут, соответственно, отношения, регули-

²⁹⁵ Нерсесян В.А. Ответственность за неосторожные преступления. – СПб., 2002. – С. 138-139.

рующие безопасность на объектах атомной энергетики, отношения, регулирующие обеспечение электроэнергией и другими источниками жизнеобеспечения и т.д.

Дополнительными непосредственными объектами подобных преступлений выступают, как правило, жизнь, здоровье человека, отношения собственности, экологическая безопасность. В то же время в литературе встречается точка зрения, согласно которой, жизнь и здоровье человека в составах поставления в опасность следует признавать не только непосредственным объектом, но и видовым, в том числе.²⁹⁶

Объективная сторона составов поставления в опасность характеризуется следующими признаками. Рассматриваемые преступления могут совершаться как путём активных действий, так и путём бездействия. Содержание преступных действий зависит от конкретного состава.

В своём большинстве такие действия связаны с нарушением определённых правил. Так, в ч. 2 ст. 225 УК РФ устанавливается уголовная ответственность за нарушение правил по охране оружия массового поражения, в ч. 1 ст. 247 УК РФ за нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов, если эти деяния повлекли создание угрозы наступления тяжких последствий либо, соответственно, угрозы причинения вреда здоровью человека или окружающей среде.

Причём преобладающая часть составов поставления в опасность регламентирует уголовную ответственность за нарушение правил, связанных с использованием источников повышенной опасности. Исключение составляют такие преступления, как поставление другого лица в опасность заражения ВИЧ-инфекцией (ч. 1 ст. 122 УК РФ) и терроризм (ст. 205 УК РФ).

В составах поставления в опасность требуется установление в конкретном случае угрозы наступления преступного вреда. В данном случае угрозе бесспорно присуща её так называемая реальность, а вернее реальная возмож-

²⁹⁶ Горелик И.И. Указ. соч. – С. 6.

ность наступления вреда. Объективно, если угроза будет не реальной в составе поставления в опасность, а абстрактной, маловероятной к реализации в данный момент времени, в определённом месте и иных строго очерченных условиях, то и не может вестись речь об уголовной ответственности. Справедливо подмечено указанное свойство авторами, исследовавшими проблемы составов поставления в опасность, и называющими угрозу в таких случаях конкретной (в противовес абстрактной).

Что касается качества угрозы причинять психическую травму, то в составах поставления в опасность оно также присутствует. Данный вывод основывается на следующем. Тот факт, что в случае огласки ситуации, создающей угрозу, особенно жизни людей, психика человека (людей) страдает не в меньшей мере, нежели от угрозы убийством в отношении конкретного адресата.

Кроме того, угроза здесь имеет ещё и характеристику содержательную. Уголовным законом регламентировано, что ответственность за поставление в опасность наступает в случае, если была создана, как правило, угроза жизни и здоровью людей, а равно иных тяжких последствий. То есть создаётся такая ситуация виновным лицом, которая может повлечь действительное наступление обозначенных последствий. Причём дальнейшее развитие угрожающей ситуации может зависеть от виновного и (или) иных лиц (в случае принятия ими соответствующих мер по предотвращению), а может, в принципе, быть и бесконтрольной.

Наступление или ненаступление преступного вреда может зависеть существенно от сил природы. Так, Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения» от 5 ноября 1998 года № 14 предписывает судам, что создание угрозы причинения существенного вреда здоровью человека или окружающей среде подразумевает возникновение таких обстоятельств, которые повлекли бы вредные последствия, если бы не были прерваны во-

время принятыми мерами или иными обстоятельствами, не зависящими от воли причинителя вреда.²⁹⁷

В то же время, как показывает судебная практика, правоприменители зачастую не придают должного значения установлению наличия угрозы в составах поставления в опасность, а полагают, что сам факт нарушения специальных правил обращения с источниками повышенной опасности уже образует соответствующее преступление²⁹⁸, что является абсолютно неправильным.

Следует отметить, что в случае воплощения в действительность угрозы, конструкция объективной стороны состава поставления в опасность приобретает несколько иной характер. Выглядеть это будет в виде формулы: «деяние – причинная связь – последствия (угроза наступления вреда) – причинная связь – наступившие тяжкие последствия».

Не меньшее значение в составах поставления в опасность имеет установление причинной связи между действиями (либо бездействием) лица и наступившей угрозой. Данный момент является основополагающим, наряду с самой угрозой. Необходимо выяснить, что именно действиями виновного лица была создана угроза. Она не должна быть результатом каких-либо посторонних сил и явлений, полностью создавших угрозу или в большей степени оказавших влияние на создание угрожающей ситуации.

Разночтения имеют место и в исследованиях субъективной стороны составов поставления в опасность. Какова форма вины при совершении данных преступлений?

Руководствуясь ч. 2 ст. 24 УК РФ, поставление в опасность может быть совершено с умыслом, так как в статьях Уголовного кодекса РФ, предусмат-

²⁹⁷ Судебная практика к Уголовному кодексу РФ / Под общ. ред. В.М. Лебедева. – М., 2001. – С. 921.

²⁹⁸ Такой вывод следует из анализа следующих статей: Рубина Е., Стрельников Ю., Ушакова Е. Обращение с отходами производства и потребления: прокурорский надзор // Законность. – 2001. – № 6. – С. 30-34; Тюрин В. Нарушение правил обращения экологически опасных веществ // Законность. – 2000. – № 5. – С. 15.

ривающих уголовную ответственность за совершение деяний, обозначаемых в доктрине уголовного права «составами поставления в опасность», отсутствуют указания на возможность присутствия неосторожной формы вины в рассматриваемых преступлениях. Здесь же оговоримся, что, в свою очередь, вышеуказанная норма также толкуется не единообразно.

Итак, наиболее распространённой является точка зрения, согласно которой поставление в опасность может быть совершено только по неосторожности, то есть либо с преступным легкомыслием, либо с преступной небрежностью. Другая позиция основывается на признании возможности совершения данных преступлений ещё и с косвенным умыслом.²⁹⁹

Воспользуемся методом исключения. В первую очередь рассмотрим возможность поставления в опасность с прямым умыслом. Применяв формулировку ч. 2 ст. 25 УК РФ, обнаруживаем, что в такой ситуации практически любой состав поставления в опасность перерастает в терроризм. (Напомним, что нами предлагается рассматривать терроризм тоже как состав поставления в опасность, который и совершается только с прямым умыслом). Следовательно, прямой умысел в данных преступлениях невозможен.

Далее косвенный умысел. В таком случае лицо осознаёт нарушение определённых правил, предвидит возможность создания угрозы наступления вредных последствий, не желает, но сознательно допускает либо безразлично относится к возможности создания рассматриваемой угрозы. Такая ситуация, на наш взгляд, вполне приемлема. Косвенный умысел в составах поставления в опасность точнее всего отражает суть и характер преступления. Напрашивается вывод о том, что составы поставления в опасность, в соответствии с буквой закона, могут быть совершены только с косвенным умыслом.

С другой стороны, возникает вопрос о ненаказуемости подобных деяний при наличии преступных легкомыслия или небрежности. Подвергнем анализу возможность поставления в опасность по неосторожности.

²⁹⁹ См.: Тяжкова И.М. Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности / Под ред. В.С. Комиссарова. – СПб., 2002. – С. 247-248.

На примере нарушения правил безопасности на взрывоопасных объектах (ч. 1 ст. 217 УК РФ) это будет выглядеть следующим образом.

При легкомыслии виновный осознаёт, что нарушает правила безопасности на взрывоопасных объектах, предвидит возможность создания угрозы вреда, но без достаточных к тому оснований, самонадеянно рассчитывает на предотвращение угрозы смерти человека. А при небрежности лицо не осознаёт, что нарушает соответствующие правила, не предвидит возможности создания угрозы, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть угрозу смерти человека.

Из сказанного следует, что и небрежность, и легкомыслие в составах поставления в опасность, по крайней мере теоретически, могут присутствовать. Отсюда следует, что составам поставления в опасность присущи две формы вины: умысел и неосторожность. Исключается только прямой умысел.

Впрочем, наша позиция о возможности совершения состава поставления в опасность только с косвенным умыслом также имеет право на существование, с оговоркой о том, что в таком случае требуется включение в Уголовный кодекс соответствующих норм, предусматривающих ответственность за поставление в опасность по неосторожности.

Субъект составов поставления в опасность, в большинстве случаев, специальный – лицо, ответственное за соблюдение правил обращения с источниками повышенной опасности.

Нельзя оставить без внимания тезис В.В. Лукьянова (который мы уже упоминали) о том, что «угроза совершения дорожно-транспортного преступления является полноправным признаком объективной его стороны»³⁰⁰. Автор утверждает, что «фактическому совершению дорожно-транспортного преступления всегда предшествует угроза его совершения». «Всё, что проис-

³⁰⁰ Лукьянов В.В. Состав и квалификация дорожно-транспортных преступлений и административных правонарушений: Специальные вопросы уголовного и административного права. – М., 2003. – С. 27.

ходит с момента возникновения угрозы совершения дорожно-транспортного происшествия, уже не зависит от воли лица, виновного в её создании, а определяется теми условиями и обстоятельствами, в которых происходит движение автомобиля, лишённого управления»³⁰¹.

И.М. Тяжкова не согласна с такой постановкой данного вопроса В.В. Лукьяновым, её позиция основывается на отсутствии в Уголовном законе указания на «угрозу совершения дорожно-транспортного преступления».³⁰²

Мы также не можем полностью согласиться с В.В. Лукьяновым, но отмечаем, что автором предлагается революционный подход к проблеме дорожно-транспортных преступлений. Вызывает терминологическое возражение признак «угроза совершения дорожно-транспортного преступления». На наш взгляд, было бы более верным говорить в таком случае об угрозе причинения тяжкого вреда.

Как представляется, в свете вышеизложенного, было бы целесообразно в транспортных преступлениях (ст.ст. 263-269 УК РФ) последствия в виде тяжкого вреда здоровью, смерти человека, крупного ущерба заменить именно на угрозу причинения тяжкого вреда. Такое предложение обосновывается тем, что, по справедливому замечанию А.И. Коробеева, вредные последствия в подавляющем большинстве транспортных преступлений «носят, как правило, ситуативный и во многом случайный характер и, кроме того, не всегда адекватны степени тяжести нарушения соответствующих правил»³⁰³.

Такой законодательный шаг, по нашему мнению, отразился бы благоприятным образом на количестве совершаемых транспортных преступлений. И, кроме того, была бы решена проблема вины в транспортных преступлени-

³⁰¹ Лукьянов В.В. Состав и квалификация дорожно-транспортных преступлений и административных правонарушений: Специальные вопросы уголовного и административного права. – М., 2003. – С. 28.

³⁰² Тяжкова И.М. Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности / Под ред. В.С. Комиссарова. – СПб., 2002. – С. 127.

³⁰³ Коробеев А.И. Система норм о транспортных преступлениях: пути и способы законодательного совершенствования // Проблемы уголовно-правовой борьбы с неосторожностью. – Тюмень, 1991. – С. 16.

ях – вина в них в таком случае характеризовалась бы исключительно умыслом.

В заключение следует сказать о том, что конструкция составов поставления в опасность имеет сложный характер. По ряду позиций в теории уголовного права существуют самые различные точки зрения. Вопросы вины и отнесения данных преступлений к формальным либо материальным не имеют чёткого разрешения ни в законе, ни в теории. Уголовный закон в данной области использует различную терминологию относительно одних и тех же по содержанию аспектов. Так, нами предлагается формулировку «могло повлечь» заменить термином «угроза».

В преступлениях против безопасности движения и эксплуатации транспорта в ст.ст. 263-269 УК РФ последствия в виде «тяжкого вреда здоровью», «смерти человека», «крупного ущерба» заменить на «угрозу причинения тяжкого вреда».

Эти и другие вопросы требуют научного обсуждения, с дальнейшим внедрением наиболее оптимальных и перспективных решений в Уголовный кодекс РФ.

Заключение

Результаты настоящего исследования дали возможность сформулировать ряд выводов и на их основе внести соответствующие предложения, которые подробно излагались и обосновывались в тексте диссертации. Их основное содержание заключается в следующем.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Угроза – это категория уголовного права, выступающая в двух основных качествах: угроза как деяние и угроза как последствие.

2. Угроза характеризуется реальной возможностью наступления вреда (реальностью) и психическим насилием. Обязательным для всех видов является только первый признак угрозы. В теории уголовного права выделяются ещё несколько признаков угрозы: это информационность, наличие, действительность, конкретность и проч. Однако эти признаки понимаются многими авторами неоднозначно и, по нашему мнению, они не являются отличительными характеристиками угрозы.

3. Под реальностью угрозы в уголовном праве предлагается понимать реальную возможность её осуществления, которая, в свою очередь, означает совокупность объективных (время, место, способ, обстановка, орудия, а также средства, количество угрожающих лиц, предшествующие взаимоотношения виновного и потерпевшего и т.п.) и субъективных факторов (восприятие потерпевшим угрозы, осознание этого факта виновным, характеристики личностей виновного и потерпевшего и т.п.).

4. Угрозу-деяние можно определить как воздействие на психику отдельной личности, группы лиц, общество в целом, заключающееся в обнаружении субъективной решимости причинения вреда и реальной возможности его наступления.

5. Угроза в составе поставления в опасность – это конструктивный признак состава преступления - последствие, характеризующееся реальной возможностью наступления вреда, сопровождаемое психическим воздей-

вием на лицо (лиц), выступающего (выступающих) объектом угрозы, в случае его (их) осведомленности.

б. Угрозы-деяния предлагается классифицировать по следующим основаниям.

а) по содержанию угрозы на:

- конкретизированные (угроза убийством, угроза причинением тяжкого вреда здоровью, угроза уничтожением или повреждением чужого имущества);

- неконкретизированные (угроза насилием, просто угрозы (ч. 4 ст. 33, ст. 110 УК РФ и т.п.)).

б) по способу их выражения на:

- устные;

- письменные;

- конклюдентные.

в) по моменту предполагаемого исполнения угрозы на:

- угрозы немедленной реализации (при грабеже, разбое);

- угрозы реализации в будущем (при вымогательстве).

г) по сопряжённости с принуждением на:

- угрозы с принуждением (при вымогательстве);

- угрозы без принуждения (ст. 119 УК РФ).

Угрозы в составах поставления в опасность подразделяются на конкретизированные (угроза существенного вреда окружающей среде в ч. 1 ст. 247 УК РФ) и неконкретизированные (угроза тяжких последствий в ч. 2 ст. 225 УК РФ). Кроме того, российскому Уголовному закону известны несколько вариаций при конструировании составов поставления в опасность. Это, помимо угрозы, такой оборот как «могло повлечь» (ч. 1 ст. 217, ч. 1 ст. 340 УК РФ и др.). С точки зрения филологии оборот «могло повлечь» отражает основную характеристику угрозы – реальную возможность наступления вреда. Более того, термин «угроза» по смысловой нагрузке содержательнее других, он означает актуализированную, надвигающуюся опасность. И, кроме этого,

характеризуется наличием психического насилия, которое является факультативным признаком угрозы и в составах поставления в опасность, что не свойственно фразе «могло повлечь» или, например, слову «опасность». На основании чего следует вывод о необходимости замены существующих оборотов при конструировании составов поставления в опасность категорией «угроза».

7. Результаты анализа уголовного законодательства ряда зарубежных стран показывает, что в ряде иностранных государств угрозе как уголовно-правовой категории придаётся большее значение, в отличие от УК РФ. Так, в некоторых уголовных кодексах содержится определение термина «угроза». Подобные общие положения носят прогрессивный характер, и они могут быть взяты в качестве примера законотворческой деятельности, в том числе, и в России. В некоторых странах УК регламентирует, что моментом возникновения права на необходимую оборону является непосредственная угроза нападением. Подчеркнём, что такая же позиция свойственна и теории российского уголовного права, которая, к сожалению, в настоящее время не находит своего законодательного отражения.

8. В преобладающем большинстве зарубежных уголовных кодексов предусматривается ответственность за угрозы-деяния, в том числе, и за угрозу-способ совершения преступления. Во многих кодексах предусматривается уголовная ответственность за общие составы принуждения. Некоторые уголовные законы предусматривают ответственность за угрозу, адресатом которой выступает общество в целом.

9. На основе изучения уголовного законодательства ряда иностранных государств следует вывод, что составы поставления в опасность также имеют место практически во всех кодексах. В некоторых УК регламентируется ответственность за общие составы поставления в опасность. Кроме того, например, в УК Швеции предусматривается ответственность за неосторожное создание общественной опасности.

10. Проведённый анализ законодательства ряда зарубежных стран показал, что во всех исследованных нами уголовных кодексах предусматривается ответственность за противоправные угрозы.

Таким образом, многие положения зарубежных уголовных кодексов в части регламентации ответственности за угрозу существенно отличаются от отечественных. Вместе с тем, некоторые из них представляются перспективными и для российского уголовного законодательства.

11. С позиции объективной стороны состава преступления угроза является проявлением деяния (ст. 119 УК РФ), а в некоторых случаях – видом последствия, причём специфичным – в составах поставления в опасность (ч. 2 ст. 225, ч. 1 ст. 247 УК РФ).

12. В соучастии угроза выступает способом склонения другого лица к совершению преступления при подстрекательстве (ч. 4 ст. 33 УК РФ) и, чтобы признать её таковой, необходимо наличие у угрозы такого признака, как реальность. Вместе с тем, в случае невозможности устранения угрозы иными средствами, чем требуемыми подстрекателем, и вред причинённый будет менее тяжким, нежели вред предотвращённый, угроза может выступить в качестве извиняющего склонённое лицо обстоятельства – совершение преступления под воздействием психического принуждения (ч. 2 ст. 40 УК РФ). И, как следствие, будет иметь место посредственное причинение со стороны лица угрожающего. Если же угроза могла быть устранена иными средствами, чем то преступление, к которому склонил подстрекатель, и вред причинённый был более тяжким, нежели предотвращённый, то в результате угрозы следует квалифицировать только как обстоятельство, смягчающее наказание (п. «е» ч. 1 ст. 61 УК РФ), действующее в отношении склонённого лица. А в отношении подстрекателя, соответственно, будет применено обстоятельство, отягчающее наказание (п. «к» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

13. Угроза является одним из превалирующих способов психического принуждения. Психическое принуждение определяется насильственным воздействием на психику человека. Выделяются два основных способа такого

воздействия, одним из которых является информационное воздействие, заключающееся собственно в угрозах причинения вреда объектам уголовно-правовой охраны. Второй способ – это непосредственное воздействие на бессознательную сторону психики (сюда следует отнести гипноз, электронную стимуляцию мозга и т.п.).

14. Определённое значение имеет угроза и для института необходимой обороны. Так, общепризнанна точка зрения, согласно которой, право необходимой обороны возникает с момента создания угрозы причинения вреда охраняемым уголовным законом отношениям. В связи с этим, нами предлагается дополнить ч. 3 ст. 37 УК РФ предложением следующего содержания: «Право на необходимую оборону возникает с момента реальной угрозы общественно опасного посягательства».

15. Угроза является одним из условий правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление. Закон прямо не указывает на присутствие в данной ситуации угрозы, но она, очевидно, должна иметь место, так как в ст. 38 УК РФ указывается цель задержания, которая включает в себя стремление задерживающего пресечь возможность совершения задерживаемым лицом новых преступлений. Отсюда следует, что задерживаемое лицо должно создавать угрозу совершения новых преступлений.

16. Аналогично тому, какими свойствами угроза должна обладать в необходимой обороне для признания вреда правомерным, так и в случае правомерного причинения вреда в состоянии крайней необходимости угроза должна быть непосредственной, наличной и, само собой разумеется, реальной. Основное значение угрозы здесь состоит в том, что она выступает своеобразным «противовесом» при оценке правомерности причинённого вреда. Устраняемая угроза должна быть более значительной по характеру и степени общественной опасности, чем причинённый вред для исключения преступности деяния.

17. Угроза для жизни многих людей, угроза экологической катастрофы или общественного бедствия является одним из условий правомерности обоснованного риска (ч. 3 ст. 41 УК РФ).

18. Наибольшее распространение категория «угроза» имеет в Особенной части уголовного права. Так, рассмотрев виды угрозы, выступающие в российском уголовном праве в виде деяний, следует вывод, что они, закреплённые всего в пяти статьях Уголовного кодекса РФ, имеют разнообразные форму, структуру, содержание и самостоятельные исключительные свойства.

19. Уголовно наказуемые угрозы-деяния можно оформить в виде классификации, сгруппировав их по основным типам:

- угроза убийством;
- угроза причинением вреда здоровью;
- угроза применения насилия;
- угроза уничтожением или повреждением имущества;
- угроза совершения взрыва, поджога;
- угроза иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий.

20. Сформулированы конкретные предложения по совершенствованию уголовного законодательства. Так, предлагается изменить ст. 119 УК РФ, изложив её в новой редакции:

«Статья 119. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью

1. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы, -

наказывается ...

2. То же деяние, сопряженное с принуждением к совершению каких-либо действий (бездействия) либо к отказу от их совершения, а равно, совершённое с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, либо из хулиганских побуждений, -

наказывается ...».

Данное предложение основывается на том, что угроза, сопряжённая с принуждением, или угроза с оружием либо предметами, используемыми в качестве оружия, являются более общественно опасными деяниями по сравнению с угрозой, не отягощённой указанными обстоятельствами. Необходимость введения квалифицирующего признака угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью «из хулиганских побуждений» вытекает из последней редакции ст. 213 (Хулиганство), ст. 115 (Умышленное причинение лёгкого вреда здоровью), ст. 116 (Побои), ст. 167 (Умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества) от 8 декабря 2003 г.

21. Вызывающие обоснованную критику признаки объективной стороны терроризма, которые предусматривают такой альтернативный вариант, как совершение иных действий, создающих опасность иных общественно опасных последствий, представляются недопустимыми, поскольку это почва для произвольного толкования рассматриваемой уголовно-правовой нормы. В связи с этим предлагается в ч. 1 ст. 205 РФ слова «действий», «действия» заменить словами «деяний», «деяния» соответственно, а фразу «иных общественно опасных последствий» - фразой «иных тяжких последствий».

22. Ответственность за угрозу совершения акта терроризма должна быть самостоятельно регламентирована в ч. 1 ст. 205 УК РФ, действующие ч.ч. 1, 2, 3 ст. 205 УК РФ надлежит считать ч.ч. 2, 3, 4 соответственно. Такой вывод следует из различного характера и степени опасности реального совершения акта терроризма и угрозы его совершения.

23. Такой способ совершения преступления как угроза имеет широкое распространение в современном уголовном праве России. Имеют место угрозы строго определённые и неопределённые. Зачастую одни и те же по форме угрозы в различных составах трактуются неоднозначно.

Рассматриваемым угрозам – способам преступлений в теории и судебной практике уделяется недостаточно внимания, они требуют совершенство-

вания и упорядочения их использования при конструировании конкретных составов преступлений.

24. Угроза-способ совершения преступления, выступающая квалифицирующим признаком, характеризуется, в первую очередь, тем, что она является обстоятельством, отягчающим уголовную ответственность.

Кроме того, такому способу совершения преступления как угроза присуще свойство признака, разграничивающего смежные составы преступлений. Например, в зависимости от содержания угрозы хищение может быть квалифицировано как грабёж либо как разбой. Так, хищение, сопряжённое с угрозой применения насилия, не опасного для жизни или здоровья, квалифицируется как грабёж (п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ), а практически аналогичное деяние, совершённое с угрозой применения насилия, опасного для жизни или здоровья, как разбой (ч. 1 ст. 162 УК РФ).

Для более чёткого разграничения этих преступлений нами предлагается в п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ предусмотреть ответственность за «грабёж, совершённый с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения *насилия*», а в ч. 1 ст. 162 УК РФ за «разбой, то есть нападение в целях хищения чужого имущества, совершённое с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой *убийством*». В таком случае вопрос о разграничении угрозы причинения побоев от угрозы причинения лёгкого вреда здоровью был бы снят, и такая законодательная корректировка значительно бы упростила правоприменительную практику. Целесообразно, по нашему мнению, во всех тех ситуациях, где законодатель использует аналогичные обороты осуществить такие же изменения.

25. Различные виды угрозы-способа совершения преступления можно классифицировать по их содержанию. Всего существует в таком ракурсе 4 основных вида угроз:

- угроза насилием;
- угроза уничтожением или повреждением имущества;
- угроза распространением нежелательных к огласке сведений;

- и угроза, неопределённая законодателем.

26. Угроза насилем получила в Уголовном законе наибольшее распространение, более чем в 30 составах угроза закреплена в качестве способа совершения преступления. Причём угроза насилем используется в нескольких вариациях. Угроза насилем, в свою очередь, подразделяется на угрозу убийством, угрозу причинением тяжкого вреда здоровью, угрозу применения насилия, опасного для жизни или здоровья, угрозу применения насилия, не опасного для жизни или здоровья, и собственно угрозу применения насилия.

27. Угрозы неопределённого характера могут быть способами совершения доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ), вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ), незаконного получения и разглашения сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ), принуждения к даче показаний (ст. 302 УК РФ). Опираясь на то, что законодатель не конкретизирует такие угрозы, следует вывод о том, что это могут быть угрозы самые разнообразные: от угрозы распространения позорящих сведений до угрозы убийством. Однако такая ситуация представляется неверной, поскольку в одних случаях в Уголовном законе конкретизируются угрозы, а в других – нет.

28. Превалирующая часть составов поставления в опасность регламентирует уголовную ответственность за нарушение правил, связанных с использованием источников повышенной опасности. Исключение составляют такие преступления, как поставление другого лица в опасность заражения ВИЧ-инфекцией (ч. 1 ст. 122 УК РФ) и терроризм (ст. 205 УК РФ).

29. В составах поставления в опасность требуется установление в конкретном деянии угрозы наступления определённого в законе вреда. В данном случае угрозе бесспорно присуща её так называемая реальность а вернее реальная возможность наступления вреда. Объективно, если угроза будет не реальной в составе поставления в опасность, а абстрактной, маловероятной к реализации в данный момент времени, в определённом месте и при иных

строго очерченных условиях, то и не может вестись речь об уголовной ответственности.

30. Что касается качества угрозы оказывать психическое воздействие, то в составах поставления в опасность оно также присутствует. Данный вывод основывается на следующем. Тот факт, что в случае огласки ситуации, создающей угрозу, особенно жизни людей, психика человека (людей) страдает не в меньшей мере, нежели от угрозы убийством в отношении конкретного адресата.

31. Исходя из буквального толкования ст. 24 УК РФ, составы поставления в опасность могут совершаться только с косвенным умыслом. В то же время небрежность и легкомыслие в составах поставления в опасность, по крайней мере, теоретически, также могут иметь место. Отсюда вытекает, что составам поставления в опасность присуще две формы вины: умысел и неосторожность. Исключается только прямой умысел. Вместе с тем, отметим, что возможность совершения поставления в опасность только с косвенным умыслом также имеет право на существование, с оговоркой о том, что в таком случае требуется включение в Уголовный кодекс соответствующих норм, предусматривающих ответственность за поставление в опасность по неосторожности.

32. Изучение угрозы в составах поставления в опасность показало, что по ряду позиций в теории уголовного права существуют самые различные точки зрения. Вопросы вины и отнесения данных преступлений к формальным либо материальным не имеют чёткого разрешения ни в законе, ни в судебной практике, ни в теории. Законодатель использовал различную терминологию при конструировании составов поставления в опасность относительно одних и тех же по содержанию аспектов.

33. Некоторые составы преступлений нуждаются в изменении по типу составов поставления в опасность. Так, на наш взгляд, в преступлениях против безопасности движения и эксплуатации транспорта в ст.ст. 263-269 УК РФ последствия в виде «тяжкого вреда здоровью», «смерти человека»,

«крупного ущерба» целесообразно заменить на «угрозу причинения тяжкого вреда». Такой законодательный шаг, по нашему мнению, отразился бы благоприятным образом на количестве совершаемых транспортных преступлений. И, кроме того, была бы решена проблема вины в транспортных преступлениях – вина в них в таком случае характеризовалась бы исключительно умыслом.

Эти и другие проблемы угрозы в уголовном праве требуют дальнейшего научного обсуждения, с последующим внедрением наиболее оптимальных и перспективных решений в Уголовный кодекс РФ.

Список использованных правовых источников и литературы

Нормативные акты

1. Конституция РФ. – М., 2004.
2. Уголовный кодекс РФ. – М., 2004.
3. О безопасности: Закон РФ от 5 марта 1992 г. // Ведомости РФ. – 1992. – № 15. – Ст. 769.

Судебная практика

1. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1974. – №11. – С. 13-14.
2. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2002. – №11. – С. 12-13.
3. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2002. – № 6. – С. 17.
4. Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1972. – № 3. – С. 21-23.
5. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – № 2. – С. 5.
6. Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1965. – № 6. – С. 46-47.
7. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – № 2. – С. 6.
8. Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1972. – №2. – С. 33-34.
9. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – № 5. – С. 11.
10. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2000. – № 5. – С. 12.
11. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1968. – № 4. – С. 7-8.
12. Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1967. – № 4. – С. 19-20.
13. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1997. – № 12. – С. 4-5.
14. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2000. – № 9. – С. 8.
15. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1962. – № 8. – С. 10-
16. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – № 1. – С. 19.
17. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2000. – № 7. – С. 14.
18. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2000. – № 9. – С. 8.
19. Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1988. – № 3. – С. 18-19.
20. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1990. – № 7. – С. 2.

21. Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (РФ) по уголовным делам. – М., 1999.
22. Судебная практика ВС СССР. – 1945. – Вып. 5. – С. 5.
23. Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.М. Лебедева. – М., 2001.
24. Архив мировых судей г. Ставрополя.

Монографии и учебные пособия

1. Абсатаров Х.Х. Угроза убийством. – Уфа, 2001.
2. Акоев К.Л. Место совершения преступления и его уголовно-правовое значение. – Ставрополь, 2000.
3. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского язык: Практический справочник. – М., 1989.
4. Аниязц М.К. Ответственность за преступления против жизни по действующему законодательству союзных республик. – М., 1964.
5. Антонян Ю.М. Насилие. Человек. Общество. – М., 2001.
6. Ахметшин Х.М., Ахметшин Н.Х., Петухов А.А. Современное уголовное законодательство КНР. – М., 2000.
7. Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. – Киев – Петербург – Харьков, 1903.
8. Берко А.В., Кибальник А.Г. Применение запрещённых средств и методов ведения войны. – Ставрополь, 2002.
9. Бойко А.И. Преступное бездействие. – СПб., 2003.
10. Бородин С.В. Преступления против жизни. – СПб., 2003.
11. Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение. – М., 1967.
12. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. – М., 2003.
13. Гаухман Л.Д. Борьба с насильственными посягательствами. – М., 1969.
14. Гаухман Л.Д. Насилие как средство совершения преступления. – М., 1974.

15. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Ответственность за преступления против собственности. – М., 2001.
16. Горелик И.И. Ответственность за поставление в опасность по советскому уголовному праву. – Минск, 1964.
17. Гринберг М.С. Технические преступления. – Новосибирск, 1992.
18. Гусев О.Б., Завидов Б.Д., Коротков А.П., Слюсаренко М.И. Преступления против собственности. – М., 2001.
19. Гыскэ А.В. Борьба с преступностью в системе обеспечения внутренней безопасности российского общества. – М., 2001.
20. Даль В. Толковый словарь. – М., 1991. – Т.4.
21. Даль В. Толковый словарь. – М., 1989. – Т.2.
22. Демин Ю.М. Преступления против правосудия. – М, 1999.
23. Дмитренко А.П. Пределы правомерности права на необходимую оборону. – Ставрополь, 2000.
24. Ефимов М.А. Борьба с преступлениями против общественного порядка, общественной безопасности и здоровья населения. – Минск, 1971.
25. Емельянов В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования: уголовно-правовое исследование. – СПб., 2002.
26. Жордания И.Ш. Структура и правовое значение способа совершения преступления. – Тбилиси, 1977.
27. Зуев В.Л. Необходимая оборона и крайняя необходимость. Вопросы квалификации и судебной практики. – М., 1996.
28. Иванова В.В. Преступное насилие. – М., 2002.
29. Игнатов А.Н. Ответственность за преступления против нравственности. – М., 1966.
30. Изотов Н.Н., Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Уголовная ответственность за насильственные действия сексуального характера. – Ставрополь, 2000.
31. Калугин В.В. Физическое и психическое принуждение в уголовном праве. – Ставрополь, 2001.

32. Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Практический курс уголовного права России. – Ставрополь, 2001.
33. Кибальник А.Г. Преступление и ответственность в международном уголовном праве. – Ставрополь, 2002.
34. Козаев Н.Ш. Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния. – Ставрополь, 2001.
35. Козлов А.П. Учение о стадиях преступления. – СПб., 2002.
36. Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. – СПб., 2001.
37. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под ред. А.В. Наумова. – М., 1996.
38. Комиссаров В.С. Терроризм, бандитизм, захват заложника и другие тяжкие преступления против безопасности общества по новому УК РФ. – М., 1997.
39. Кочои С.М. Преступления против собственности (комментарий главы 21 УК РФ). – М., 2001.
40. Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. – М., 2000.
41. Крашенинников А.А. Угроза в уголовном праве России (проблемы теории и практики правового регулирования) / Отв. ред. А.И. Чучаев. – Ульяновск, 2002.
42. Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. – СПб., 2002.
43. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. – М., 1960.
44. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – М., 2001.
45. Кузнецова Н.Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. – М., 1958.
46. Курс советского уголовного права / Под ред. А.А. Пионтковского, П.С. Ромашкина, В.М. Чхиквадзе. – М., 1970. – Т. 4.
47. Курс советского уголовного права / Под ред. А.А. Пионтковского, П.С. Ромашкина, В.М. Чхиквадзе. – М., 1971. – Т. 5.

48. Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. – СПб., 1871.
49. Лукьянов В.В. Состав и квалификация дорожно-транспортных преступлений и административных правонарушений: Специальные вопросы уголовного и административного права. – М., 2003.
50. Ляпунов Ю.И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права. – М., 1989.
51. Марцев А.И. Общие вопросы учения о преступлении. – Омск, 2000.
52. Михлин А.С. Последствия преступления. – М., 1969.
53. Насильственная преступность / Под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. – М., 1997.
54. Нерсесян В.А. Ответственность за неосторожные преступления. – СПб., 2002.
55. Объективная сторона преступления (факультативные признаки) / Под ред. А.В. Наумова и С.И. Никулина. – М., 1995.
56. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Шведовой Н.Ю. – 2-е изд. – М., 1989.
57. Орехов В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния. – СПб., 2003.
58. Панов Н.И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность. – Харьков, 1982.
59. Побегайло Э.Ф., Ревин В.П. Необходимая оборона и задержание преступника в деятельности органов внутренних дел. – М., 1987.
60. Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. – М., 1909.
61. Пинкевич Т.В. Преступления в сфере экономической деятельности: уголовно-правовая характеристика, система, особенности квалификации. – Ставрополь, 2000.
62. Пудовочкин Ю.Е. Уголовно-правовая борьба с вовлечением несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий: проблемы квалификации и профилактики. – Ставрополь, 2000.

63. Российское уголовное право. Особенная часть / Под ред. М.П. Журавлёва и С.И. Никулина. - М., 1998.
64. Саруханян А.Р. Преступления против порядка управления. – Ставрополь, 2003.
65. Сердюк Л.В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование. – М., 2002.
66. Словарь по уголовному праву / Отв. ред. А.В. Наумов. – М., 1997.
67. Сухарева Н.Д., Сухарев Д.Л. Нападение на лиц или учреждения, пользующиеся международной защитой. – Ставрополь, 2003.
68. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. – Тула, 2001. – Т. 1.
69. Таганцев Н.С. О преступлениях против жизни по русскому праву. – СПб., 1870.
70. Таганцев Н.С. Курс русского уголовного права. Часть Общая. Книга первая. Учение о преступлении. – СПб., 1874.
71. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия / Под ред. М.Ю. Тихомирова. – М., 1999.
72. Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. – М., 1957.
73. Тяжкова И.М. Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности / Под ред. В.С. Комиссарова. – СПб., 2002.
74. Уголовное право России. Особенная часть / Под ред. А.Н. Игнатова и Ю.А. Красикова. – М., 2000.
75. Уголовное право. Особенная часть / Под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой, Г.П. Новосёлова. – М., 2001.
76. Уголовное право. Общая часть / Отв. ред. И.Я. Козаченко и З.А. Незнамова. – М., 1998.
77. Уголовное право. Особенная часть / Под ред. Н.И. Ветрова и Ю.И. Ляпунова. – М., 1998.
78. Уголовный кодекс Австралии 1995 г. / Научное редактирование И.Д. Козочкина, Е.Н. Трикоз. Перевод Е.Н. Трикоз. – СПб., 2002.

79. Уголовный кодекс Азербайджанской республики / Науч. ред. И.М. Рагимова. Перевод Б.Э. Аббасова. – СПб., 2001.
80. Уголовный кодекс Аргентины. – СПб., 2003.
81. Уголовный кодекс Грузии / Науч. ред. З.К. Бигвава. Перевод И. Мериджанашвили. – СПб., 2002.
82. Уголовный кодекс Дании / Научный редактор С.С. Беляев. Перевод С.С. Беляева, А.Н. Рычёвой. – СПб., 2001.
83. Уголовный кодекс Латвийской Республики / Науч. ред. А.И. Лукашова, Э.А. Саркисовой. Перевод А.И. Лукашова. – СПб., 2001.
84. Уголовный кодекс Республики Беларусь. – СПб., 2001.
85. Уголовный кодекс Республики Болгария / Науч. ред. А.И. Лукашова. Перевод Д.В. Милушева, А.И. Лукашова. – СПб., 2001.
86. Уголовный кодекс Республики Молдова. – СПб., 2003.
87. Уголовный кодекс Республики Польша / Научные редакторы А.И. Лукашов, Н.Ф. Кузнецова. Перевод Д.А. Барилевич. – СПб., 2001.
88. Уголовный кодекс Республики Сан-Марино / Науч. ред. С.В. Максимова. Перевод В.Г. Максимова. – СПб., 2002.
89. Уголовный кодекс Республики Узбекистан. – СПб., 2001.
90. Уголовный кодекс Турции / Науч. ред. и перевод Н. Сафарова и Х. Бабаева. – СПб., 2003.
91. Уголовный кодекс Швейцарии / Перевод и научное редактирование А.В. Серебренниковой. – СПб., 2002.
92. Уголовный кодекс Швеции / Научные редакторы Н.Ф. Кузнецова и С.С. Беляев. Перевод С.С. Беляева. – СПб., 2001.
93. Уголовный кодекс Эстонской республики / Науч. ред. и перевод В.В. Запелалова. – СПб., 2001.
94. Уголовный кодекс Японии / Научный редактор А.И. Коробеев. – СПб., 2002.
95. Угрехелидзе М.Г. Проблема неосторожной вины в уголовном праве. – Тбилиси, 1976.

96. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – СПб., 1845.
97. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. – СПб., 1900.
98. Шарапов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве. – СПб., 2001.
99. Шаргородский М. Преступления против жизни и здоровья. – М., 1947.
100. Яковлев Я.М. Половые преступления. – Душанбе, 1969.

Статьи

1. Гаухман Л.Д. Уголовно-правовая борьба с терроризмом // Законность. – 2001. – № 5. – С. 5-6.
2. Гацко М. О соотношении понятий «угроза» и «опасность» // Обозреватель. – 1997. – № 7. – С. 24-29.
3. Друзин А. Угроза как признак преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ // Уголовное право. – 2003. – № 1. – С. 23.
4. Дягилев Р.В. Угроза – основной вид психического насилия / Новое уголовное законодательство России: проблемы теории и практики: Сб. статей / Под общ. ред. В.А. Никонова. – Тюмень, 1999. – С. 86-89.
5. Емельянов В.П. Разграничение терроризма и посягательств с элементами терроризирования // Российская юстиция. – 2001. – № 4. – С. 50.
6. Зателепин О. К вопросу о понятии объекта преступления в уголовном праве // Уголовное право. – 2003. – № 1. – С. 30-31.
7. Коробеев А.И. Система норм о транспортных преступлениях: пути и способы законодательного совершенствования // Проблемы уголовно-правовой борьбы с неосторожностью. – Тюмень, 1991. – С. 16.
8. Костров Г.К. Психическое насилие при разбое и грабеже // Советская юстиция. – 1970. – №11. – С. 9.
9. Костров Г.К. Нужен общий состав об ответственности за принуждение // Советская юстиция. – 1976. – № 2. – С. 22-23.
10. Литовко М.А., Хеффдинг Х. Использование гипноза при совершении преступления // Юрист. – 1998. – № 2. – С. 33-36.

11. Лукьянов В., Борисова Н. Угроза причинения вреда как последствие правонарушения // Российская юстиция. – 2002. – № 8. – С. 43.
12. Нерсесян В. А. Проблемы уголовной ответственности за неосторожные преступления в составах «поставления в опасность» // Уголовное право. – 2000. – № 4. – С. 21.
13. Новосёлов Г. Без преступных последствий нет преступления // Российская юстиция. – 2001. – № 3. – С. 56.
14. Орешкина Т. Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Уголовное право. – 2000. – № 1. – С. 36.
15. Орешкина Т. Уголовно-правовое значение непреодолимой силы // Уголовное право. – 2003. – № 2. – С. 59.
16. Петрунев В.П. Ответственность за угрозу // Советская юстиция. – 1970. – № 19. – С. 23.
17. Петрунев В.П. Борьба с уголовно наказуемыми угрозами // Советская юстиция. – 1975. – № 17. – С. 14.
18. Расторопов С. Понятие объекта преступления: история, состояние, перспектива // Уголовное право. – 2002. – № 1. – С. 37.
19. Рубина Е., Стрельников Ю., Ушакова Е. Обращение с отходами производства и потребления: прокурорский надзор // Законность. – 2001. – № 6. – С. 30-34.
20. Сердюк Л.В. Особенности уголовно-правовой оценки угрозы убийством // Советская юстиция. – 1984. – № 8. – С. 21.
21. Тер-Акопов А.А. О правовых аспектах психической активности и психологической безопасности человека // Государство и право. – 1993. – № 4. – С. 88-97.
22. Тюрин В. Нарушение правил обращения экологически опасных веществ // Законность. – 2000. – № 5. – С. 15.
23. Церетели Т.В. Деликты создания опасности // Советское государство и право. – 1970. – № 8. – С. 61.

24. Щепельков В.Ф. Соучастие при физическом или психическом принуждении // Законность. – 2001. – № 11. – С. 35.

Диссертации

1. Костров Г.К. Уголовно-правовое значение угрозы: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1970.
2. Левертова Р.А. Ответственность за психическое насилие по советскому уголовному праву: Дис. ... канд. юрид. наук. – Хабаровск, 1972.
3. Мазуков С.Х. Уголовно-правовая защита личности от угрозы убийством: Дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 1997.
4. Петрунев В.П. Ответственность за угрозу убийством, нанесением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества по советскому уголовному законодательству: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1970.
5. Сердюк Л.В. Психическое насилие как предмет уголовно-правовой оценки: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1979.
6. Стерехов Н.В. Ответственность за угрозу по советскому уголовному праву (вопросы теории и практики): Дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1972.

Авторефераты диссертаций

1. Безбородов Д.А. Уголовно-правовое и криминологическое исследование подстрекательства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1998.
2. Веселов Е.Г. Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключаящее преступность деяния: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2002.
3. Кабурнеев Э.В. Ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002.
4. Кибальник А.Г. Влияние международного уголовного права на российское уголовное право: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2003.

5. Крашенинников А.А. Угроза в уголовном праве России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2002.
6. Новосельцев С.П. Преступления с формальным составом в уголовном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 1998.
7. Пушкин А.В. Подстрекательство к совершению преступления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1995.
8. Саруханян А.Р. Преступления против порядка управления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2002.
9. Сердюк Л.В. Психическое насилие как предмет уголовно-правовой оценки: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1979.
10. Стерехов Н.В. Ответственность за угрозу по советскому уголовному праву: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1972.
11. Тимейко Г.В. Проблемы общего учения об объективной стороне преступления: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1986.
12. Чернявский А.Д. Психическое насилие при совершении корыстных преступлений: уголовно-правовые и криминологические проблемы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1991.